

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Клуб ядерных держав в XXI столетии

Читайте в номере:

Особенности национальной противоракетной обороны

Страновые стратегии «индивидуального покроя» в новой ядерной доктрине США

«Ядерное противостояние» в Южной Азии

К вопросу о формировании антииранской стратегии Дональда Трампа

Ядерно-оружейный комплекс и денуклеаризация Северной Кореи

Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики

Ядерная программа Израиля

Аргентина и Бразилия: от военных ядерных программ к национальной атомной энергетике

Ядерное оружие в Европе: вокруг статус-кво

Роль Франции в реализации Израильской ядерной программы в контексте современного дискурса по данному вопросу

ТОМ 11 • НОМЕР 6 • 2018

Контуры глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 11 • NUMBER 6 • 2018

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Контурсы глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИМЭМО РАН
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ
Багдасарян В.Э., МГУ
Вершинин А.А., МГУ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества
Володенков С.В., МГУ
Жебит А., Федеральный университет г. Рио-де-Жанейро (Бразилия)
Звягельская И.Д., МГИМО (Университет)
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований (США)
Кривопапов А.А., Центр изучения кризисного общества
Либман А.М., Мюнхенский университет (Германия)
Лившин А.Я., МГУ
Лиухто К., Панъевропейский институт (Финляндия)
Лукин А.В., МГИМО (Университет)
Мельвиль А.Ю., НИУ ВШЭ
Миграция А.А., Институт экономики РАН
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ
Пабст А., Кентский университет (Великобритания)
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел (Индия)
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ
Схолте Я.А., Школа глобальных исследований (Швеция)
Телин К.О., МГУ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет)
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН
Лисицын-Светланов А.Г., Институт государства и права РАН
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Садовничий В.А., МГУ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет)
Шутов А.Ю., МГУ
Молчаков Н.Ю., секретарь, Центр изучения кризисного общества

Учредитель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект,
д. 32, к. 2.
Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
Тел.: +7 (903) 556-34-19

E-mail: molchakov@centero.ru
Периодичность: 6 раз в год
Тираж: 1000 экз.
Журнал распространяется бесплатно.

Содержание

США: новые реалии

Алексей Георгиевич АРБАТОВ. Особенности национальной противоракетной обороны 6–20

Наталья Игоревна БУБНОВА. Страновые стратегии «индивидуального покроя» в новой ядерной доктрине США 21–39

Политические процессы в меняющемся мире

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН, Винай ШУКЛА. «Ядерное противостояние» в Южной Азии 40–55

Александр Иванович ШУМИЛИН, Инна Викторовна ШУМИЛИНА. К вопросу о формировании антииранской стратегии Дональда Трампа ... 56–67

Азия: вызовы и перспективы

Анатолий Степанович ДЬЯКОВ. Ядерно-оружейный комплекс и денуклеаризация Северной Кореи 68–80

Константин Вадимович БОГДАНОВ. Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики 81–95

В национальном разрезе

Татьяна Анисимовна КАРАСОВА. Ядерная программа Израиля 96–108

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ. Аргентина и Бразилия: от военных ядерных программ к национальной атомной энергетике 109–127

Проблемы Старого света

Андрей Владимирович ЗАГОРСКИЙ. Ядерное оружие в Европе: вокруг статус-кво 128–143

Страницы прошлого

Дмитрий Александрович МАРЬЯСИС. Роль Франции в реализации израильской ядерной программы в контексте современного дискурса по данному вопросу 144–160

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, USA
Alexander M. Libman, Ludwig Maximilian University of Munich, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Kari Liuhito, Pan-European Institute, Finland
Alexander V. Lukin, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Andrei Y. Melville, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, United Kingdom
Jan A. Scholte, School of Global Studies, Sweden
Kanwal Sibal, Foreign Secretary (ret.), India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Alexander Zhebitt, Federal University of Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation
Nikita Y. Molchakov – Executive Secretary, Center for Crisis Society Studies, Russian Federation

Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
 Russian Federation
Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Tel.: +7 (903) 556-34-19

E-mail: molchakov@centero.ru
Frequency: 6 per year
Circulation: 1000 copies
Subscription: The journal content is free distributed

Contents

USA: New Realities

Aleksei G. ARBATOV. The Peculiarities of the National Missile Defense 6–20

Natalia I. BUBNOVA. “Tailored” Country Strategies
in the U.S. Nuclear Posture Review 21–39

Political Processes in the Changing World

Andrey G. VOLODIN, Vinay SHUKLA. The “Nuclear Confrontation”
in South Asia 40–55

Aleksandr I. SHUMILIN, Inna V. SHUMILINA. Donald Trump's
anti-Iranian Strategy 56–67

Asia: Challenges and Perspectives

Anatoly S. DIYAKOV. The Nuclear-Weapons Complex and Denuclearization
of North Korea 68–80

Konstantin V. BOGDANOV. The Nuclear Forces and Nuclear Strategy
of the People's Republic of China 81–95

National Peculiarities

Tat'yana A. KARASOVA. Israel's Nuclear Programme 96–108

Petr P. YAKOVLEV. Argentina and Brazil: from Military Nuclear Programs
to National Atomic Energy 109–127

Problems of the Old World

Andrei V. ZAGORSKI. Nuclear Weapons in Europe: around the Status Quo ... 128–143

The Pages of the Past

Dmitry A. MAR'JASIS. France, Implementation of the Israeli
Nuclear Program and the Discussion on this Issue 144–160

США: новые реалии

Особенности национальной противоракетной обороны

Алексей Георгиевич АРБАТОВ

академик РАН, доктор исторических наук, руководитель Центра международной безопасности, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: arbatov@imemo.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Арбатов А.Г. (2018) Особенности национальной противоракетной обороны // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 6–20. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-6-20

АННОТАЦИЯ. В основе стратегических отношений Москвы и Вашингтона вокруг проблемы ПРО долгое время лежал принцип, сформулированный в конце 1960-х годов, согласно которому противоракетные системы для защиты территории считались дестабилизирующими, а их ограничение укрепляло стратегическую стабильность. С тех пор и по сей день СССР и Россия придерживались этого принципа, а США периодически отходили от него в 1980-е годы (проект СОИ) и окончательно отказались к настоящему времени.

При этом возможность нынешней и прогнозируемой ПРО США сколько-нибудь заметно воздействовать на потенциал российского ядерного удара большинство независимых ведущих экспертов оценивают как крайне незначительную. Однако односторонний выход США из Договора по ПРО в 2002 г. подрывал доверительные политические отношения между Москвой и Вашингтоном. Противоречия усугубляются и нежеланием США предоставить России юридические обязательства ненаправленности против нее американской системы ПРО (в частности, ограничение ее технических параметров). Это тем более так, поскольку ПРО США развивается как система,

расширение и совершенствование которой не имеет никаких ограничений.

Ответом России на создание национальной ПРО США стала модернизация стратегических ядерных сил и создание собственной системы воздушно-космической обороны (ВКО).

Различие в подходах к построению систем ПРО в США и ВКО в России состоит в том, что американская система предназначена для обороны от ограниченных ударов межконтинентальными баллистическими ракетами по североамериканскому континенту и ракетами средней дальности по территориям ближайших союзников США в Европе и Тихоокеанском регионе. Российская ВКО представляет собой эшелонированную систему, предназначенную для защиты от длительной наступательной операции США (НАТО), ведущейся с применением обычного высокоточного оружия (включая в будущем гиперзвуковые системы и орбитальные средства), а также с ограниченным применением ядерного оружия.

Несмотря на длительное отсутствие содержательного российско-американского диалога по проблеме ПРО, еще остается возможность для достижения конструктивных договоренностей.

Возможное продолжение переговоров России и США по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений открыло бы окно для достижения компромисса и по ПРО.

В основе такого решения может лежать согласованный пороговый уровень для разграничения между, с одной стороны, системой ПРО, которая способна ощутимо повлиять на стратегическую стабильность за счет способности перехватывать большее число американских или российских МБР и БРПЛ, и с другой стороны – системами обороны, которые позволяют России и США защититься от ударов третьих государств и экстремистских режимов и укрепят их обоюдную безопасность. Первая категория будет подлежать ограничению, а второй дадут «зеленый свет». Более того, применительно к обороне второго класса вновь открывается возможность сотрудничества в развитии элементов систем ПРО двух держав, что было декларировано в 2002 г., но так и не воплотилось в жизнь до настоящего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ПРО, воздушно-космическая оборона, стратегическая стабильность, переговоры по ограничению и сокращению стратегических вооружений, кризис контроля над стратегическими вооружениями, внешняя политика

В современной внешней и военной политике России, а также в тематике стратегических исследований найдется немного проблем, занимающих столь важное место, как противоракетная оборона (ПРО) США и их союзников. Эта тема периодически выходит на передний план, как случилось и в на-

шумевшем Послании Президента России Владимира Путина Федеральному собранию 1 марта 2018 г.¹ Гораздо реже обсуждается российская система и программа ПРО, хотя она тоже является неотъемлемым элементом глобального и регионального военно-стратегического баланса, наряду с наступательными вооружениями ведущих держав и третьих стран.

В настоящей статье представлен сравнительный анализ этих систем и программ в сочетании с наступательными стратегическими системами и программами сторон, их военными доктринами и позициями на переговорах по контролю над вооружениями.

Угроза ПРО США – российский взгляд

Москва рассматривает систему ПРО США и их союзников как одну из основных военных угроз национальной безопасности России. Как известно, американская наземная система противоракетной обороны на среднем участке полета (Ground Based Mid-Course Defense, GBMD) помимо обширной сети пунктов управления, связи и разведки включает 44 ракеты-перехватчика наземного базирования (ГБИ, Ground Based Interceptors, GBI) – стратегические ракеты-перехватчики большой дальности, размещенные на Аляске и в Калифорнии и предназначенные для защиты от единичных или ограниченных ударов с применения МБР против США со стороны Ирана, Северной Кореи и потенциально других государств (например, КНР). При республиканской администрации число развертываемых перехватчиков может быть уве-

1 Послание Президента Федеральному собранию (2018) // Сайт Президента России. 1 марта 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>, дата обращения 30.11.2018.

лично до 64 или даже 104 (по проекту Конгресса) единиц².

Дополнительно для перехвата ракет на среднем и конечном участках полета разворачиваются ракетные системы Standard (SM-3 Block-IA) на кораблях в Средиземном море, ракеты-перехватчики SM-3 (Block-IB) с улучшенными характеристиками в Румынии, усовершенствованная версия перехватчика SM-3 (Block-IIA) в Польше и, возможно, в будущем на кораблях в северных морях вокруг Европы. Все эти средства предназначены для защиты европейских союзников США от ограниченных ударов баллистических ракет средней дальности [Уилкенинг 2012].

Следует отметить, что применительно к размещению системы ПРО в Румынии и Польше российская сторона несколько лет назад обоснованно подняла вопрос о возможном нарушении советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) от 1987 г. Как известно, перехватчики типа SM-3 размещены на боевых кораблях США в универсальных пусковых установках типа Mk-41, в которых также устанавливаются крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) средней дальности типа «Tomahawk» с обычными боеголовками. В стратегическом отношении вероятность тайного развертывания наступательных ракет вместо оборонительных средств в Румынии и Польше весьма сомнительна³. Тем не менее без дополнительного соглашения по верификации Россия не будет иметь технической возможности убедиться, что под видом системы ПРО в Европу не

возвращаются наступательные вооружения, запрещенные по ДРСМД, и что они не оснащаются ядерными боеголовками.

Заявленное в октябре 2018 г. намерение США выйти из этого договора придает российским опасениям повышенную политическую весомость. Крах ДРСМД может повлечь новый раунд гонки наступательных и оборонительных вооружений средней дальности в Европе и Азии с опаснейшими военно-политическими последствиями и большими экономическими издержками. Впрочем, это является темой отдельного исследования.

Что касается противоракетной тематики, то, по свидетельству некоторых руководителей ведущих российских центров ракетостроения [Юрий Соломонов 2011, с. 85–86], эта система США/НАТО обладает ограниченными возможностями противодействия российским стратегическим силам, оснащенным эффективными средствами преодоления ПРО. Такое мнение разделяют многие независимые российские и американские эксперты в области обороны и безопасности, которые считают, что система противоракетной обороны США/НАТО ни в ее существующем, ни в прогнозируемом виде не может ослабить российский стратегический потенциал ответно-встречного и даже глубокого ответного удара⁴.

Тем не менее руководство России настаивает на том, что ПРО США подрывает российский потенциал ядерного сдерживания и двустороннюю стратегическую стабильность, а потому является основным препятствием для пе-

2 H.R. 2810 – National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018, 115th Congress (2017) // Congress.gov, December 12, 2017 // <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/2810/text>, дата обращения 30.11.2018.

3 В частности, такие наступательные ракеты в стационарных поземных пусковых установках были бы крайне уязвимы для российского упреждающего удара с использованием как ядерных, так и высокоточных обычных средств. Напомним, что даже в начале 1980-х гг. США начали развертывание таких систем в Европе на мобильных пусковых установках.

4 Рогов С.М., Есин В.И., Золотарев П.С., Кузнецов В.С. (2012) 10 лет без Договора по ПРО // Независимая газета. 7 июня 2012 // http://www.ng.ru/politics/2012-06-07/3_kartblansh.html, дата обращения 30.11.2018.

реговоров по следующему договору СНВ. В начале первого президентского срока Владимира Путина, в 2002 г., несмотря на выход США из Договора по ПРО), была подписана совместная Декларация России и США, в которой стороны обязались «изучить возможные направления сотрудничества в области противоракетной обороны, в том числе... возможные программы совместных исследований и разработок в области технологий ПРО»⁵.

В течение следующих десяти лет, несмотря на возражения российской стороны и вопреки духу Декларации 2002 г., США отказались всерьез рассматривать возможность создания совместной системы противоракетной обороны или принимать на себя «юридические обязательства» (предполагающие технические ограничения), которые позволили бы гарантировать, что их система ПРО не предназначена для перехвата российских ракет.

Когда в июле 2015 г. был подписан Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе, а программа развертывания ПРО США так и не была ограничена, Путин достаточно жестко заявил на совещании Валдайского форума 2015 г. в Сочи: «Под предлогом ракетно-ядерной угрозы со стороны Ирана, как мы знаем, разрушена фундаментальная основа современной международной безопасности – Договор об ограничении противоракетной обороны. США в одностороннем порядке из него вышли. Сегодня, кстати, иранская ядерная проблема решена... Причина, вроде бы побудившая наших американ-

ских партнеров строить систему противоракетной обороны, исчезла. И мы вправе были бы ожидать, что и работа над развитием ПРО США прекратится. А что на самом деле? Ничего подобного не происходит, наоборот – все продолжается... Нас, да и весь мир, пытались в очередной раз ввести в заблуждение просто. А сказать совсем попросту – обманывали»⁶. Американский довод о том, что СВПД не затрагивает ракетную программу Тегерана и потому объекту для перехвата противоракетной системой не исчез, в Москве был воспринят как очередной предлог для продолжения развертывания ПРО против России. Отказ США от СВПД в 2018 г. и вероятность возобновления ядерной программы Ирана в полном объеме едва ли убедят Москву в обоснованности американской системы ПРО.

Впрочем, позиция российского руководства по американской ПРО продиктована не только политическими, но и стратегическими мотивами. Примерно с 2012 г. в России формировалась концепция, согласно которой у США есть замысел обесценить (или, как иногда говорят, «обнулить») российский потенциал ядерного сдерживания с помощью сочетания высокоточных наступательных систем обычных вооружений большой дальности, способных наносить обезоруживающий удар, и неядерных противоракетных систем для отражения ослабленного ответного удара со стороны России⁷. Согласно этой концепции, основным преимуществом обычного наступательного потенциала является низкий побочный ущерб его применения, что теоретически должно удерживать

5 Московская декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки (2002) // Сайт Президента России. 24 мая 2002 // <http://kremlin.ru/supplement/3477>, дата обращения 30.11.2018.

6 Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2015) // Сайт Президента России. 22 октября 2015 // <http://kremlin.ru/events/president/news/50548>, дата обращения 30.11.2018.

7 Иванов П. (2018) День длинных кинжалов // Военно-промышленный курьер. № 11(724).

подвергшуюся нападению со стороны ответного ядерного удара, за которым последует сокрушительный ядерный залп агрессора.

В 2014 г. президент Путин описал основания для обеспокоенности Москвы в связи с новыми системами оружия: «Сегодня многие виды высокоточного оружия по своим возможностям уже приблизились к оружию массового поражения, и в случае отказа, полного отказа от ядерного потенциала или критического снижения его объемов страны, обладающие лидерством в создании и производстве высокоточных систем, получают явное военное преимущество. Будет сломан стратегический паритет, а это чревато дестабилизацией. Возникает соблазн использования так называемого первого глобального обезоруживающего удара. Словом, риски не снижаются, а возрастают»⁸. Заместитель председателя правительства того времени Дмитрий Рогозин заявил (сославшись на неизвестную компьютерную игру Пентагона), что с помощью 3000–4000 единиц американских высокоточных вооружений можно в течение шести часов уничтожить 80–90% стратегических сил России, в результате чего «государство лишится возможности сопротивляться»⁹.

Этот потенциал, как считается, дополняется внушительными средствами обороны, которые Владимир Путин подробно описал в своем послании в марте 2018 г.: «Несмотря на наши многочисленные протесты и призывы, американская машина заработала, конвейер пошел. Действуют уже системы ПРО на Аляске и в Калифор-

нии, как результат расширения НАТО на восток появились два района ПРО в Восточной Европе: в Румынии он уже создан, в Польше завершается развертывание. Дальность используемых противоракет будет расти, планируется развернуть их в Японии и Южной Корее. В состав глобальной системы ПРО США входит и морская группировка – это пять крейсеров и 30 эсминцев, насколько нам известно, развернутых в районах в непосредственной близости от территории России. Ничего здесь не преувеличиваю, работа и сегодня идет полным ходом»¹⁰.

Со стратегической стороны этого вопроса дело серьезно осложняется характером американской ПРО как программы «с открытым продолжением» и отказом США от каких-либо ее технических или стратегических ограничений. Такие ограничения по указанию политических лидеров могли бы быть разработаны экспертами, поскольку для устранения угрозы, которую представляют несколько примитивных ракет «государств-изгоев», нужна совершенно иная система обороны, чем для отражения российского (или даже китайского) массированного удара с применением технически совершенных ракет. В 1997 г. России и США удалось согласовать параметры разграничения систем стратегической ПРО и обороны театра военных действий (ПРО ТВД – защиты от ракет средней и тактической дальности). Однако эта договоренность так и не вступила в законную силу в связи с решением республиканской администрации США окончательно выйти из Договора по ПРО в 2002 г.

8 Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» (2014) // Сайт Президента России. 24 октября 2014 // <http://kremlin.ru/events/president/news/46860>, дата обращения 30.11.2018.

9 Дмитрий Рогозин: Чтобы парализовать Россию, достаточно нанести 4 тыс. ударов высокоточным оружием (2013) // ТАСС. 28 июня 2013 // <http://tass.ru/arhiv/626071>, дата обращения 30.11.2018.

10 Послание Президента Федеральному собранию (2018) // Сайт Президента России. 1 марта 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>, дата обращения 30.11.2018.

С тех пор выработка такого соглашения препятствовало глубокое предубеждение против любых ограничений систем ПРО американских политических кругов.

Этот вопрос остается главным камнем преткновения для выработки следующего договора по СНВ, что подтверждает и отрицательный ответ Москвы на предложение, сделанное Вашингтоном в начале февраля 2016 г., о сокращении ядерных сил на 30% (до уровня в 1000 боезарядов) в рамках следующего договора по СНВ¹¹.

Об истоках противоракетного состязания

Не вдаваясь в детальную хронологию вопроса, следует отметить, что СССР был пионером в этой области военно-технического развития, начал программу ПРО в 1953 г. и первым осуществил успешный перехват ракеты средней дальности Р-12 (SS-4 по западной классификации) в 1961 г. [Podvig 2013]. Через несколько лет было принято решение о разработке и последующем развертывании системы ПРО Московского района А-35. Ее модифицированный вариант был поставлен на боевое дежурство в 1974 г. В дальнейшем Советский Союз продолжал совершенствовать свою систему ПРО, и в 1995 г. уже в России был принят на вооружение глубоко модернизированный комплекс обороны Москвы под грифом А-135.

Соединенные Штаты с отставанием начали разработку аналогичной системы – в 1958 г. под названием «Найк-Зевс» (Nike-Zeus) для защиты нескольких районов своей территории.

С 1963 г. программа была технически основательно пересмотрена и продолжала развиваться под наименованием «Найк-Икс» (Nike-X), причем в то время США уже значительно опережали СССР в противоракетной технологии. В 1967 г. было решено принять систему на вооружение под названием «Сентинел» (Sentinel), а в 1969 г. она была переименована в «Сейфгард» (Safeguard). Один комплекс этой ПРО вокруг базы межконтинентальных баллистических ракет (МБР) в штате Северная Дакота был принят на вооружение тоже в 1974 г., но через два года законсервирован (кроме радаров дальнего обнаружения и сопровождения целей). Как и советская система, американская ПРО имела ракеты-перехватчики с ядерными боезарядами.

К тому моменту две державы уже ограничили свои противоракетные системы Договором по ПРО от 1972 г., поскольку согласились относительно дестабилизирующего эффекта таких систем при их широком развертывании. Эта идея уходит корнями в 1960-е гг., а ее автором на официальном уровне был министр обороны США того времени Роберт Макнамара. В 1967 г. в своей речи в Сан-Франциско он сказал: «Действия... каждой стороны, относящиеся к наращиванию ядерных сил, будь они наступательные или оборонительные, неизбежно вызывают противодействие другой стороны. Это именно тот феномен “действие – противодействие”, который питает гонку вооружений». Из этого порочного круга Макнамара указал выход: «Мы не хотим гонки вооружений с Советским Союзом, в основном потому, что феномен “действие – противодействие” делает ее глупой и бессмысленной. Обе наши страны выигра-

11 Россия исключила дальнейшие переговоры с США о ядерном разоружении (2016) // Росбалт. 7 февраля 2016 // <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/02/07/1487436.html>, дата обращения 30.11.2018.

ли бы от... соглашений сначала ограничить, а потом сократить наши наступательные и оборонительные ядерные силы» [McNamara 1968, pp. 51–67].

Сначала, на встрече в верхах в 1967 г. в Глассборо (штат Нью-Джерси), Москва отвергла эту логику, но через несколько лет приняла ее, и в 1972 г. идея блестяще воплотилась в Договор об ограничении систем ПРО и Временное соглашение об ограничении наступательных стратегических вооружений (ОСВ-1). Согласованное ограничение систем ПРО, наряду с рядом других принципов, стало основой концепции «стратегической стабильности», которую две стороны обсуждали в 1990 г. в ходе переговоров о Договоре СНВ-1, подписанном в 1991 г. В дальнейшем принципы этой концепции нашли более или менее рельефное отражение в Договорах СНВ-2 (1993 г.), Рамочном соглашении СНВ-3 (1997 г.), Соглашении о разграничении систем стратегической ПРО и ПРО ТВД (1997 г.), Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП от 2002 г.) и текущем Договоре СНВ (или, как его в России называют, СНВ-3 от 2010 г.).

Философия Макнамары до сих пор, вот уже полвека, остается основой отношения России к противоракетной обороне, во всяком случае американской. Соединенные Штаты периодически отходили от нее, например в 1980-е гг. в связи с программой Стратегической оборонной инициативы («Звездных войн»), и не придерживаются ее в настоящее время, отвергая возможность соглашений о разграничении систем отражения удара ракет друг друга от систем обороны от третьих стран и «государств-изгоев».

Россия: асимметричный ответ

Россия реагирует на вызов тремя различными путями: она создает новые баллистические и крылатые ракеты, оснащенные передовыми средствами преодоления ПРО; совершенствует собственную систему противоракетной обороны; развивает системы обычных наступательных вооружений большой дальности, аналогичные американским системам этого класса.

Если говорить о первом направлении, в настоящее время реализуется развертывание наземных стационарных/мобильных МБР «Ярс» (SS-27 Mode 2) с коротким разгонным участком траектории, которые могут следовать по настильной траектории и снабжены разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) и другими средствами преодоления ПРО. Параллельно реализуется программа строительства подводных лодок класса 955 «Борей», вооруженных новыми БРПЛ «Булава-30» (SS-N-32). В своем послании 1 марта 2018 г. Владимир Путин заявил: «В этой связи [в связи с американской ПРО. – А.А.] в России разработаны и постоянно совершенствуются весьма скромные по цене, но в высшей степени эффективные системы преодоления ПРО, которыми оборудуются все наши межконтинентальные баллистические ракетные комплексы»¹². С учетом соображений стоимости-эффективности, для поддержания надежного потенциала ответного удара в обозримом будущем этого должно быть достаточно, принимая во внимание реальные возможности американской ПРО.

Однако президент Путин пошел намного дальше и анонсировал несколь-

12 Послание Президента Федеральному собранию (2018) // Сайт Президента России. 1 марта 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>, дата обращения 30.11.2018.

ко новых ракетно-ядерных проектов. Один из них – это тяжелая МБР «Сармат» (SS-28) шахтного базирования, в настоящее время находящаяся на стадии испытаний; после 2020 г. она должна заменить тяжелые ракеты РС-20 (SS-18). Она будет снабжена новейшими средствами преодоления ПРО и, вероятно, гиперзвуковыми планирующими головными частями (получившими название «Авангард»). Ракеты могут быть использованы нетривиальным способом и направлены через Южный полярный круг, чтобы поразить цели на территории США с неприкрытых радаров южных азимутов, т.е. будут представлять собой частично-орбитальные ракеты¹³.

В числе других инновационных проектов, упомянутых Владимиром Путиным в марте 2018 г., были межконтинентальная ядерная крылатая ракета «Буревестник» с атомной энергетической установкой, теоретически способная поразить, например, объекты ПРО на Аляске и в Калифорнии, и суперторпеда «Посейдон» огромной дальности, скорости и глубины погружения с атомной энергетической установкой, вооруженная ядерной боеголовкой мультимегатонной мощности (ранее именовавшаяся «Статус-6»). Уже начато развертывание новой гиперзвуковой ракеты средней дальности воздушного базирования типа «Кинжал», вероятно предназначенной для поражения американских объектов ПРО в Румынии и Польше, где размещаются ракеты Aegis Ashore¹⁴.

Пока неясно, на какой стадии разработки находятся эти вооружения (кроме систем «Сармат» и «Кинжал»), какова будет их стоимость и сколько их будет развернуто в конечном итоге. Представляется, что они избыточны для противодействия нынешней американской системе ПРО и могут пригодиться лишь в случае возвращения США к чему-то вроде СОИ 1980-х гг. Напоминю, что некоторые из новых систем, о которых рассказал Путин, были изобретены в начале 1980-х гг. именно как ответ на американскую программу «звездных войн» (в частности, «Авангард», который изначально назывался «Альбатрос» или «Проект 4202», и «Статус-6»)¹⁵.

Российская система ПРО является элементом Воздушно-космической обороны (ВКО), которая в 2011 г. стала новым видом вооруженных сил. Как предполагалось, она должна была объединить, выражаясь словами президента Путина, «в единой боевой связке»¹⁶ средства противоракетной, противовоздушной и противоспутниковой обороны. В 2015 г. ВКО была объединена с Военно-воздушными силами в рамках нового вида вооруженных сил – Воздушно-космических сил (ВКС). Примечательно, что программа развития воздушно-космической обороны является крупнейшим компонентом Государственной программы вооружения до 2020 г. (ГПВ-2020), на долю которого приходилось на 2011 г., когда эта программа была принята, около 20% всех расходов, т.е. около

13 Послание Президента Федеральному собранию (2018) // Сайт Президента России. 1 марта 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>, дата обращения 30.11.2018.

14 Иванов П. (2018) День длинных кинжалов // Военно-промышленный курьер. № 11(724).

15 Райгородецкий А. (2011) Проект МБР «Альбатрос» (СССР) // Dogs of War. 15 августа 2011 // <http://www.dogswar.ru/oryjeinaia-ekzotika/raketnoe-oryjie/4945-proekt-mbr-qalbatros.html>; Сивков К. (2017) Разоружен и очень опасен // Военно-промышленный курьер. 22 марта 2017. № 11(675) // https://vpk.name/news/177530_razoruzhen_i_ochen_opasen.html, дата обращения 30.11.2018.

16 Расширенное заседание коллегии Министерства обороны (2014) // Сайт Президента России. 19 декабря 2014 // <http://kremlin.ru/events/president/news/47257>, дата обращения 30.11.2018.

3,4 трлн руб. (106 млрд долл. США по курсу 2011 г.)¹⁷.

Помимо модернизации систем предупреждения о ракетном нападении путем развертывания радаров наземного базирования нового типа «Воронеж/Волга» и новых спутниковых средств обнаружения ракетных пусков (Единая космическая система, которая заменит старую спутниковую систему «Око»), этой программой предусмотрено развертывание 28 ракетных полков, вооруженных системой противовоздушной обороны С-400 «Триумф» (приблизительно 450–670 пусковых установок), и 38 батальонов (300–460 пусковых установок), вооруженных комплексами следующего поколения С-500 «Прометей», аналогичными американским системам THAAD¹⁸. Кроме того, разрабатывается версия С-500 корабельного базирования. В общей сложности планируется выпустить до 3000 ракет-перехватчиков этих двух типов, и для их производства было решено построить три завода. Для командования воздушно-космической обороной создается новая интегрированная и полностью автоматизированная система боевого управления.

Наконец, проводится замена Московской системы ПРО А-135 на модернизированную систему А-235. В ней будут использоваться ракеты-перехватчики большой дальности мобильно-наземного базирования «Нудоль» с неядерной кинетической боевой частью (т.е. с применением обычного шрапнельного заряда), которые заменят ядерные ракеты-перехватчики системы А-135. Новые противоракеты по-

лучили обозначение 53Т6М (для ракет малой дальности) и 51Т6М (для ракет большой дальности). Последние могут также использоваться для поражения спутников на высоте до 750 км¹⁹.

Специфика российской обороны

Российская оборона, в отличие от ПРО США, не только направлена на отражение ограниченных ракетных ударов, но преследует более масштабные цели. Согласно Военной доктрине, они предполагают «своевременное предупреждение Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о воздушно-космическом нападении», а также «обеспечение воздушно-космической обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовности к отражению ударов средств воздушно-космического нападения» [Военная доктрина Российской Федерации 2014]. Совершенно очевидно, что возможностями для нанесения таких ударов не обладает ни одно другое государство, кроме США. Таким образом, в отличие от систем ПРО США/НАТО, официально российская Воздушно-космическая оборона не предназначается для защиты от баллистических ракет проблемных режимов или третьих государств, имеющих ядерное оружие. Ее целью объявляется защита России от передовых «средств воздушно-космического нападения» США.

Этому понятию уделяется немалое внимание в специальной военной литературе, например в следующей ста-

17 Каждый пятый рубль – на ВКО (2012) // Военно-промышленный курьер. 21 февраля 2012.

18 Путин В. (2012) Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 20 февраля 2012 // <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>, дата обращения 30.11.2018.

19 Мардасов А. (2016) А-235 «Нудоль»: убийца американских МБР и спутников // Свободная пресса. 30 мая 2016 // <https://svpressa.ru/war21/article/149632/>; Тучков В. (2017) А-235 «Нудоль» – истребитель американских спутников // Свободная пресса. 19 июня 2017 // <http://svpressa.ru/war21/article/174898/>, дата обращения 30.11.2018.

тье военно-технических экспертов: «Анализ развития военно-политической обстановки в мире показывает, что в современных условиях и в ближайшей перспективе основную угрозу для Российской Федерации с точки зрения потенциальных возможностей для нанесения удара по ее ключевым объектам будут представлять средства воздушно-космического нападения (СВКН)... Само воздушно-космическое пространство станет основной, а порой и единственной сферой вооруженной борьбы, а военные действия в ней приобретут главенствующую роль и глобальный размах. В этих условиях противник получит возможность наносить скоординированные по времени и в пространстве высокоточные удары практически по всем целям на территории России, а на самом деле и по всему миру» [Демин, Ашурбейли, Богданов, Третьяков, Гареев, Фаличев 2012].

Однако какой бы впечатляющей ни выглядела эта угроза, военные аналитики почему-то обходят вопрос о том, чем представлена «космическая» составляющая «средств воздушно-космического нападения» противника (кроме систем управления, связи и разведки, обеспечивающих и другие виды вооруженных сил, или существующие баллистические ракеты, выходящие в космическое пространство на определенных участках траектории). В этой концепции остается без ответа и другой ключевой вопрос: будет ли в ходе воздушно-космической войны между Россией и США/НАТО применено ядерное оружие и ставится ли перед ВКО/ВКС задача защитить от него страну.

Очевидно, что упомянутый выше сценарий предполагает относительно продолжительную (на протяжении нескольких дней или недель) кампанию ракетных ударов США/НАТО по России без применения ядерного оружия. Для этого, вероятно, будут использо-

ваться американские крылатые ракеты большой дальности, а в обозримой перспективе – и гиперзвуковые планируемые системы, разрабатываемые в рамках программы «Быстрого неядерного глобального удара» [Acton 2013].

Упор на применение Россией стратегических оборонительных и (в качестве ответных действий) наступательных неядерных вооружений не исключает использование ядерного оружия на каком-то этапе вооруженного конфликта. В 2003 г. в официальном документе Министерства обороны России упоминались планы «деэскалации агрессии... с помощью дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания» [Актуальные задачи 2003, с. 42]. С тех пор ограниченные стратегические ядерные удары в целях «деэскалации» прямо не упоминались в российских официальных документах. Однако эти мысли регулярно просачивались в печать в работах военных специалистов Министерства обороны и его аналитических центров.

Эту стратегию разъяснила группа российских военных экспертов: «Главной особенностью считается ограниченный характер первого ядерного воздействия, которое призвано не ожесточить, а отрезвить агрессора, заставить его прекратить нападение и перейти к переговорам. При отсутствии желательной реакции предусматривается нарастающее массирование использования ЯО как в количественном отношении, так и по энерговыделению. Поэтому при дальнейшем анализе принимается, что первое ядерное воздействие Российской Федерации может носить ограниченный характер. Реакция противника просчитывается в форме как массированного, так и ограниченного ядерного удара. Более вероятным, на наш взгляд, можно считать второй вариант. В его пользу говорит тот факт, что США являются

страной, где родилась концепция ограниченной ядерной войны»²⁰.

Действительно, эта философия зародилась в США еще в 1960-е гг. и занимает центральное место в нынешней ядерной доктрине и программе вооружений США – в том виде, в котором они сформулированы в «Обзоре ядерной политики» США в феврале 2018 г.: «Соединенные Штаты намерены повысить гибкость и расширить диапазон специализированных опций сдерживания, оптимизированных для решения конкретных задач... Соединенные Штаты будут поддерживать целый спектр потенциалов, численность и состав которых будут отвечать потребностям США, в частности, для того, чтобы никакой противник ни при каких обстоятельствах не увидел преимуществ в ограниченной ядерной эскалации или другом варианте стратегического нападения» [Nuclear Posture Review 2018, pp. 52–53].

Несмотря на упомянутые неясности российской концепции Воздушно-космической обороны, она служит основанием практической политики. В июне 2013 г. во время посещения завода по производству зенитных ракет президент Путин заявил: «Эффективная ВКО – это гарантия устойчивости наших стратегических сил сдерживания, прикрытия территории страны от воздушно-космических средств нападения»²¹.

Таким образом, задачи стратегической обороны, которые на сегодняшний день постулирует Россия, можно обобщить следующим образом.

- Во-первых, защита стратегических ядерных сил и их информационно-управляющего комплекса от ударов США/НАТО с применением крылатых ракет, самолетов и

перспективных гиперзвуковых вооружений в обычном оснащении.

- Во-вторых, оборона объектов, имеющих ключевое значение для экономики, от трех вышеуказанных видов наступательных систем. Оба указанных типа наступательных операций США соответствуют их стратегии «обычного (неядерного) сдерживания» (которая в России получила название «воздушно-космическое нападение»).
- В-третьих, защита высших органов руководства в районе Москвы от нападения с применением упомянутых систем оружия и отражение в максимально возможном объеме ограниченных ядерных ударов баллистических ракет США. Такие удары связаны с системами, которым отведено приоритетное место в «Обзоре ядерной политики» 2018 г., включая: БРПЛ Trident-2 с боеголовками пониженной мощности, крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности (LRSO – long-range stand-off missile), управляемые авиабомбы с вариативной мощностью заряда B-61-12 и перспективные крылатые ракеты морского базирования в ядерном оснащении [Nuclear Posture Review 2018, pp. xi–xiv].
- Если будет денонсирован ДРСМД, то к списку этих угроз прибавятся высокоточные маневрирующие баллистические, крылатые и гиперзвуковые ракеты средней дальности наземного базирования в ядерном и (или) обычном оснащении.

Первая и вторая задачи должны, видимо, выполняться с помощью имею-

20 Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валиев М. (2016) Аэростат – друг «Сармата» // Военно-промышленный курьер. № 39(654).

21 Совещание о выполнении госпрограммы вооружения на 2011–2020 гг. (2013) // Сайт Президента России. 19 июня 2013 // <http://kremlin.ru/events/president/news/18368>, дата обращения 30.11.2018.

щихся мобильных систем С-400 и перспективных комплексов С-500, а также средств ПВО ближнего действия (точечных объектов) типа «Панцирь-С». Выполнение третьей задачи, скорее всего, поручается вышеупомянутым зенитным ракетным комплексам и следующему поколению антиракет «Нудоль», входящим в состав ПРО Московского региона А-235.

При всей схожести примененных технологий стратегические оборонительные системы США и России крайне несимметричны по стратегическим характеристикам. Американская система более продвинута технически и существенно более заметна в международно-политическом отношении, но предназначается для выполнения узко сформулированных задач, таких как защита территории США (и Канады) от ограниченных ударов с применением межконтинентальных баллистических ракет и оборона союзников США в Европе и Тихоокеанском регионе от ограниченных ударов с применением баллистических ракет средней дальности.

Российская Воздушно-космическая оборона намного шире: она представляет собой эшелонированную и многоцелевую систему для защиты России и ее ближайших союзников (Белоруссии, Армении) от продолжительной наступательной операции США/НАТО с применением обычных вооружений и от ограниченных ядерных ударов с использованием баллистических и крылатых ракет, запускаемых извне зоны ПВО, самолетов, бомб свободного падения и планирующих гиперзвуковых вооружений, а в будущем, возможно, и от орбитальных систем. Российская оборонительная стратегия, очевидно,

увязывается с планированием операций на суше, в воздухе, на море, в космосе и киберпространстве.

***

На данный момент серьезные политические противоречия, глубокое взаимное недоверие препятствуют любому конструктивному диалогу по контролю над вооружениями в целом и противоракетной обороне в частности. Денонсация ДРСМД со стороны США может только углубить этот кризис. Однако в случае улучшения политической обстановки или если переговоры по контролю над вооружениями будут сочтены достаточно важным делом, чтобы оградить их от остальных противоречий, некоторые стратегические перемены могут способствовать будущим соглашениям.

Новые российские баллистические и гиперзвуковые системы, о которых говорил в марте 2018 г. Владимир Путин, позволяют в известной степени снять оправданную (или преувеличенную) тревогу России по поводу ПРО США. Так, в своем интервью корреспонденту NBC Мегин Келли 2 марта 2018 г. президент Путин сказал: «У нас скоро заканчивается срок действия СНВ-3... Мы согласны на сокращение... носителей, сокращение боеголовок. Но теперь, когда у нас появляется оружие, которое легко преодолевает все системы ПРО, для нас не так критично снижение количества баллистических ракет и боеголовок»²².

Что касается США, то их заинтересованность в продолжении стратегических переговоров с Россией может быть продиктована стремлением ограничить новые российские программы баллистических, гиперзвуковых и под-

22 Интервью американскому телеканалу NBC (2018) // Сайт Президента России. 10 марта 2018 // <http://kremlin.ru/events/president/news/57027>, дата обращения 30.11.2018.

водных ядерных вооружений и обеспечить прозрачность в этой области. Указанный мотив может дополняться тенденцией перемещения акцента военных программ США на гонку вооружений с Китаем.

Россия никогда конкретно не формулировала свою позицию по ограничению ПРО, и трудно сказать, есть ли у нее такая позиция в настоящее время. Но при наличии у обеих сторон политической воли и при более благоприятной политической ситуации внутри США страны могли бы в обозримом будущем прийти к некоему компромиссному варианту.

В основе такого решения может лежать согласованный пороговый уровень для разграничения между ПРО, которая способна ощутимо повлиять на стратегическую стабильность за счет способности перехватывать большое число американских или российских МБР и БРПЛ, и системами обороны, которые позволят России и США защититься от ударов третьих государств и преступных режимов и укрепят их обоюдную безопасность. Первая категория будет подлежать ограничению, а второй будет дан «зеленый свет». Более того, применительно к обороне второго класса вновь откроется возможность сотрудничества в развитии элементов систем ПРО двух держав, что было декларировано в 2002 г., но так и не воплотилось в жизнь до настоящего времени.

Список литературы

Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации (2003). М.: Агентство «Военинформ» Минобороны РФ.

Военная доктрина Российской Федерации (2014). Утверждена указом Президента России от 25.12.2014

№ Пр-2976 // <http://docs.cntd.ru/document/420246589>, дата обращения 30.11.2018.

Демин А., Ашурбейли И., Богданов О., Третьяков Ю., Гареев М., Фаличев О. (2012) Серьезной угрозе – адекватный ответ. Основной сферой вооруженной борьбы станет воздушно-космическое пространство // Воздушно-космическая оборона. № 4. С. 6–15.

Пырьев В., Дворкин В. (2012) Программа США/НАТО и стратегическая стабильность // Арбатов А., Дворкин В. (ред.) Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? М.: Московский центр Карнеги. С. 173–192.

Суханов С. (2010) ВКО – это задача, а не система // Воздушно-космическая оборона. № 2. С. 6–13.

Уилкенинг Д. (2012) Поэтапный адаптивный план США/НАТО // Арбатов А., Дворкин В. (ред.) Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? М.: Московский центр Карнеги. С. 102–116.

Юрий Соломонов: «Стратегические ядерные силы являются наиважнейшей составляющей национальной безопасности государства» (2011) // Национальная оборона. № 6(63). С. 82–88.

Acton J. (2013) Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike, Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

McNamara R. (1968) The Essence of Security: Reflections in Office, New York: Harper and Row.

Nuclear Posture Review (2018), Washington, DC: Office of the Secretary of Defense.

Podvig P. (2013) The Development of Soviet and Russian Ballistic Missile Defense in the 20th Century // Missile Defense: Confrontation and Cooperation (eds. Arbatov A., Dvorkin V., Bubnova N.), Moscow: Carnegie Moscow Center, pp. 33–50.

USA: New Realities

The Peculiarities of the National Missile Defense

Aleksei G. ARBATOV

Full Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in History, Head of the Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: arbatov@imemo.ru

CITATION: Arbatov A.G. (2018) The Peculiarities of the National Missile Defense. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 6–20 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-6-20

ABSTRACT. *The view of both Moscow and Washington on ballistic missile defense (BMD) for a long time rested on the principle, formulated in the late 1960s, which held that anti-missile systems for defense of the territories were destabilizing, therefore limiting them would strengthen strategic stability. Since that time the USSR and then Russia always adhered to this principle, while the US at times rejected it (i.e. the SDI program of the 1980s) and by now has finally given it up altogether.*

Meanwhile, the majority of the independent leading experts assess the chances of the existing US missile defense to tangibly affect Russia's nuclear strike capability as extremely low. However, the US unilateral withdrawal from the ABM Treaty in 2002 seriously undermined political trust between Moscow and Washington. The unwillingness of the US to provide Russia with a legally binding commitment not to direct its BMD system against it (including technical constraints) contributes to the problem. In addition, the US missile defense system is being built as an open-ended system with no future restrictions on its expansion and improvement.

Russia has responded to the creation of the US national missile defense system with the modernization of its strategic nuclear forces

and initiation of its own Air-Space Defense (ASD) system.

The difference of the concepts of the BMD system development in the United States and the ASD system in Russia lies in that the US system is intended to defend against limited attacks of intercontinental ballistic missiles against the North American continent or of medium-range missiles against the US allies in Europe and the Pacific region. The Russian ASD is a multilayered system designed to protect against a protracted air-space offensive by the US/NATO involving high-precision conventional weapons (including future hypersonic and space-based systems) and limited use of nuclear weapons.

Although there has been a long break in a meaningful US-Russian dialogue on missile defense, it is still possible to reach some positive agreements. If the US and Russia resume negotiations on limitation and reduction of strategic offensive arms, it might open a window for a compromise on missile defense.

Such a compromise can be based on an agreed threshold separating, on the one hand, missile defense systems that can significantly affect strategic stability by intercepting a large number of US or Russian ICBMs and SLBMs and, on the other hand – systems that will allow the US and

Russia to protect their territories against attacks by third states or rogue regimes and would thus strengthen their mutual security. The first class of BMD systems would be subject to restrictions, while the second one would be given a green light. Moreover, in the second case there would reemerge an opportunity of the development of a joint defense systems of the two powers, which was declared in 2002 but never came true.

KEY WORDS: missile defense, air-space defense, strategic stability, strategic arms limitation and reduction negotiations, crisis of the strategic arms control, foreign policy

References

- Acton J. (2013) *Silver Bullet? Asking the Right Questions about Conventional Prompt Global Strike*, Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Aktual'nye zadachi razvitiya Vooruzhennykh Sil Rossijskoj Federatsii [The Priority Tasks of the Development of the Armed Forces of the Russian Federation] (2003), Moscow: Agency Voeninform, Ministry of the Defense.
- Demin A., Ashurbeyli I., Bogdanov O., Tretyakov Yu., Gareev M., Falichev O. (2012) Ser'eznoj ugroze – adekvatnyj otvet. Osnovnoj sferoj vooruzhennoj bor'by stanet vozdushno-kosmicheskoe prostanstvo [An Adequate Response to Serious Danger. Air-Space Domain Will Be the Main Battlespace]. *Vozdushno-Kosmicheskaya Oborona*, no 4, pp. 6–15.
- McNamara R. (1968) *The Essence of Security: Reflections in Office*, New York: Harper and Row.
- Nuclear Posture Review* (2018), Washington, DC: Office of the Secretary of Defense.
- Podvig P. (2013) The Development of Soviet and Russian Ballistic Missile Defense in the 20th Century. *Missile Defense: Confrontation and Cooperation* (eds. Arbatov A., Dvorkin V., Bubnova N.), Moscow: Carnegie Moscow Center, pp. 33–50.
- Pyrev V., Dvorkin V. (2012) Programma SShA/NATO i strategicheskaya stabil'nost' [The U.S./NATO Program and Strategic Stability]. *Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo?* [Missile Defense: Confrontation and Cooperation?] (eds. Arbatov A., Dvorkin V.), Moscow: Carnegie Moscow Center, pp. 173–191.
- Sukhanov S. (2010) VKO – eto zadacha, a ne sistema [VKO: not a System, but a Task]. *Vozdushno-Kosmicheskaya Oborona*, no 2, pp. 6–13.
- Voennaya doktrina Rossijskoj Federatsii. Utverzhdena ukazom Prezidenta Rossii ot 25.12.2014 № Pr-2976* [The Military Doctrine of the Russian Federation Presidential Decree No 2976] (2014). Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420246589>, accessed 30.11.2018.
- Wilkening D. (2012) Poetapnyj adaptivnyj plan SShA/NATO [The U.S./NATO Phased Adaptive Approach]. *Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo?* [Missile Defense: Confrontation and Cooperation?] (eds. Arbatov A., Dvorkin V.), Moscow: Carnegie Moscow Center, pp. 102–116.
- Yury Solomonov: «Strategicheskie yadernye sily yavlyayutsya naivazhnyshej sostavlyayushhej natsional'noj bezopasnosti gosudarstva» [Yury Solomonov: “Strategic Nuclear Forces are the Most Important Component of the National Security”] (2011). *Natsional'naya oborona*, no 6(63), pp. 82–88.

Становые стратегии «индивидуального покроя» в новой ядерной доктрине США

Наталья Игоревна БУБНОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.
E-mail: NBubnova@imemo.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Бубнова Н.И. (2018) Становые стратегии «индивидуального покроя» в новой ядерной доктрине США // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 21–39.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-21-39

АННОТАЦИЯ. Опубликованный в январе 2018 г. Белым домом «Обзор ядерной политики», называемый также американской ядерной доктриной, впервые за период после холодной войны возвращает ядерному оружию роль стержневого компонента в американской стратегии сдерживания. Новый «Обзор ядерной политики» делает заявку на «индивидуальную стратегию» в отношении каждой из стран, представляющих «вызов» для США в ядерной области. Однако при всем различии индивидуальных страновых подходов, в каждом конкретном случае выдвигается одинаковое утверждение об ответном характере разрабатываемых Вашингтоном мер.

Провозглашена линия на модернизацию стратегической триады, ввод в строй новых самолетов двойного назначения, оснащение баллистических ракет на подводных лодках боеголовками малой мощности, создание новых ядерных крылатых ракет морского базирования, а также усиление соответствующей системы управления, контроля и наблюдения. При этом новая расширенная трактовка «чрезвычайных обстоятельств», позволяющих отдать приказ о ядерном ударе, раздвигает диапазон исходных ус-

ловий, при которых американское руководство может принять решение об использовании ядерного оружия, в том числе в ответ на неядерное нападение, что – в совокупности с другими нововведениями американской ядерной доктрины: созданием нескольких «более применимых» типов ядерных вооружений, интеграцией ядерного и неядерного планирования и оперативной деятельности, возросшим вниманием к киберугрозам, провозглашением принципов «гибкости» и «неопределенности» – повышает вероятность применения ядерного оружия.

В международной ситуации, когда возвращение конкуренции великих держав расценивается в «Обзоре» как большая опасность миру, чем терроризм, Россия воспринимается за океаном как более насущная угроза в ядерной сфере по сравнению с Китаем, тогда как Китай рассматривается как крупнейший вызов в Азиатском регионе. Однако слово «противник» в отношении этих стран не используется, и подчеркивается желание поддерживать с ними стабильные отношения и не вступать в гонку вооружений.

Помимо «агрессивной российской политики», российских программ строительства вооружений и воинственных

заявлений, особую озабоченность Вашингтона вызывает превалирующее там представление, будто бы российская сторона считает, что если применит ядерное оружие первой, это может создать благоприятные для нее предпосылки для завершения конфликта на «выгодных» условиях. Купирование такого рода «установки» американская ядерная доктрина определяет в качестве приоритетной задачи.

По отношению к Ирану и Северной Корее выдвигаются схожие в обоих случаях требования обеспечить их безъядерный статус, не допустить усиления их влияния в Ближневосточном и Азиатско-Тихоокеанском регионах, предотвратить передачу от них третьим лицам и странам ядерных и ракетных технологий и материалов, убедительно продемонстрировать, что любая их агрессия, в том числе неядерная, встретит сокрушительный отпор США и их союзников.

Однако произошла своего рода рокировка: если администрация Барака Обамы отказалась от силового решения иранской проблемы и сделала ставку на переговоры с Ираном без предварительных условий, но параллельно предпочла тактику изоляции и игнорирования притязаний Северной Кореи, то теперь Белый дом неожиданно готов вести переговоры как раз с последней – при одновременном ужесточении курса уже в отношении Ирана.

Но именно подвижки в сторону урегулирования на Корейском полуострове, как и отдельные признаки сдержанности – или, скорее, «воинственной сдержанности» – в американской ядерной доктрине, дают некоторые основания надеяться, что – при наличии политической воли и международном взаимодействии – развития событий по наилучшему сценарию и дальнейшего обострения международной ситуации все же удастся избежать.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: американская ядерная доктрина, стратегия сдерживания, «Обзор ядерной политики США», «индивидуальные страновые стратегии», российско-американские отношения, ядерные вооружения, модернизация ядерного оружия, Китай, Северная Корея, Соглашение по ядерной программе Ирана, концепция «эскалации для деэскалации»

«Обзор ядерной политики» (ОЯП – NPR) – называемый иначе ядерной доктриной, подготовленный Пентагоном и выпущенный Белым домом в феврале 2018 г. – единственный из трех основополагающих американских стратегических документов (два других: «Национальная стратегия безопасности» и «Национальная стратегия обороны», приняты соответственно в декабре 2017 г. и январе 2018 г.), где прописана индивидуальная стратегия в отношении каждой из стран, представляющих, как считают за океаном, вызов для США в ядерной области. Хотя очевидно, что в отношении таких разных стран, как Россия и Китай, Северная Корея и Иран, политика США будет каждый раз своя, особенная, но впервые это именно так специально формулируется в американской ядерной доктрине. Используемые для именования этой страновой стратегии глагол *tailor*, существительное *tailoring* или прилагательное *tailored*, означающие «сделанное на заказ», «индивидуального покроя», «специально разработанное», упоминаются в документе 44 раза: применительно и к различным опциям «ограниченной ядерной войны» в зависимости от обстоятельств, и к различным страновым стратегиям. (Тогда как в предыдущем «Обзоре ядерной политики», выпущенном еще при администрации Барака Обамы в 2010 г., это слово не встречалось). Главы, относящиеся к «отдельным страновым страте-

гиям», даются в ОЯП даже дважды: сначала при характеристике международной ситуации, а затем – при описании того, «что делать». Причем в первом случае соответствующая часть документа была добавлена уже после «утечки» предварительного, подготовленного в Пентагоне, варианта текста на следующем этапе работы над ним в самом Белом доме, что, по всей видимости, свидетельствует о внимании к формулированию индивидуальных стратегий со стороны американской исполнительной власти на самом высоком уровне.

Основную угрозу миру, по мнению составителей ОЯП, представляет уже не международный терроризм, как это считалось при предыдущих администрациях, а возобновившаяся конкуренция великих держав, к которой, как указывается в документе, сейчас – помимо вновь вступившей в нее России – присоединился и Китай. Отмечается появление и новых вызовов в ядерной области, связанных с тем, что уже и некоторые другие страны стремятся к обладанию продвинутой технологиями, включая военные технологии, которыми раньше располагали исключительно великие державы. Но хотя недопущение распространения ядерного оружия и технологий его производства также указывается в качестве важнейшей задачи Соединенных Штатов, страны-партнеры США, приобретшие ядерное оружие в последние десятилетия, в данном контексте, что характерно, не упоминаются.

Повторяется использованная в предыдущем ОЯП формулировка, что Соединенные Штаты «будут рассматривать возможность применения ядерного оружия в чрезвычайных обстоятель-

ствах, чтобы защитить жизненные интересы Соединенных Штатов, их союзников и партнеров» [NPR 2018, р. 21]. Но при этом, в отличие от прежнего документа, указывается, что «чрезвычайные обстоятельства» включают «значимые неядерные стратегические атаки, которые охватывают – но не ограничиваются ими – нападения на гражданское население США, их союзников или партнеров, а также нападения на американские ядерные силы, структуру управления и контроля, или системы предупреждения и оценки нападения» [NPR 2018, р. 21], в том числе акты ядерного терроризма. В отличие от стратегических документов периода администрации Барака Обамы, в ОЯП многократно подчеркивается и боевая роль ядерного оружия, «в том случае, если сдерживание не сработает» [NPR 2018, р. 32].

При этом, как многократно отмечается в документе, Вашингтон по-прежнему намеренно не отказывается от варианта применения ядерного оружия первым, чтобы таким образом сохранить за собой свободу рук и преимущество неопределенности. Но при этом в документе – вопреки обвинениям иных российских политологов и пропагандистов – нигде не говорится о желательности подобного рода событий и, напротив, подчеркивается неприемлемость ядерной войны как таковой и нежелание американской стороны быть втянутой в нее. Как и в принятой в 2010 г. американской «Национальной стратегии безопасности», в новом ОЯП повторяется обязательство «не использовать ядерное оружие или угрозу его применения против тех неядерных государств, которые соблюдают Договор о нераспространении и

1 Евстафьев Д. в передаче «Вечер с Владимиром Соловьевым» (2018) // Россия-1. 21 февраля 2018 // <http://mirnews.ru/video/22018-vecher-s-vladimirom-solovevym-ot-21022018.html>, дата обращения 30.11.2018.

свои обязательства по нему» [National Security 2010, p. 23].

В документе указываются 30 стран «под защитой» США в рамках «расширенного сдерживания» и подтвержаются американские ядерные гарантии союзникам по НАТО (так называемый «ядерный зонтик»). Но в документе на треть реже, чем в аналогичном предыдущем, используется слово «партнеры», что связано также и с тем, что Россия выпала из данной категории.

Россия: из партнеров в конкуренты – шить заново по старой модели, и с переклестом

Как и во всех трех основополагающих американских стратегических документах последнего времени, в ОЯП фактически фиксируются отношения противостояния с Россией. Но в отличие от двух других основополагающих стратегических документов, только в «Обзоре ядерной политики» в паре «Россия и Китай» она неизменно ставится на первое место – что обозначает ее роль в качестве по-прежнему основного американского контрагента в ядерном паритете сил.

Характерно в этой связи, что первый раздел соответствующей главы посвящен России, а раздел про взаимоотношения с Китаем поставлен на второе место: в целом в документе Россия упоминается в четыре раза чаще, чем ее большой сосед: Россия – 125, а Китай – 43 раза. Однако это нужно считать не только признанием ее значимости в ядерной сфере, но и отражением того, что она воспринимается в США в качестве главного вызова и предмета озабоченности в данной области.

Если основной упор в предыдущем «Обзоре ядерной политики» 2010 г. делался на поддержание стратегической

стабильности в мире и стабильности в отношениях с Россией (слово «стабильность» наиболее часто употреблялось, когда речь шла о России), то теперь – хотя о стремлении к стабильности отношений тоже упоминается – речь гораздо чаще идет о противодействии России, которая, как считают представители нового ОЯП, стремится поменять мировой порядок, угрожает соседним странам, допускает провокационные действия в отношении США и их союзников. «Россия продемонстрировала готовность использовать силу для изменения карты Европы и навязывания своей воли соседям, допускала подразумеваемые и открытые угрозы первого ядерного удара» [NPR 2018, p. 5], – говорится в ОЯП. А в «Национальной стратегии обороны», и того пуще, указывалось, что «Россия хочет сформировать мир в соответствии со своей авторитарной моделью, получив вето на решения других стран в области экономики, дипломатии, безопасности» [Summary of the National Defense Strategy 2018, p. 2].

Действия США преподносятся в ОЯП как вынужденные, предпринимаемые «в ответ» на «агрессивную политику» российской стороны и наращивание ею вооружений. Во врезке приводится цитата из датируемого 2012 г. отчета американского Совета по национальной разведке: «Ядерные амбиции США и России на протяжении последних двадцати лет развивались в противоположных направлениях. Целью США является снижение роли ядерного оружия в стратегии национальной безопасности, тогда как Россия принимает на вооружение новые концепции и системы для расширения роли ядерных вооружений в своей стратегии безопасности» [NPR 2018, p. 9]. Однако против этой цитаты уместно было бы поставить, как это делалось в советских словарях, пометку «устар.» – поскольку

документ, где действительно провозглашалась такая американская установка, был выпущен еще при предыдущем президенте, а в настоящее время снижение роли ядерного оружия в стратегии национальной безопасности уже отнюдь не является целью США.

В соответствии с преобладающей в американском экспертно-аналитическом сообществе точкой зрения, в ОЯП представлена картина мира и история после Второй мировой войны. По ходу воспроизведения цепочки исторических событий все время говорится об «американском сдерживании»: как будто бы это только Советский Союз и потом Россия угрожали, а Соединенные Штаты, и только они, «сдерживали» [NPR 2018, р. 17]. Вместе с тем всемерно подчеркивается роль ядерного оружия в этом сдерживании и указывается, что после его появления количество жертв в войнах многократно сократилось (приведен соответствующий график в подтверждение данного тезиса). Таким образом, в том числе, обосновывается возвращение в американскую стратегию «сдерживания», в качестве ее основного компонента, опоры на ядерное оружие.

Против российской стороны выдвигается ряд обвинений, которые, как сказано в ОЯП, «в совокупности со вторжением России в Крым и ядерными угрозами против наших союзников, обозначают бесспорный возврат к ситуации конкуренции между великими державами».

- За счет модернизации «наследия» советского ядерного арсенала Россия увеличила и продолжает наращивать возможности по доставке полезного груза ядерных боеголовок и приобрела способность быстро увеличить количество развернутых боеголовок.
- Несмотря на выполнение условий Пражского договора по СНВ, Рос-

сия сохранила в арсенале много нестратегических ядерных вооружений.

- Российская сторона модернизирует нестратегические ядерные вооружения и стратегические ядерные системы (упомянуты почти все системы, месяц спустя фигурировавшие в послании российского президента Федеральному собранию; специальный абзац посвящен российским автономным подводным ядерным торпедам с высокомогущей боеголовкой, о которых в США сообщали и раньше, но впервые – в официальном документе).
- В России, как и в Китае, разрабатываются системы вооружений, предназначенные для ограничения и воспрепятствования доступа и маневра (anti-access and area denial – A2AD, A2/AD) – в том числе в укрепленных подземных бункерах, – с целью противодействия американским высокоточным неядерным вооружениям и повышения для Соединенных Штатов стоимости мер по усилению потенциала их европейских и азиатских союзников и партнеров.
- Россия обладает значительным преимуществом в производственных мощностях по изготовлению ядерных вооружений по сравнению с Соединенными Штатами и их союзниками.
- «Москва угрожает применением первой ядерной силы и практикует это [NPR 2018, р. 30]» [?! – Н.Б.; явная оговорка, требующая более точного словоупотребления]; в «русской стратегии и доктрине подчеркивается потенциально принуждающее и военное использование ядерного оружия» [NPR 2018, р. 8], включая концепцию «ядерной эскалации для достижения успеха»

и «доктрину применения тактического ядерного оружия».

Что касается последнего, то очевидно, что речь идет о так называемой концепции «эскалации для деэскалации»: применения ядерного оружия в конвенциональном конфликте с целью его прекращения на выгодных для себя условиях. Указывается, в частности, что «недавние российские заявления по поводу меняющейся доктрины, связанной с ядерным оружием, создают впечатление о понижении порога для применения ядерного оружия» [NPR 2018, р. xii]. Подчеркивается, что «через многие испытания и заявления Россия демонстрирует свое представление о преимуществе, создаваемом этими системами» [NPR 2018, р. xii]. Задача исправить это «неправильное российское представление» называется «стратегическим императивом» [NPR 2018, р. xii]. В документе говорится, что российская сторона может посчитать, что у нее есть тактическое преимущество в связи с наличием большего разнообразия ядерных вооружений и особенно потенциала «ограниченного ядерного удара». И что Америка должна отреагировать аналогичным образом, заменив свои системы вооружений на более «гибкие». Такая установка, считает известный критик Трампа американский писатель и журналист Мэтт Тэйбби, делает новую американскую ядерную доктрину «настолько плохой, насколько это только возможно»: «Самый страшный абзац в ОЯП предназначен для разьяснения невероятной частоты, с какой в этом объемном документе используется одно слово: гибкость»², – утверждает Тэйбби, насчитавший 38 случаев его употребления.

Эта концепция так называемой «эскалации для деэскалации» очевидно «зацепила» и «проняла» составителей «Обзора»: к ней более десятка раз дается прямая или косвенная отсылка в тексте. Но от этого утверждения о якобы существующей в России приверженности ее положениям не становятся более убедительными. В действительности концепция «эскалации для деэскалации» за последние полтора десятилетия (с 2003 г., когда она была изложена в документе Министерства обороны [Актуальные задачи развития 2003, с. 42] ни разу не упоминалась в официальных документах Москвы или выступлениях российских руководителей, а высказывалась лишь отдельными военными теоретиками, причем как в России, так и в США, и ни в коем случае не была принята в качестве официальной российской стратегии. Она никак не согласуется с реальными российскими основополагающими стратегическими документами, где конкретно указано, что ядерное оружие может быть использовано только в ответ на ядерное нападение на Россию или ее союзников или же в ответ на массированное неядерное нападение, когда под угрозой находится само существование государства.

Принятию за данность мнения об «эскалационной приверженности» российской стороны, впрочем, не могли не способствовать и многократные намеки на возможность использования ядерного оружия, допускавшие российские политическими деятелями и политологами. В президентском послании Федеральному собранию 1 марта 2018 г. также использовались видеоролики (как потом выяснилось, один из анимационных филь-

2 Taibbi M. (2018) Thinking on Nukes Is Insane and Ignorant // Rolling Stone, February 9, 2018 // <https://www.rollingstone.com/politics/news/taibbi-donald-trump-on-nukes-is-insane-ignorant-w516568>, дата обращения 30.11.2018.

мов был изготовлен еще в 2007 г.), в которых российские ядерные боеголовки наносят удар по Флориде. Официальная реакция в Вашингтоне свелась к сдержанному комментарию, что подобные демонстрации не являются поведением ответственного международного игрока³. Однако, несомненно, и подобные выступления, и укоренившееся за океаном мнение о готовности России к «эскалации для деэскалации» влияют на американские ядерные программы, подталкивая гонку вооружений.

Вашингтон собирается заменить МБР на 400 новых, поставить на вооружение более современные бомбардировщики, развернуть 12 перспективных подводных лодок «Колумбия» взамен имеющихся четырнадцати класса «Огайо» (в период холодной войны у США было 41 стратегических подводных ракетноносцев), создать новые ядерные крылатые ракеты морского базирования, которые при администрации Обамы предназначались к ликвидации как класс [NPR 2010, р. xiii]⁴, приобрести новые крылатые ракеты воздушного базирования Long Range Standoff (LRSO) и гравитационные бомбы B61-12 со способностью самонаведения. Пентагон планирует также поддерживать запас резервных ядерных боезарядов, которые «в случае необходимости» могут быть развернуты на МБР, БРПЛ и бомбардировщиках. Будет создан модифицированный маломощный вариант ядерных боеголовок для баллистических ракет на подводных лодках

(БРПЛ), а затем разработаны совершенно новые маломощные боеголовки для БРПЛ. При этом, однако, как оговаривается в ОЯП, общее число боеголовок на БРПЛ не увеличится, поскольку адаптированные, а затем новые боеголовки будут ставиться взамен существующих более мощных. Некоторые американские издания и отдельные эксперты истолковали ОЯП таким образом, что будут созданы маломощные боеголовки также и для крылатых ракет морского базирования – но в тексте самого документа об этом не говорится.

Хотя в ОЯП подчеркивается, что маломощные боеголовки на БРПЛ «не предназначены для создания способности ведения ядерной войны и не способны сделать этого» [NPR 2018, р. 54], многие критики документа отмечают опасность такого рода планов, делающих ядерную войну более «приемлемой». Этому посвящены ряд статей в журнале «Bulletin of the Atomic Scientists», об этом же писали президент «Фонда Плаушерз» Джордж Сингсоне, профессор Колледжа Хэмпшира Майкл Клэр, содиректор программы по глобальной безопасности Союза обеспокоенных ученых Лизбет Гронлунд и многие другие.

Вашингтон продолжает стремиться к поддержанию глобального доминирования. Не случайно в эпиграфе ко второй главе использована цитата начальника военно-морских операций адмирала Джона Ричардсона из руководства для ВМФ, вышедшего под характерным названием «План действий по сохране-

3 State Department Daily. State Department Spokesperson Heather Nauert Fielded Questions from Reporters on a Range of International Issues Confronting the Trump Administration (2018) // C-Span, March 1, 2018 // <https://www.c-span.org/video/?441941-1/heather-nauert-briefs-reporters-state-department&live&vod>, дата обращения 30.11.2018.

4 Хотя администрация Барака Обамы предполагала завершить всю программу строительства «Томагавков» (в ядерном и неядерном оснащении), однако в апреле 2015 г. подкомитет по вопросам морской мощи и проецированию силы Комитета по вооруженным силам Палаты представителей США принял решение о восстановлении финансирования строительства 96 ракет «Томагавк» на те годы, в течение которых администрация планировала завершить свертывание программы (Cropsey S. (2014) Fate of the Tomahawk Cruise Missile // Hudson Institute, May 19, 2014 // <https://www.hudson.org/research/10295-fate-of-the-tomahawk-cruise-missile>, дата обращения 30.11.2018).

нию превосходства на море» [Richardson 2016]. Прорабатываются будущие варианты «передового базирования» с задействованием новейших самолетов двойного назначения F-35, крылатых ракет морского базирования и систем ПРО. Но стоит, однако, подчеркнуть, что при этом «прорывных» технологий не анонсируется, количественное увеличение стратегических носителей не предусматривается, а запланированные системы стратегической триады призваны заменить действительно отслужившие свой эксплуатационный срок. Четко артикулируется, что американская сторона не будет добиваться паритета с Россией в тактических ядерных вооружениях и наращивать их до уровня, сопоставимого с имеющимся у России.

Инфраструктура управления, контроля и коммуникаций в ядерной сфере также будет существенно укрепляться и меняться. При этом берется курс на интеграцию ядерного и неядерного планирования и оперативной деятельности. Одновременно будут усиливаться системы по противодействию кибератакам, и им тоже будет придаваться приоритетное значение. При этом немалую роль в том внимании, которое в новой ядерной доктрине уделено системам управления и контроля, по видимому, сыграл недавний просчет, когда в Соединенных Штатах, как там считают, не сумели предугадать, предотвратить и распознать кибервмешательство в американские выборы.

Многие аналитики с обеспокоенностью писали, что новая ядерная доктрина США предполагает возможность нанесения американского ядер-

ного удара в ответ на кибернападения, которым они могут подвергнуться в будущем. В ведущей американской газете «New York Times» вышла статья под заголовком «Пентагон предполагает противостоять разрушительным кибератакам с помощью ядерного оружия»⁵. Однако про возможность ядерного ответа на кибернападение напрямую в ОЯП не говорится, хотя в качестве предполагаемого повода («чрезвычайных обстоятельств») для использования ядерного оружия первыми, в соответствии с документом, указывается неядерное нападение со значительным поражением инфраструктуры страны, такой как национальная энергетическая система и наиболее уязвимые для кибероружия коммуникации.

Такого рода планы повышают опасность ядерного конфликта вследствие того, что кибероружие трудно фиксировать, трудно ограничивать, трудно установить факт его применения, трудно достоверно идентифицировать источник кибератаки. В этом плане выступавший в Москве президент американского Совета по международным отношениям Ричард Хаас, автор книги «Мир в раздоре» [Haass 2017], говорил, что кибероружие представляет большую проблему, чем ядерное⁶. И очевидно, что после скандала по поводу «российского вмешательства» резко сократились, если не сошли на нет, перспективы достижения двусторонних договоренностей по контролю над кибероружием, переговоры о чем велись несмотря на обострение отношений.

Отсылки к возможному возобновлению переговоров по ограничению

5 Sanger D.E., Broad W.J. (2018) Pentagon Suggests Countering Devastating Cyberattacks With Nuclear Arms // New York Times, January 16, 2018 // <https://www.nytimes.com/2018/01/16/us/politics/pentagon-nuclear-review-cyberattack-trump.html>, дата обращения 30.11.2018.

6 Haass R.N., Trenin D. (2018) Wither the U.S.-Russia Relationship // Carnegie Moscow Center, January 17, 2018 // <https://carnegie.ru/2018/01/17/whither-u.s.-russia-relationship-event-5792>, дата обращения 30.11.2018.

вооружений встречаются в документе не раз, хотя с перспективами в данной области связываются значительно меньшие ожидания, чем это было в предыдущем ОЯП времен президента Барака Обамы. Декларируется приверженность американской стороны конечной цели ядерного разоружения, но констатируется, что условия для этого в настоящее время отсутствуют и международная ситуация развивается не в благоприятном направлении. При этом утверждается, что именно Соединенные Штаты исторически выступали инициатором сокращения вооружений, но «другие за ними не последовали». Против России, в частности, в документе выдвигаются обвинения, что она отказалась вести переговоры по тематике Пражского договора СНВ (в действительности, первоначально это Дональд Трамп не поддержал разговор на данную тему во время первого телефонного контакта с Владимиром Путиным, ну а Путин «уже потом» также ответил отказом на предложение обсудить возможность дальнейшего сокращения ядерных вооружений), нарушает Договор о вооруженных силах и вооружениях в Европе, Договор об открытом небе, Президентские ядерные инициативы начала 1990-х гг. и «селективно интерпретирует» или вовсе не соблюдает более широкие общеполитические документы: Венские договоренности, Будапештский меморандум, Хельсинкские соглашения.

В документе особо подчеркивается тезис о «продолжающихся российских нарушениях Договора РСМД». Есть специальный раздел «про это», добавленный в подготовленный Пентагоном исходный вариант документа уже после того, как он поступил на рассмотрение в Белый дом – что, по-видимому, свидетельствует о политической значимости данного тезиса для Вашингтона. Подчеркивается, что американская

программа разработки БРПЛ будет веским аргументом, который может побудить российскую сторону «вернуться к соблюдению» Договора РСМД, а США могут в этом случае пересмотреть решение относительно КРМБ. При этом обозначается готовность американской стороны продолжать выполнять условия других заключенных договоров и не возобновлять ядерные испытания (несмотря на нежелание ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия).

При всех вышеупомянутых «натяжках» и «перегибах» ОЯП – впрочем, весьма характерных для американских аналитических материалов, хотя и отражающих реальные опасения по поводу российских действий и намерений, – многие американские эксперты считают его «сдержанным». Вне зависимости от того, соглашаться ли с этой оценкой, документ действительно транслирует в первую очередь позицию составлявших его военных, а не тех членов политического истеблишмента, для которых Россия после Крыма, Украины и скандала с хакерскими атаками стала воплощением зла. Нигде – ни в одном из трех американских основополагающих документов «Национальной стратегии безопасности», «Национальной стратегии обороны», «Обзоре ядерной политики» – Россия напрямую не именуется «противником», вопреки многочисленным утверждениям российских политиков и политологов. Разве что косвенно, как, например, в следующем пассаже ядерной доктрины, где, когда речь идет о «противнике», Россия хоть и не называется, но явно подразумевается: «Чтобы американское сдерживание было эффективным против возникающего спектра угроз и обстоятельств, вооруженные ядерным оружием потенциальные противники должны представлять себе, что их угрозы ядерной эскалации не позволяют им свободно осуществлять

неядерную агрессию» [NPR 2018, p. 21]. Или в «Национальной стратегии безопасности», где упоминаются «враждебно настроенные страны». Однако при этом в ОЯП, где формулировки в целом мягче (может быть потому, что ядерная сфера наиболее опасна, а Россия в ней сильна), чем в «Национальной стратегии безопасности» и в «Национальной стратегии обороны», – подчеркивается, что Соединенные Штаты не хотят рассматривать Россию и Китай в качестве противников, а стремятся к стабильным отношениям с ними.

Китай – «великоразмерный вызов» Соединенным Штатам в Азии

В ОЯП подчеркивается, что Соединенные Штаты после холодной войны вывели из Азиатского региона все свои ядерные вооружения наземного базирования и, предоставляя гарантии ядерного сдерживания союзникам, опирались на стратегические наступательные силы и крылатые ракеты морского базирования. При этом в документе нигде не упоминается о декларированном предыдущей администрацией «американском развороте в азиатском направлении» (выделявшим в качестве приоритета Азиатско-Тихоокеанский регион и имевшим в первую очередь военную направленность): проблемы, связанные с противостоянием с Россией в Европе и конфликтами на Ближнем Востоке, в значительной степени потеснили приоритетность того «поворота».

Между тем Китай, в соответствии с формулировкой ОЯП, представляет крупнейший вызов интересам США в Азии⁷ (но не с определенным артиклем

«the», а с неопределенным «a», поэтому используемое в ОЯП словосочетание «a major challenge» можно перевести и как «крупнейший», и как «один из главных» вызовов) [Бубнова 2017, с. 148–149]. Китай, утверждается в документе, занимает все более наступательную позицию в спорах с соседними странами, многие из которых являются союзниками и партнерами США, выдвигает территориальные претензии по отношению к ним, «наращивает силы для противостояния американским операциям по проецированию мощи в регионе и для воспрепятствования возможности и свободе действий США по защите интересов США [сохранена семантика оригинала. – Н.Б.], их союзников и партнеров» [NPR 2018, p. 32].

Обращает на себя внимание, что, в отличие от документов предыдущих американских администраций, применительно к Китаю дважды используется термин «сдерживание». Прежнее нежелание Вашингтона говорить о Пекине в контексте «сдерживания» связывали с превалировавшими представлениями о «недостаточном» ядерном арсенале Китая по сравнению с американским и отсутствию между Китаем и США стратегического паритета. Однако объем ядерного арсенала КНР, с одной стороны, достоверно не установлен и намеренно не декларируется Пекином, расценивающим фактор неопределенности как свой козырь, а с другой, может оказаться вполне сопоставимым с американским и российским, если учитывать не только стратегические ракеты, но и ракеты средней и малой дальности, и считать в совокупности все носители (а также боеголовки), в том числе и те, которые могут быть спрятаны в подземных тоннелях [Арбатов, Дворкин 2013, с. 40–41]. Воз-

⁷ Подробно о военно-политическом противостоянии США и Китая см.: [Краузе 2016, с. 34–35, 40–49; Кашин 2016].

можно, впрочем, что появление слова «сдерживание» применительно к Китаю связано не с намеренным изменением стратегии в отношении этой страны, а с «естественным ходом» событий и меняющимся восприятием восточно-азиатского гиганта по мере увеличения его потенциала, в том числе военного. Нынешнее изменение вокабуляра может быть также вызвано отсутствием прецедентов в американских ведомствах, ведающих выработкой соответствующей терминологии.

В ОЯП заявлено, что Соединенные Штаты готовы «решительно отразить китайскую неядерную и ядерную агрессию» [NPR 2018, р. 32]. Эта готовность, декларируется в документе, демонстрируется как американскими учениями в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и «увеличением диапазона градуированных опций ядерного ответа в распоряжении президента» [NPR 2018, р. 32]. Речь, по-видимому, идет, в том числе, и о тех самых боеголовках малой мощности, которые собираются поставить на баллистические ракеты на подводных лодках. Если подобное предположение верно, то принятием на вооружение боеголовок малой мощности, очевидно, собираются убить двух зайцев: ответить на предполагаемую «российскую доктрину ядерной эскалации для деэскалации» и «укрепить убедительность американской стратегии сдерживания и улучшить способность эффективного ответа на ограниченное использование Китаем ядерного оружия, если сдерживание не работает» [NPR 2018, р. 32]. При этом подчеркивается заинтересованность США в развитии значимого диалога с Китаем по вопросам ядерной политики и сотрудни-

чества по поддержанию мира и нежелание вступать в гонку вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе с Китаем или же с Россией.

Однако возрастающая изоляция России и усиливающееся американское давление на Китай, в том числе принятые Вашингтоном уже после выхода в свет «Обзора» решения сначала о таможенных пошлинах на сталь и алюминий, за которыми последовало введение пошлин на китайские товары стоимостью 50 млрд долларов, а затем еще на 200 млрд долларов, вкупе с антииранскими санкциями, затрагивающими и Россию с Китаем, объективно подталкивают Пекин и Москву к дальнейшему взаимному сближению. «Сбывается ли самый страшный кошмар Америки? Формируется ли альянс Россия–Китай?»⁸ – вопрошалось в заголовке статьи, вышедшей в американском аналитическом издании «National Interest». При этом по-прежнему остается открытой проблема непрозрачности китайского ядерного потенциала, вызывающая беспокойство как в США, так и в России, и не создает побудительных мотивов для вовлечения этой страны в процесс ограничения ядерных вооружений.

Северная Корея: примеряя лекало «сдерживания» ...но уже не «огня и ярости»?

В отношении Кореи американская позиция в ОЯП представлена как реакция на агрессивность и непредсказуемость Пхеньяна (документ вышел еще до заявления Ким Чен Ына об отказе от своей ядерной программы, межкорейских и северокорейско-американских

8 Majumdar D. (2018) Is America's Greatest Fear Coming True? Is a Russia-China Alliance Forming? // National Interest, April 4, 2018 // <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/americas-greatest-fear-coming-true-russia-china-alliance-25222>, дата обращения 30.11.2018.

встреч и достигнутых там договоренностей).

Указано, что КНДР в нарушение международных договоренностей осуществляла курс на создание ядерного оружия и баллистических ракет, угрожала своим соседям и США: «Северная Корея открыто заявляет, что ее ракеты предназначены для нанесения ядерных ударов против городов США, Южной Кореи и Японии». При этом, естественным образом, не упоминается непоследовательность и зачастую провокативность политики самой американской стороны, демонстрировавшиеся Вашингтоном по мере развития «северокорейской ядерной проблемы» и истории переговоров с Пхеньяном. И нигде не говорится о том, что целью Пхеньяна может аналогичным образом быть «сдерживание» США, недопущение американского нападения на страну. Особые опасения США, сообщалось в ОЯП, связаны с тем, что обширные ядерная и ракетная программы Пхеньяна предполагали создание потенциала для применения первыми ядерного оружия в поддержку действий обычных вооруженных сил. В качестве еще одного предмета озабоченности обозначена возможность незаконного экспорта из КНДР ядерного оружия и оружейных материалов, баллистических ракет и связанных с ними технологий – угроза так называемого «горизонтального» ядерного распространения (в качестве примера «из прошлого» упоминаются северокорейские экспортные поставки баллистических ракет и деталей к ним в несколько стран, включая Иран и Сирию, и помощь Пхеньяна в строительстве ядерного реактора в Сирии, впоследствии уничтоженного ударом израильской авиации в 2007 г.). Приобретение КНДР ядерного оружия, указывается в документе, также побуждает соседние неядерные страны озабочиться состоянием своей националь-

ной безопасности и – вследствие угрозы со стороны Пхеньяна – задуматься, в том числе, о возможной целесообразности приобретения собственного ядерного потенциала.

Главный упор в ОЯП делается на «неизменную цель США», заключающуюся «в полном, поддающемся верификации и необратимом ядерном разоружении Корейского полуострова» [NPR 2018, р. 32]. Говорится также о недопустимости северокорейской ракетной программы. И утверждается, что любая северокорейская ядерная атака против США или их союзников и партнеров неприемлема и приведет к концу режима (о том, какие средства будут задействованы в ответ на гипотетическое нападение со стороны КНДР с применением обычного оружия, не упоминается). Кроме того, указывается, что Пхеньян «призовут к ответу» за любые действия по передаче ядерных технологий, материалов и чертежей третьему государству или негосударственному актору.

Любопытно при этом, что в отношении Северной Кореи используется термин «сдерживание». Тогда как применительно к Китаю в Вашингтоне, как указывалось выше, долгое время отказывались рассматривать концепцию «сдерживания», считая его ядерный потенциал «недостаточным», чтобы ставить эту страну на одну доску с Соединенными Штатами. Это уже само по себе можно рассматривать как своего рода достижение северокорейского режима, признание, пусть и со знаком минус, его влияния и силы. Интересно и то, что именно применительно к Северной Корее говорится о наличии там подземных тоннелей (на подобные китайские сооружения редко ссылаются в американских документах), где могут скрытно базироваться корейские ракеты, – и подчеркивается, что эти объекты будут обязательно поражены в слу-

чае вооруженного конфликта. В этом плане показательное – «под камеры» – разрушение северокорейской стороной собственного ядерного полигона с бункерами, предпринятое в качестве одной из первых мер «навстречу» США в присутствии специально привезенных иностранных журналистов, можно рассматривать как удачный PR-ход, вымостивший в череде других дорогу к первому саммиту между Трампом и Ким Чен Ыном.

Соединенные Штаты, говорится в ОЯП, «будут иметь оборонительные и наступательные вооружения для перехвата северокорейских ракет, чтобы ограничить или предотвратить способность Северной Кореи нанести эффективные ракетные удары» [NPR 2018, р. 33]. При этом подчеркивается необходимость поддержания способности в случае решения о военной операции вывести из строя северокорейские ракеты до старта и указывается на важность координации позиции по северокорейской проблеме с Японией и Южной Кореей.

Но ничто в ОЯП не предвещало возможности «разворота над Тихоокеаном», который произошел уже после публикации документа в политике Белого дома, согласившегося – после переговоров между Северной и Южной Кореей на полях Олимпийских игр в Пхеньчхане и состоявшихся там же неформальных встреч сотрудников американских спецслужб с северокорейскими представителями – на встречу с корейским лидером (в начале апреля прошла тайная встреча Ким Чен Ына с тогда еще директором ЦРУ, но уже номинированным на пост государственного секретаря США Майком Помпео). А после подписания Пханмунчжомской декларации о мире и денуклеаризации Корейского полуострова Трамп поспешил увенчать себя лаврами миротворца, заявив, что сыграл главную

роль в процессе примирения. Но неизвестно, пойдет ли северокорейское руководство на еще большие уступки навстречу позиции США, особенно учитывая их разное понимание «денуклеаризации» и уклончивое поведение северокорейской стороны по части исполнения прежних договоренностей, а также памятуя произошедшее с Ираком, Ливией, Сирией и иранский опыт, когда Вашингтон, подписав Соглашение по иранской ядерной программе, практически сразу же начал вводить новые санкции против ракетной программы Ирана, а после избрания Трампа потребовал пересмотра согласованных договоренностей и затем вышел из Соглашения. К тому же, отказываясь от Иранского соглашения, Вашингтон тем самым заведомо повышает планку для договоренностей с Пхеньяном, затрудняя выработку критериев, по которым «сделку» можно признать успешной.

Иран: претензии по поводу Соглашения об иранской ядерной программе, предъявления ядерного потенциала и ракетной программы

Как и в случае с Южной Кореей, в ОЯП приводятся угрозы Тегерана в адрес США, и действия американской администрации представлены как вынужденные и ответные. Кроме того, по мнению составителей документа, от Ирана исходит дополнительная угроза, связанная с возможностью ядерного распространения на Ближнем Востоке (как и случае с Северной Кореей применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону). Указывается, что Иран стремится к доминированию в регионе, «разрабатывает баллистические ракеты все большей дальности», «осуществляет агрессивную стратегию и действия по дестабилизации сосед-

них государств» и «сохраняет технические возможности и значительный задел, чтобы, в случае выхода из Соглашения по ядерной программе, в течение года создать ядерное оружие» [NPR 2018, р. 13].

Известно, что Дональд Трамп изначально называл соглашение «ужасным», «самым плохим в истории» и неоднократно в ходе избирательной кампании и став президентом, заявлял, что откажется от него. Но внутри администрации против выхода из соглашения, несмотря на резко негативное отношение к Ирану, выступали министр обороны Джон Мэттис совместно с тогда занимавшим должность государственного секретаря Рексом Тиллерсоном (изменившим свое первоначально отрицательное мнение по поводу договоренностей по Ирану) – который, однако, в середине марта был уволен. Лидеры европейских стран – союзников США тоже пытались убедить американского президента в целесообразности сохранять соглашение в силе (с возможными дополнениями), а многочисленные проверки МАГАТЭ подтверждали, что Иран добросовестно выполняет взятые на себя обязательства. Однако в ОЯП нигде не было сказано о приверженности США подписанному документу – что затем и подтвердилось действиями президента, объявившего о выходе из соглашения.

Американская стратегия сдерживания, утверждается в документе, «нацелена на обеспечение того, чтобы иранское руководство понимало: любое неядерное стратегическое нападение на Соединенные Штаты, их союзников и партнеров будет отражено и его цена значительно перевесит любые выгоды» [NPR 2018, р. 34]. При этом делается ставка на сочетание американских наступательных и оборонительных систем – то есть опять речь идет, в том числе, и об американских систе-

мах ПРО. Эти вооружения, указывается в ОЯП, должны быть усилены, чтобы отразить «растущие угрозы со стороны ракетной программы Ирана» [NPR 2018, р. 34]. Хотя в документе и не уточняется, что в ответ на предполагаемое иранское нападение планируется задействовать именно неядерные наступательные системы США, но ранее среди американских военных существовало отчетливое понимание, что «американские ядерные наступательные вооружения не могут быть показателем в иранском уравнении» [Perkovich 2010] – иными словами, что ядерного решения ядерной проблемы Ирана быть не может. Однако при выходе из соглашения США, а затем, возможно, и Ирана, опасность попытки военного решения проблемы и связанных с этим рисков, безусловно, возрастет.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что в американской ядерной доктрине подвергся пересмотру провозглашенный когда-то Бараком Обамой курс на ядерное разоружение и на уменьшение роли ядерного оружия в американском стратегическом позиционировании. Опора на ядерное оружие возвращается в качестве главного столпа американской стратегии сдерживания. Провозглашены линия на модернизацию стратегической триады, ввод в строй новых самолетов двойного назначения, оснащение баллистических ракет на подводных лодках боеголовками малой мощности, которые многие считают «более применимыми», создание новых крылатых ракет морского базирования, а также усиление соответствующей системы управления, контроля и наблюдения. Между тем, по мнению академика Алексея Арбатова, возвращение ядерного компонен-

та в качестве стержневого компонента в американском военном позиционировании уменьшит роль противоракетной обороны и стратегических неядерных систем быстрого глобального удара [Толстухина 2018].

В отношении каждой из стран, с которыми у Соединенных Штатов имеются противоречия, в ОЯП подчеркивается ответный характер разрабатываемых Вашингтоном мер, но такая «презумпция невинности», что характерно, применяется только лишь для самого Вашингтона. В ОЯП, как и в других нормативных американских документах, утверждается, что новые американские военные программы являются вынужденной реакцией на меняющуюся международную ситуацию, новые стратегические вызовы и, в том числе и во все возрастающей мере, – на «агрессивную российскую политику», внешнеполитические действия и программы строительства вооружений, сопровождающиеся воинственными заявлениями с российской стороны. Россия воспринимается за океаном как более приоритетная угроза по сравнению с Китаем, тогда как Китай рассматривается как крупнейший вызов в Азиатском регионе. Особую озабоченность Вашингтона вызывает то, что, в соответствии с превалирующим за океаном представлением, российская сторона якобы исходит из того, что угроза ядерной эскалации или же действительное применение первой ядерного оружия будто бы может привести к «деэскалации» конфликта на благоприятных для России условиях, – эту предполагаемую российскую установку планируется купировать как за счет новых программ вооружения, так и путем специально проектируемой «гибкости» и «неопределенности» американских действий.

В свете дальнейшего ухудшения международной ситуации, продолжавшегося и уже после публикации ОЯП,

когда буквально каждую неделю происходило что-то, обрушивающее отношения России с Западом еще на ступеньку ниже: недопущение российских спортсменов под национальным флагом на Олимпийские игры из-за обвинений в допинге, скандал с обнаружением партии кокаина в школе на территории российского посольства в Аргентине, отравление бывшего российского двойного агента Сергея Скрипаля и его дочери Юлии в Великобритании, в котором власти королевства обвинили Москву, масштабная высылка российских дипломатов из европейских стран и США, сообщения о химической атаке в Сирии и последовавший затем воздушный удар США и других западных держав по сирийским объектам, череда американских санкций, – этот документ может стать не самым боевитым в ряду подобных нормативных актов, которым еще только предстоит увидеть свет.

Иран и Северная Корея (при некоторых подвижках в свете позитивного развития диалога по северокорейской проблеме) воспринимаются за океаном как страны, осуществляющие агрессивную политику, имеющие ядерные амбиции и разрабатывающие баллистические ракеты все большей дальности, представляющие военную угрозу для США и опасность распространения оружия массового поражения и технологий по его производству и доставке в соответственно Ближневосточном и Азиатско-Тихоокеанском регионах. В отношении обоих этих государств выдвигается требование обеспечить их безъядерный статус, не допустить усиления их влияния в регионе, предотвратить передачу от них третьим лицам и странам ядерных и ракетных технологий и материалов, убедительно продемонстрировать, что их любая, в том числе неядерная, агрессия неприемлема и вызовет сокрушительный отпор США и их союзников.

Однако если в период администрации Барака Обамы Вашингтон отказался от силового решения иранской проблемы и сделал ставку на переговоры с Ираном без предварительных условий, но при этом предпочел тактику изоляции и игнорирования притязаний Северной Кореи, то теперь, возможно, произошла своего рода рокировка, и Белый дом проявил готовность пойти на переговоры уже с последней. С одной стороны, движение к миру всегда лучше, чем топтание на краю пропасти, а переговоры лучше, чем угрозы. Но, с другой стороны, в очередной раз у стран, стремящихся к обладанию ядерным оружием, в связи с действиями США может усилиться мотивация к его приобретению в качестве инструмента страховки своей безопасности и выигрышного козыря для торга.

Присущая ОЯП некоторая неопределенность отражает провозглашаемую «гибкость» ядерной политики США и намеренное желание не раскрывать всех планов, чтобы сохранить преимущество «неясности» над потенциальным противником и таким образом якобы усилить потенциал сдерживания. Однако можно с определенностью констатировать, что – вопреки декларируемым целям – новая американская ядерная доктрина не повышает, а, напротив, снижает ядерный порог, размывая границы между обычной и ядерной войной и тем самым увеличивая риски последней. Критики документа обвиняют его составителей и Белый дом в провоцировании ядерной гонки, расширении вариантов использования ядерного оружия, опасном курсе на интеграцию ядерного и неядерного планирования и оперативной деятельности, расширении количества дополнительных сценариев, при которых возможен первый ядерный удар, что делает более вероятным реальное применение этого наиболее смер-

тоносного оружия. Но определенные признаки «сдержанности»: отсутствие установки на количественное увеличение ядерных вооружений и на достижение паритета по тактическим ядерным вооружениям; упоминание возможности размещения в Европе американских ядерных ракет; подтверждение отказа от возобновления ядерных испытаний; констатация готовности к мерам по контролю над вооружениями, хотя и в «осмотрительном» формате, а еще, более того, подвижки в сторону урегулирования противостояния на Корейском полуострове, дают некоторые основания надеяться, что при наличии политической воли и целенаправленных усилий сторон, а также мерах по предотвращению опасных инцидентов – не только такого рода катастрофического сценария, но и «просто» дальнейшего ухудшения международной ситуации все же удастся избежать. При всей напористости и небеспристрастности США, их любви к силе и стремлении играть в одни ворота, там тем не менее не заинтересованы в войне, тем более ядерной, и ядерная область остается одной из немногих, про которую в американских официальных документах и экспертных заявлениях говорят как про возможную сферу сотрудничества в целях сохранения действующих режимов контроля над вооружениями и достижения новых договоренностей.

Список литературы

- Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации (2003). М.: Агентство «Военинформ».
- Арбатов А.Г., Дворкин В.З. (2013) Большой стратегический треугольник. М.: Московский центр Карнеги.
- Бубнова Н.И. (2017) Новая администрация США: военно-политические

вызовы // Россия и современный мир. № 1. С. 135–152.

Кашин В.Б. (2016) Развитие ядерных сил Китая: начало глубокой трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 9. № 4. С. 76–93.

Краузе И. (2016) Оценка вероятности войны: сходства и различия между Европой в 1914 г. и Восточной Азией в 2014 г. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 9. № 4. С. 18–56.

Толстухина А. (2018) Новая ядерная доктрина США: опасности и возможности для России // Международная жизнь. 26 февраля 2018 // <https://interaffairs.ru/news/show/19396>, дата обращения 30.11.2018.

Haass R. (2017) *A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*, New York: Penguin Press.

National Security Strategy 2010 (2010) // National Security Strategy Archive, May 27, 2010 // <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/>, дата обращения 30.11.2018.

Nuclear Posture Review 2010 (NPR) (2010) // U.S. Department of Defense,

April 2010 // https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/NPR_FACT_SHEET_April_2010.pdf, дата обращения 30.11.2018.

Nuclear Posture Review 2018 (NPR) (2018) // U.S. Department of Defense, February 2018 // <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872877/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY.PDF>, дата обращения 30.11.2018.

Perkovich G. (2010) *Nuclear Weapons and National Security – A New Strategy* // Carnegie Endowment for International Peace, April 7, 2010 // <http://carnegieendowment.org/2010/04/07/nuclear-weapons-and-national-security-new-strategy/3cjr>, дата обращения 30.11.2018.

Richardson J. (2016) *A Design for Maintaining Maritime Superiority* // United States Navy, January 2016.

Summary of the National Defense Strategy. Sharpening the American Military's Competitive Edge (2018) // U.S. Department of Defense // <https://dod.defense.gov/portals/1/documents/pubs/2018-national-defense-strategy-summary.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

Trenin D. (2016) *Should We Fear Russia?* New York: John Wiley & Sons.

“Tailored” Country Strategies in the U.S. Nuclear Posture Review

Natalia I. BUBNOVA

PhD in History, Leading Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: NBubnova@imemo.ru

CITATION: Bubnova N.I. (2018) “Tailored” Country Strategies in the U.S. Nuclear Posture Review. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 21–39 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-21-39

ABSTRACT. *The new U.S. Nuclear Posture Review (NPR), published in January 2018, stipulates a “tailored” strategy towards each country which Washington sees as presenting a nuclear challenge to the United States. Yet each “tailored” strategy is based on the same reiterated assumption that the U.S. measures and programs are allegedly developed in response to external hostile actions. The NPR cites other countries’ aggressive behavior and military buildup as the reason to reinstitute the role of nuclear weapons as the key component of the U.S. deterrent, modernize the U.S. strategic triad and dual-capable aircraft, develop new small-yield warheads, create sea-launched cruise missiles, and reinforce the C3 systems to support all these. These initiatives go along with the new expanded understanding of “extreme circumstances” which allows for a U.S. nuclear response to a non-nuclear attack, as well as with other new features of the U.S. nuclear doctrine: the creation of “more usable” types of nuclear weapons, the integration of nuclear and conventional elements of planning and operations, the enhanced focus on cyber threats, and the prioritization of “flexibility,” “uncertainty,” and “hedging” – which all increase the danger of an actual use of nuclear weapons. The NPR presents Russia as a higher threat compared to China, while China – as a major challenge to the United States in the Asian re-*

gion. Yet the NPR does not call these two states “adversaries” and stresses the need to avoid confrontation and an arms race. Besides Russia’s “aggressive policies,” military programs and bellicose declarations, the NPR focuses on her alleged adherence to the concept of “escalation for de-escalation” – early first use of nuclear weapons to end a conventional conflict on favorable terms – a notion that the NPR sets to counteract. The requirements formulated by the NPR towards Iran and North Korea include ensuring their non-nuclear status, countering their growing influence in respectively the Middle East and Asia-Pacific regions, preventing the transfer of nuclear and missile technologies and sensitive materials to third parties and states, and convincingly demonstrating that their aggression, including a conventional one, would be met with resolute action by the United States and its allies. Yet, in a shuffle of a kind, opposite to how the Obama Administration renounced military solution to the Iran problem and chose negotiations with this country with no preliminary condition, – and at the same time preferred the tactics of isolating North Korea and disregarding its claims, – now it is with Seoul that Washington may engage, while simultaneously demonstrating a tough line towards Teheran. Yet the shifts towards a settlement on the Korean Peninsula, along with certain signs of restraint in

the NPR, offer some grounds to hope that – given political will and active international efforts – the worst-case scenarios and further deterioration of international situation may still be avoided.

KEY WORDS: *tailored approach, U.S. nuclear doctrine, deterrence, Nuclear Posture Review, U.S. military strategy, nuclear weapons, U.S.-Russia relations, nuclear modernization programs, China, North Korean nuclear problem, denuclearization of the Korean Peninsula, the Iran Deal, “nuclear escalation for de-escalation” concept*

References

- Aktual'nye zadachi razvitiya Vooruzhennykh sil Rossijskoj Federatsii (2003) [Contemporary Tasks of the Development of the Armed Forces of the Russian Federation], Moscow: Agentstvo «Voeninform».
- Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. (2013) *Bol'shoj strategicheskij treugol'nik* [The Great Strategic Triangle], Moscow: Carnegie Moscow Center. English version available at: http://carnegieendowment.org/files/strategic_triangle.pdf, accessed 30.11.2018.
- Bubnova N.I. (2017) Novaya administratsiya SShA: voenno-politicheskie vyzovy [The New US Administration: Military-political Challenges]. *Rossiya i sovremennyy mir*, no 1, pp. 135–152.
- Haass R. (2017) *A World in Disarray. American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order*, New York: Penguin Press.
- Kashin V.B. (2016) Razvitie yadernykh sil Kitaya: nachalo glubokoj transformatsii [The Development of Chinese Nuclear Forces: Start of a Deep Transformation]. *Outlines of Global Transformation: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no 4, pp. 76–93.
- Krause J. (2016) Otsenka veroyatnosti vojny: skhodstva i razlichiya mezhduevropoj v 1914 godu i Vostochnoj Aziej v 2014 godu [Assessing the Danger of War: Parallels and Differences between Europe in 1914 and East Asia in 2014]. *Outlines of Global Transformation: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no 4, pp. 18–56.
- National Security Strategy 2010 (2010). *National Security Strategy Archive*, May 27, 2010. Available at: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/>, accessed 30.11.2018.
- Nuclear Posture Review 2010 (NPR) (2010). *U.S. Department of Defense*, April 2010. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/NPR_FACT_SHEET_April_2010.pdf, accessed 30.11.2018.
- Nuclear Posture Review 2018 (NPR) (2018). *U.S. Department of Defense*, February 2018. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872877/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY.PDF>, accessed 30.11.2018.
- Perkovich G. (2010) Nuclear Weapons and National Security – A New Strategy. *Carnegie Endowment for International Peace*, April 7, 2010. Available at: <http://carnegieendowment.org/2010/04/07/nuclear-weapons-and-national-security-new-strategy/3cjr>, accessed 30.11.2018.
- Richardson J. (2016) A Design for Maintaining Maritime Superiority. *United States Navy*, January 2016.
- Summary of the National Defense Strategy. Sharpening the American Military's Competitive Edge (2018). *U.S. Department of Defense*. Available at: <https://dod.defense.gov/portals/1/documents/pubs/2018-national-defense-strategy-summary.pdf>, accessed 30.11.2018.
- Tolstukhina A. (2018) Novaya yadernaya doktrina SShA: opasnosti i vozmozhnosti dlya Rossii [The New U.S. Nuclear Doctrine: Dangers and Opportunities for Russia]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, February 26, 2018. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/19396>, accessed 30.11.2018.
- Trenin D. (2016) *Should We Fear Russia?* New York: John Wiley & Sons.

Политические процессы в меняющемся мире

«Ядерное противостояние» в Южной Азии

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Сектор политического и культурологического анализа, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.
Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: andreivolodine@gmail.com

Винай ШУКЛА

редактор-консультант по проблемам России и Центральной Азии, ежемесячный аналитический журнал "India Strategic". E-mail: shuklamoscow@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г., Шукла В. (2018) «Ядерное противостояние» в Южной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 40–55. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-40-55

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется динамика развития соперничества между Индией и Пакистаном в сфере ядерной безопасности. Авторы выделяют два центральных фактора индийско-пакистанского противоборства в сфере ядерных вооружений. Во-первых, индийско-китайский пограничный конфликт 1962 года и вступление КНР в «ядерный клуб» в 1964 году, что обусловило безальтернативность «ядерного выбора» для Индии. Во-вторых, индийско-пакистанские вооруженные конфликты 1965 и 1971 гг., которые подтолкнули правящие круги Пакистана к созданию собственного ядерного оружия. В статье рассматриваются и оцениваются основные этапы развития ядерных программ Индии и Пакистана, анализируется их влияние на развитие геополитической ситуации в регионе Южной Азии. Авторы обращают внимание на незримое присутствие в двусторонних отношениях «китайского фактора» и «всепогодного союзничества» Пакистана и КНР на развитие политиче-

ских процессов в регионе Южной Азии. Подчеркивается необходимость создания системы коллективной безопасности в Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, Пакистан, Советский Союз, Россия, Китай, ядерные программы Индии и Пакистана, Индира Ганди, Атал Бихари Ваджапайи, безопасность Южной Азии, пограничный конфликт 1962 г., индийско-китайские отношения, ядерное нераспространение, ДНЯО, ядерный потенциал Индии, ядерный потенциал Пакистана

Пролегомена: Южная Азия в глобальном контексте ядерного нераспространения

Современные проблемы ядерного нераспространения в Южной Азии целесообразно рассматривать в рамках всей системы международных отношений. Вопросы, связанные с появлением двух ядерных держав в регио-

не, стали освещаться в научной литературе еще в начале 1980-х гг. [Marwah 1981]. После окончания холодной войны внимание к теме соперничества Индии и Пакистана в ядерной сфере сохранилось (например, [Perkovich 1993]). Естественно, новая волна интереса к сравнению ядерных программ Индии и Пакистана в научной литературе поднялась после испытания ядерных зарядов обеими странами в 1998 г. (показательна публикация парных статей в 1999 г. в авторитетном американском журнале – [Ganguly 1999; Ahmed 1999]). Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что большинство публикаций отражают подход Запада к проблеме ядерного нераспространения в Южной Азии, тогда как мы пытаемся рассмотреть вопрос в иной исследовательской парадигме.

По сути дела, процесс нераспространения ядерного оружия зашел в тупик. С одной стороны, мощное отрицательное ускорение «антиразоруженческим» тенденциям на глобальном уровне в свое время придал «ливийский кризис», последствия которого до сих пор, пусть и косвенным образом, сказываются на поведенческих мотивациях стран – участниц мировой политики. С другой стороны, распад биполярного мира, а затем и дезинтеграция униполярного мира делают практически невозможным управление поведением региональных «центров силы», активно формировавшихся в последние 15–20 лет в недрах прежнего мироустройства. В настоящее время самостоятельным стимулятором начинающейся перегруппировки сил в мировой системе выступает «ядерный фактор»; новые действующие лица выдвигаются на значимые позиции, тогда как логика их поведения во всевозрастающей степени определяет траекторию развития межгосударственных отношений. Выше-сказанное относится и к региону Юж-

ной Азии [Ahmed, Panda, Singh 2012, pp. 1–16].

На индостанском субконтиненте мы наблюдаем взаимовлияние и взаимодействие внутренних, т.е. региональных, и внешних, т.е. международных, факторов в формировании конфигурации геополитических сил, влияющих как на динамику режима нераспространения, так и на перспективы его утверждения в качестве парадигмы межгосударственных отношений. Например, «афганский узел» влияет на поведение США как в Южной Азии, так и на сопредельных территориях. Соединенные Штаты в регионе вынуждены взаимодействовать со своими внешнеполитическими партнерами с учетом исторически сложившихся непростых межгосударственных отношений на пространстве «большой Южной/Центральной Азии», как в Вашингтоне принято именовать регион, охватывающий собственно Южную Азию, Афганистан и Иран, бывшие советские республики Средней Азии [Ahmed, Panda, Singh 2012, pp. 65–127].

Союзнические отношения серьезно ограничивают свободу действий Америки в сфере контроля над нераспространением ядерного оружия. Так, в 1962 г. с помощью США в Пакистане был введен в действие первый атомный реактор. Уже после индо-пакистанской войны 1965 г. в элитных кругах Исламской Республики обнаружили намерения использовать энергию атома в военных целях. Служивший в то время министром иностранных дел Зульфикар Али Бхутто (впоследствии премьер-министр Пакистана) якобы произнес «судбоносные» слова: «Если Индия создаст [атомную] бомбу, мы будем питаться травой или листьями, мы будем голодать, но сотворим то же самое» [Pakistani Nuclear Program 2018].

Ядерная программа получила дополнительное ускорение после уни-

зительных для Пакистана итогов войны с Индией 1971 г. Программа создания ядерного оружия получила кодовое наименование «Проект-706». Первоначально «проект» курировал ставший премьер-министром З.А. Бхутто, а после переворота 1977 г. ядерная программа всецело оказалась под контролем военных.

Ввод советских войск в Афганистан (1979 г.) резко повысил место Пакистана в иерархии внешнеполитических приоритетов Вашингтона. Стратегический союзник пользовался особым расположением президента США Р. Рейгана. Последний (1982 г.) так оценил военного руководителя Пакистана генерала Зия-уль-Хака: «Он хороший человек. Дал мне слово, что они (Пакистан. – А.В., В.Ш.) не создают атомную или водородную бомбу. Он (Зия-уль-Хак. – А.В., В.Ш.) привержен помощи афганцам и противодействию Советам» [Pakistani Nuclear Program 2018].

Уже в первой половине 1980-х гг. Исламская Республика провела серию «холодных испытаний», т.е. взрывов снарядов, не имеющих расщепляющихся материалов. Позже Пакистан достиг соглашения с КНДР, смыслом которого было получение баллистических ракет «Нодонг» в обмен на технологии обогащения урана.

ЦРУ и другие разведведомства США были, как известно, всесторонне информированы о созданной опытным пакистанским физиком-ядерщиком А.К. Ханом сети нелегальных операций с соответствующими технологиями и материалами, которая охватывала своим влиянием «клиентов» на обширном пространстве от Ливии до Северной Кореи. Однако «геополитические императивы», т.е. статус Пакистана как «прифронтового союзника» США, резко снижали эффективность действий Америки в отношении нарушителей режима нераспространения.

Не отрешившись от представления о «союзничестве» как о некоей форме «ограниченного суверенитета», Соединенные Штаты стремятся развивать «стратегический диалог» с Индией [Ahmed, Panda, Singh 2012, pp. 123–124]. Переосмысление общего курса США в отношении «крупнейшей демократии мира», а также внутривнутриполитические перемены в этой стране стимулируют «смену вех» во внешнеполитическом мышлении правящего класса Америки.

Американцы ясно представляют себе, что быстроразвивающаяся индийская экономика (при явно ограниченном естественном энергетическом потенциале) остро нуждается в альтернативных, «неклассических» источниках энергии. Так, по прогнозам индийских экономистов и демографов, к 2030 г. в стране будет насчитываться никак не менее 60 городов-миллионеров, что делает форсированное развитие атомной энергетики стратегической задачей государства. США в отношениях с Индией исходят из того, что ядерные объекты в Индии, возведенные с помощью национальных технологий, нуждаются в качественном совершенствовании систем защиты, и развивают активную деятельность в области атомной энергетики.

Однако намечающееся американо-индийское сотрудничество в атомной энергетике уже стало (и продолжает оставаться) объектом направленной внутривнутриполитической критики в Индии. Критики «пластичного» подхода к этому сотрудничеству, в частности бывший премьер А.Б. Ваджапай (1924–2018 гг.), полагают «невозможным и нецелесообразным» разделение военного и гражданского сегментов атомной промышленности в Индии со всеми вытекающими последствиями, включая развитие национальной ядерной программы. «Принцип разделения», по их мнению, даст внешним силам воз-

возможность вмешиваться в деятельность атомной отрасли Индии, в частности под предлогом совершенствования систем защиты ядерных объектов. Далее, соглашения с США, по мысли скептиков, лишают Индию необходимой «гибкости» в определении размеров и качества «национального потенциала ядерного сдерживания» (в направлении КНР и Пакистана). Так, правительство во главе с А.Б. Ваджапи (Бхаратия Джаната Парти – БДП) (1998–2004 гг.) всячески противилось внешнему контролю над индийским ядерным потенциалом [Paranjpe 2013, pp. 105, 107]. К слову сказать, подобная позиция пользуется устойчивой поддержкой у основных социально-политических сил страны и у подавляющего большинства населения Индии.

Свою критическую лепту в оценку деятельности правительства ИНК на фронте ядерной кооперации с США внесли и вносят левые силы. В свое время политбюро КПИ (марксистской) выступило с заявлением, в котором открытие ядерных объектов гражданского назначения для проведения МАГАТЭ характеризуется как «одностороннее отступление от принятой страной ядерной политики без предварительного обсуждения в парламенте, правительстве и с партнерами по коалиции».

Политологи отмечают: важной причиной активизации американо-индийской кооперации в атомной отрасли является динамичный рост экономики «крупнейшей демократии мира», требующий серьезной энергетической поддержки. В настоящее время доля ядерной составляющей в общем энергобалансе Индии не превышает 3%, тогда как в 2050 г. она может составить 23–25%. Однако эксперты-скептики задаются вопросом: является ли заинтересованность в американских технологиях достаточным основанием для ради-

кальных сдвигов в ядерной стратегии Индии? Речь, понятно, идет о внешнем контроле над индийскими ядерными объектами и, как считают некоторые эксперты и политики, о возможности частичной утраты *политического* суверенитета страны.

«Скрытая повестка» американцев, пытающихся с помощью Индии если не предотвратить, то хотя бы замедлить энергичное совершенствование ядерного потенциала Китая, может иметь неожиданные для самих США последствия. Уже сейчас в Пакистане на высшем уровне обсуждается возможность еще более тесной кооперации с Китаем в качестве средства сдерживания «ядерных амбиций» Индии [Ahmed, Panda, Singh 2012, pp. 342–343]. Кооперация КНР и Пакистана в сфере атомной энергетики негражданского назначения, как утверждают западные эксперты, берет истоки в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Именно тогда начались визиты пакистанских специалистов-ядерщиков в Поднебесную, а 26 мая 1990 г. на китайском полигоне Лобнор (Lop Nur) было испытано пакистанское взрывное устройство, смоделированное по параметрам изделия СНІС-4, которое прежде использовалось в атомной отрасли КНР [Pakistani Nuclear Program 2018].

Проблематика ядерного нераспространения время от времени перемещается на первые полосы органов международной печати, и эта тенденция легко объяснима. Во-первых, выявилась неспособность ядерных держав убедить противников нераспространения, а также колеблющихся в том, что нынешний правовой режим способен эффективно обеспечивать их безопасность. Во-вторых, события на Балканах, в Ираке и Ливии (а возможно, и в Сирии) побудили многие страны повнимательнее «вчитаться» в аргументы противников нераспространения,

прежде всего Индии, полагающих нынешний порядок вещей «нелогичным» и «несправедливым», являющимся, по сути дела, частью неокOLONиалистской культуры управления миром.

В контексте новых тенденций в мировой политике некоторые эксперты высказывают мнение о неизбежном и скором наступлении «переходного периода» расширения клуба ядерных держав и о возможной стабилизации режима нераспространения на уровне 12–13 государств, обладателей оружия массового поражения. (В настоящее время, напомним, в «ядерном клубе» состоят девять членов – США, Россия, Великобритания, Франция, Китай, Индия, Израиль, Пакистан, КНДР.) Логика распространения оружия массового уничтожения можно представить как некую цепную реакцию, одновременно выступающую и в качестве системы причинно-следственных связей, подталкивавших некоторые государства к членству в «ядерном клубе». Так, для Советского Союза экзистенциальное значение имело лишение Соединенных Штатов «ядерной монополии». Китай догонял СССР. Индия не могла себе позволить отставания от Поднебесной в сфере ядерных технологий. Пакистану оружие массового уничтожения было жизненно необходимо, чтобы чувствовать себя спокойно по соседству с сверхкрупной Индией.

Задаваясь сакраментальным вопросом «а судьи кто?», некоторые специалисты обращают внимание на наличие «скрытой повестки» в подходе Соединенных Штатов к режиму нераспространения ядерного оружия. Так, американцы несут «косвенную ответственность» за ядерную программу Пакистана, поскольку США сознательно закрывали глаза на известные им факты, опасаясь потерять поддержку Пакистана в противодействии советским войскам в Афганистане в 80-е гг. про-

шлого века. Задолго до вывода советского воинского контингента из Афганистана, считают некоторые эксперты, Пакистан обрел способность производить ядерное оружие.

В этой связи нелишне вспомнить: у влияния США на поведение потенциальных членов «ядерного клуба» есть свои пределы; возможности Америки принудить эту страну, т.е. Пакистан, к «сотрудничеству» на своих условиях ограничены действием как минимум трех факторов.

1. Военные действия в Афганистане и Ираке, а также «арабские революции» первой половины 2011 г. вызвали мощную резонансную волну антиамериканизма по всему миру, включая, разумеется, исламскую ойкумену. Американский истеблишмент, похоже, осознает: меры, направленные против Пакистана, в частности с целью «защиты» ядерного потенциала этой страны от радикалов-исламистов, помимо чисто военных издержек, вызовут новый всплеск насилия против американцев по всему миру. К тому же чрезмерный алармизм Запада после событий 11 сентября 2001 г. относительно способности Пакистана контролировать свое ядерное оружие, как и предупреждали российские эксперты, не оправдал себя [Сотников 2011].

2. Военная акция против Ирака, как известно, вызвала даже у наиболее стойких союзников Америки сомнения относительно истинных мотивов поведения США и реальных целей, которые они преследовали (и преследуют).

3. Администрация США убедилась в том, что защита режима нераспространения ядерного оружия силами одной страны малоэффективна. Немалый урон делу нераспространения нанесли бомбардировочные акции против Югославии, а равно и совместный с Великобританией и Францией демонтаж режима М. Каддафи в Ливии.

Между тем сама логика процесса нераспространения и его конкретных формопроявлений, особенно в контексте нынешнего хаотического развития мира побуждает правящие круги многих стран, причем отнюдь не только государств-«изгоев», со всей серьезностью отнестись к оценке поведения США и их ближайших союзников, которые используют Договор о нераспространении ядерного оружия в своих геополитических интересах.

В Индии, например, считают, что существуют серьезные юридические ограничения, встроенные в Договор (ДНЯО), которые препятствуют этой стране, несмотря на «ядерное соглашение» с США, формально зафиксировать свой реальный ядерный статус. Согласно Договору, ядерным государством является страна, осуществившая испытания соответствующего устройства по состоянию на 1 января 1968 г. Таким образом, как полагают в Дели, Договор юридически создал «закрытый клуб» пяти ядерных держав – США (1945), России (1949), Великобритании (1952), Франции (1960) и Китая (1964) и тем самым подверг дискриминации неядерные государства, т.е. основную часть мирового сообщества. Такого рода дискриминация, по мнению влиятельных групп индийской политической элиты, осуществляется посредством «невыполнимого» международно-правового режима, поддерживаемого, в частности, проверками МАГАТЭ.

Ядерные программы Индии и Пакистана: логика, обоснование, параметры, перспективы

На начальном этапе своего развития, который покрывает период с 1944 по 1960 г., программа развития атомной энергии и энергетики имела ис-

ключительно мирную направленность. Джавахарлал Неру, первый премьер-министр страны (1947–1964), полагавший атомное оружие «символом зла», придавал важное значение промышленному использованию атомной энергии. (Дальнейшее развитие Индии подтвердило *стратегический* характер подобной оценки.) Тем не менее лидер Индии допускал при определенных обстоятельствах и иную направленность атомной энергетики. Хорошо известны его слова, сказанные еще в 1940-е гг.: «Само собой разумеется, если нас вынудят использовать [атомную энергетику] в иных целях, никакие благочестивые мысли не удержат нас от решительных действий» [Indian Nuclear Program 2018]. Изначально Индия последовательно выступала против подготовленного американцами «плана Баруха» (1946), который формально предлагал международный контроль над атомной энергетикой, а на самом деле, как полагали в Дели, преследовал цель запретить национальные исследовательские программы в данной области и в конечном счете производство атомной энергии.

Между тем развитие атомной энергетики в стране продолжалось, и в июле 1960 г. был запущен первый индийский атомный реактор (CIRUS), созданный при содействии Канады. Имея мирную направленность, CIRUS был способен производить обогащенный плутоний, который впоследствии использовался для проведения первого взрыва атомного устройства в 1974 г., имевшего, по представлениям индийских официальных лиц, мирный характер.

Напряжение в отношениях с Пакистаном, безусловно, способствовало развитию ядерной программы Индии военного направления. Однако это утверждение относится к более позднему периоду «ядерной истории». Перво толчком к созданию ядерного арсена-

ла Индии послужил пограничный конфликт с Китаем 1962 г.

Тяжелый урок этого конфликта стал своего рода водоразделом, «пробуждением от высокого идеализма и нормативных этических принципов» в политике, характерных для эпохи Дж. Неру.

Превращение Китая в ядерную державу в 1964 г. (испытания состоялись в октябре) логически обосновало и окончательно закрепило «ядерный выбор» Индии. Первоначально Индия добивалась помощи Америки в развитии национального атомного проекта. Однако в феврале 1965 г. стало ясно: Индия должна полагаться на собственные силы. Положение сторонников «ядерного выбора» осложнялось и позицией второго премьер-министра Индии, Лалы Бахадура Шастри, противившегося созданию ядерного оружия по этическим соображениям.

Однако 1966 г. принес кардинальные изменения в динамику «атомного проекта». В январе Л.Б. Шастри скоропостижно скончался в Ташкенте, где 10 января 1966 г. была подписана Ташкентская декларация по итогам встречи Л.Б. Шастри и президента Пакистана М. Айюб Хана при участии председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина. (Советский Союз был инициатором встречи, преследовавшей цель нормализовать отношения между Индией и Пакистаном после войны между двумя странами в 1965 г. На следующий день после подписания Декларации Л.Б. Шастри ушел из жизни после сердечного приступа.)

Преемником Л.Б. Шастри стала дочь Дж. Неру Индира Ганди (1917–1984), считавшаяся убежденной сторонницей «ядерного выбора» как безальтернативного курса в условиях *качественного* изменения региональной и глобальной ситуации после октября 1964 г. Таким образом, ядерная программа Ин-

дии получила «политическое ускорение».

События продолжали стремительно развиваться, и на их динамику все возрастающее влияние оказывало желание Индии стать *самостоятельной* силой не только в региональной, но и в мировой политике. Эксперты полагают: решение тестировать ядерное взрывное устройство было в значительной степени мотивировано желанием индийской элиты продемонстрировать свою независимость от Запада. Так, в 1968 г. Индия не подписала Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), попутно обвинив членов «ядерного клуба» в «атомном сговоре» (“atomic collusion”) и в отсутствии в тексте Договора *различения* ядерных взрывов на мирные и военные. В августе 1971 г. Индия вновь продемонстрировала свою независимую позицию, подписав с Советским Союзом Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, который определенно расширял свободу маневра для Дели в мировой политике. Договор с СССР незримо присутствовал на полях индо-пакистанских сражений конца 1971 г., которые в итоге привели к созданию в Южной Азии нового независимого государства – Народной Республики Бангладеш.

Как считают знатоки проблемы, Индира Ганди приняла стратегическое решение о ядерных испытаниях в сентябре 1972 г. Руководитель ядерной программы Индии профессор Раджа Раманна впоследствии так оценивал атмосферу, царившую в научном коллективе в те дни: «Для нас создание [ядерного устройства] было делом престижа и оправданием нашего великого прошлого. Проблема потенциала сдерживания возникла много позже. Как индийские ученые мы стремились убедить наших западных коллег, которые в то время были о нас невысокого мнения, что мы тоже способны сотворить

подобное изделие (т.е. ядерное взрывное устройство. – А.В., В.Ш.)» [Indian Nuclear Program 2018].

Первый, «экспериментальный» ядерный взрыв Индия произвела 18 мая 1974 г. на полигоне Покран, в 450 километрах на юго-запад от Дели. Сила взрыва тогда составила 12 килотонн (согласно другим данным, восемь килотонн). Якобы при передаче Индире Ганди информации о результативном испытании Р. Раманна прибеж к иносказанию: «Будда улыбается». Правительство Индии квалифицировало «улыбку Будды» как ядерный взрыв в мирных целях. Тем самым была подтверждена позиция Индии о необходимости дифференцировать по назначению такого рода испытания. Реакция Запада не заставила себя ждать: Канада прекратила сотрудничество с Индией в атомной энергетике, тогда как Соединенные Штаты ввели в отношении Индии соответствующие санкции. В свою очередь госсекретарь США Г. Киссинджер выразил мнение: отныне даже локальный конфликт может обернуться «ядерным апокалипсисом» [Indian Nuclear Program 2018].

В последующие 15 лет работы по совершенствованию ядерных «изделий» продолжались, однако в ограниченных масштабах. Впрочем, серьезное внимание в этот период уделялось развитию и совершенствованию средств доставки ядерных зарядов. Индийские авторы подчеркивают: стратегическое решение о масштабном развертывании потенциала ядерного сдерживания было принято не ранее 1988–1989 гг., как ответ на энергичные усилия Пакистана по разработке и созданию, не без помощи КНР, собственного ядерного оружия. Вместе с тем, как уже отмечалось, США не препятствовали правящим кругам Пакистана овладевать соответствующими технологиями по причинам геополитического характера.

Испытания Индией ядерных устройств в мае 1998 г. (общая сила взрыва достигала, по официальным данным, 45 килотонн) стали реализацией одного из ключевых положений предвыборного манифеста БДП, возглавившей правящую коалицию после парламентских выборов 1998 г., которые состоялись двумя месяцами ранее. (Спустя менее чем три недели свои первые ядерные испытания провел Пакистан). В Индии принято считать, что эти испытания создали условия для разговора на равных с членами «ядерного клуба» и подготовили новый формат участия Индии в режиме нераспространения [Debroy, Tellis, Trevor 2014, p. 298].

Спустя год, в апреле 1999 г., были проведены успешные испытания ракеты-носителя ядерного оружия «Агни-2», имеющей дальность полета до 2000 км. Прошло несколько лет, и в июле 2007 г. была, с положительным результатом, апробирована баллистическая ракета нового типа, «Агни-3», способная доставить ядерный боезаряд на расстояние до 5000 км. Помимо баллистических ракет, ядерные заряды могут доставляться до цели с помощью самолетов «Ягуар», «Мираж-2000Н», МиГ-27 и МиГ-29. Существуют также проекты диверсификации системы доставки ядерных боезарядов. Во-первых, планируется повысить выживаемость национального ядерного потенциала за счет форсированного развития Индией атомного подводного флота. На атомных субмаринах в будущем предлагается устанавливать ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. В перспективе подобное подводное судно может нести на себе до 12 ракет, причем каждое «изделие» будет способно содержать по восемь головных частей индивидуального наведения. Во-вторых, предполагается «модифицировать» существующие

ящую в стране систему железных дорог, приспособив ее для нужд постоянного перемещения боезарядов и их носителей. В-третьих, в специальных изданиях обсуждается – пока в теоретической форме – перспектива увеличения потенциала ядерного сдерживания до 200 боезарядов, с тем чтобы создать реальные риски 10–12 основным промышленным и политическим центрам Китая. (В настоящее время, по западным экспертным оценкам, Индия располагает 135 боезарядами, тогда как в распоряжении Пакистана подобных устройств 145) [Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance 2018].

Так или иначе, приходится признать: действия блока НАТО во главе с США против Югославии весной-летом 1999 г., а также аналогичные акции против Ливии весной-летом 2011 г. наглядно продемонстрировали внешнему миру жизнеспособность индийской логики неприсоединения к Договору. Более того, после указанных событий в мире окрепло убеждение: ядерное оружие является надежной гарантией против доктрины «ограниченного суверенитета» и реализующей ее политики «унилатерализма».

После продления в 1995 г. Договора (ДНЯО) на неопределенный срок правящие круги Индии не видят неотложной необходимости вносить в существующий документ поправок, отражающих новые тенденции в области нераспространения ядерного оружия. Общую позицию индийской элиты без обиняков сформулировал 6 октября 2004 г. (вскоре после избрания на пост руководителя правительства страны) на встрече с канцлером Германии Г. Шрёдером премьер-министр М. Сингх, подчеркнувший, что условия для присоединения его государства к Договору о нераспространении ядерного оружия «пока не созрели». (Впоследствии эта точка зрения неоднократно повто-

рялась высшими представителями индийского правящего класса.)

Уже сравнительно давно авторитетные военные эксперты и исследователи-политологи отмечают «хрупкость» режима нераспространения ядерного оружия. По-своему это противоречивое состояние отражается и в позиции Индии [Володин 2006, с. 4–7]. Поведенческую логику Индии в отношении нераспространения ядерного оружия схематично можно представить в следующем виде.

Индия последовательно придерживалась своей ядерной политики, которая, как полагают индийские военные аналитики, за это время была «разумной». Действительно, трудно оспорить центральный индийский тезис: нераспространение выступает как скрытая форма господства для одних и подчинения для других. Индия, как известно, входит в тройку стран мира наряду с Пакистаном и Израилем, отказавшихся подписывать ДНЯО по своим, сугубо конкретным геополитическим и стратегическим соображениям. Позиция Индии с 1968 г., как видно, не претерпела изменений. Так, отвечая на вопрос об отношении страны к Договору в нижней палате индийского парламента Лок Сабхе в августе 2010 г., бывший министр иностранных дел Индии С.М. Кришна в очередной раз повторил официальную позицию Нью-Дели по проблематике нераспространения, в частности подчеркнув: «Индия имеет давнюю и последовательную позицию в отношении ДНЯО, которая состоит в том, что Договор имеет дискриминационный характер. Позиция Индии остается неизменной. Несмотря на то что Индия не является участником ДНЯО, мы по-прежнему привержены глобальному, недискриминационному и поддающемуся проверке ядерному разоружению и полной ликвидации ядерно-

го оружия в определенные сроки» [Володин 2006].

Позицию Индии по отношению к Договору о нераспространении целесообразно рассматривать в современном контексте мировой политики. Выход Северной Кореи из Договора о нераспространении ядерного оружия в 2003 г. (руководство КНДР заявило, что совершает этот шаг в знак протеста против нарушения суверенитета страны), повлекший за собой жесткие санкционные последствия, а равно и аналогичные действия США против Ирана, кстати подписавшего ДНЯО, являются наиболее вопиющими примерами явного несовершенства договора, с самого начала имевшего цель увековечить мировой порядок после Второй мировой войны, когда пять государств-победителей – Советский Союз, Китай, Франция, Великобритания и США не только были постоянными членами Совета Безопасности ООН с полномочиями вето, но и фактически составили своеобразный, закрытый для участия других стран «ядерный клуб». Так мыслит внешнеполитический истеблишмент в Дели, и эту позицию поддерживает общественное мнение страны.

Воспользовавшись победой в войне с Пакистаном и созданием в Южной Азии нового государства Бангладеш в 1971 г., премьер-министр Индира Ганди приняла политическое решение о реализации проекта «Улыбающийся Будда», проверив первое ядерное устройство Индии в 1974 г. Основной аргумент премьер-министра заключался в том, что проведенные испытания были ядерным взрывом в мирных целях. Индира Ганди исходила из того, что «официальные» ядерные державы, в том числе СССР, провели ядерные взрывы в мирных целях. СССР, например, осуществил подобный взрыв для создания подземного хранилища газа в Туркменской ССР.

В Индии до сих пор бытует мнение, согласно которому четыре постоянных члена Совета Безопасности ООН и – «по совместительству» – действующие ядерные державы ожидали своего пятого коллегу – КНР, чтобы раз и навсегда закрыть клуб ядерных «имущих». Неслучайно один из индийских экспертов даже образно назвал сложившуюся ситуацию «ядерным апартеидом» [Singh 1998]. Правда, американские ученые показывают, что в США никогда не были в восторге от ядерной программы КНР, но не сумели ей воспрепятствовать [Burr, Richelson 2000]. Тем не менее можно *ретроспективно* предположить, что Индира Ганди рассчитывала, предпринимая такие действия, на приглашение Индии и в Совет Безопасности ООН, и в желанный «ядерный клуб». Впоследствии, уже после «улыбки Будды», премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапаи (1998–2004) воспроизвел гипотетические размышления Индиры Ганди в беседе с президентом США Б. Клинтонем [Indian Nuclear Program 2018].

Нынешняя реальность мировой политики, полагают в Дели, оправдывает позицию Индии в отношении ДНЯО. И вправду: проблемы отношения и Северной Кореи, и Ирана к режиму нераспространения ядерного оружия стали своеобразными заложниками *внутриполитической* стратегии и тактики 45-го президента США Дональда Трампа.

Важное напоминание: вопрос о подписании СССР/Россией Договора о нераспространении ядерного оружия никогда не был частью повестки двусторонних отношениях Москвы и Дели. Однако целесообразно напомнить, что по крайней мере однажды наши страны выступили против распространения ядерного оружия. Так, подписанная 27 ноября 1986 г. Индией и Советским Союзом Делийская декларация о принципах безъядерного и ненасильственного

мира стала выдающимся политическим документом «закатных» лет холодной войны. Подписав Делийскую декларацию, премьер-министр Индии Раджив Ганди и советский лидер Михаил Горбачев призвали к полному уничтожению ядерных арсеналов до конца XX в. и заявили о *безальтернативности* ненасилию при решении проблем человечества.

Призыв к построению гармоничного мира будущего не был услышан, и к концу второго десятилетия XXI в. глобальный порядок, некогда основанный на «взаимно гарантированном уничтожении», пребывает в состоянии разрастающегося хаоса. Так, возможный выход Соединенных Штатов из Договора по ракетам средней и меньшей дальности, несомненно, окажет дальнейшее негативное воздействие на сферу ядерной и неядерной безопасности региона Южной Азии.

Хорошо известно, что в распоряжении Индии, Пакистана и Китая находится определенное количество ракет данного класса. В настоящее время силовой «треугольник» Дели – Исламабад – Пекин имеет, с известными оговорками, *устойчивый* характер. Выход США из договора по РСМД почти автоматически подтолкнет Китай к наращиванию ракет средней и меньшей дальности, поскольку возникнет реальная перспектива размещения новых летательных аппаратов на Дальнем Востоке. В свою очередь Индия, реагируя на действия Китая, будет вынуждена увеличить производство ракет данного класса, что неизбежно и окончательно нарушит баланс стратегических сил в Южной Азии.

В среде индийских военных экспертов до сих пор бытует мнение: ядерная гонка в Южной Азии началась с того, что Китай стал обладателем оружия массового уничтожения с помощью советской техники и технологии для

противодействия американской угрозе. (Российские специалисты, историки-международники и военные, вносят уточнение: теоретически сотрудничество могло иметь место, однако затем последовал отказ советского руководства разделить «атомные секреты», что и стало истинной причиной последующего советско-китайского идеологического диспута; в данном случае разногласия по развитию международного коммунистического и рабочего движения имели явно *вторичный* по отношению к сфере «чувствительных» технологий характер.) Тем не менее с октября 1962 г. «угроза с севера» стала центральным фактором для индийской безопасности. В Индии вынуждены учитывать и «всепогодное союзничество» Исламабада и Пекина, что требует проведения стратегии «минимального надежного сдерживания».

Правительство Индии оперирует не только цифрами, но и прежде всего идеями и оценками. Спустя почти три года после испытаний ядерного оружия 1998 г., отвечая на вопрос об оборонной политике страны в Народной палате (Лок Сабхе), государственный министр иностранных дел У. Кришнама Раджу, в частности, сказал: сдерживающий фактор в политике Индии не предполагает фиксированную количественную оценку; это политический подход, продиктованный и определяемый контекстом динамики нашей среды безопасности.

Своими особенностями обладает подход пакистанского политического истеблишмента к нераспространению ядерного оружия. Так, бывшему президенту Первезу Мушарафу приписывают следующее высказывание: «Ядерное оружие только тогда имеет значение, когда оно находится в операционном состоянии и когда не определены цели и перспективы его развертывания». Некоторые специалисты вы-

сказывают предположение, что Пакистан в случае «необходимости» может увеличить свой потенциал до 200–220 боеголовок.

Столкновение неизбежно?

В связи с актуализацией проблем ядерного нераспространения в Южной Азии стоит напомнить: лишь отдельные аналитики на Западе связывают непрочность режима нераспространения с конъюнктурно-недалековидной деятельностью США и их ближайших союзников, включая, помимо «гуманитарных интервенций», участие компаний из развитых стран в формировании «серого рынка» ядерных материалов. Подобные материалы (loose nukes) могут оказаться в руках исламистов-радикалов, что представляет собой непосредственную угрозу режиму ядерного нераспространения. Далеко не всегда исламистов-радикалов в реальной жизни можно отделить от международных террористов. Южная Азия – наглядный пример подобного политического симбиоза, тогда как обе силы, как правило, выступают с позиций «ядерного национализма».

На сознательное, политически мотивированное использование правящими кругами Пакистана «ядерного национализма» как субститута социально-экономической модернизации страны нередко указывают индийские масс-медиа. Пакистанские журналисты, словно возражая подобной логике, утверждают, что налицо стремление Индии отвлечь международное сообщество от энергично развивающейся собственной ядерной программы. В Индии же провести четкую разграничительную линию между различными социально-политическими силами в их отношении к ядерному оружию практически невозможно:

при правительстве ИНК был осуществлен первый ядерный взрыв, тогда как лидеры БДП после испытаний 1998 г. сделали Индию де-факто ядерным государством.

Однако следует называть вещи своими именами. Запад во главе с США в свое время фактически провалил серьезные совместные усилия Бразилии и Турции по введению ядерной программы Ирана в режим нераспространения ядерного оружия. А в настоящее время ядерное соглашение с Ираном, в муках достигнутое в 2015 г., испытывается на прочность администрацией Д. Трампа. Оказались фактически проигнорированными и инициативы Индонезии и других стран по мирному урегулированию внутриливийского конфликта. Поэтому всякие действия США и их ближайших союзников на поприще ядерного нераспространения едва ли вызовут приток симпатий у «новых региональных лидеров», как и поддержку ими всевозможных «разоруженческих» инициатив, исходящих из Вашингтона.

Выражаясь философски, Индия и Пакистан представляют собой неразрывное диалектическое единство практически всех аспектов исторического, экономического, социокультурного и военно-политического бытия региона Южной Азии. Таким образом, ядерные программы обоих государств органически интегрированы в структуру двусторонних отношений, что оказывает мощное обратное влияние на общий алгоритм поведения двух главных акторов южноазиатского геополитического пространства. Более чем 40-летняя история взаимоотношений Индии и Пакистана (а также с самого начала незримо присутствующего в них Китая), связанная с обретением и развитием ядерного оружия, позволяет сформулировать некоторые заключения о перспективах нераспространения ОМУ в Южной Азии.

1. Южноазиатский регион оказался вовлеченным в гонку ядерных вооружений во многом под влиянием «демонстрационного эффекта», а именно: обретения Китаем ОМУ в 1964 г.

2. Логика и инерция дальнейшего развития событий, т.е. последовательного обретения ядерного оружия Индией и Пакистаном, оказались неподконтрольными влиянию как «ядерного клуба», так и международных политических институтов.

3. Авантюрно-безответственные действия Запада во главе с США в других регионах мира (Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия и т.д.) сделали практически бесперспективным процесс нераспространения ядерного оружия в Южной Азии.

«Ядерное противостояние» в Южной Азии едва ли закончится в обозримой исторической перспективе. Свою деструктивную роль продолжает играть и *историческая память*, «трепетно» хранящая воспоминания о разделе Индостана, о многочисленных «субконтинентальных» войнах и конфликтах, о потоках беженцев, часто вызывавших личные и общественные трагедии и катаклизмы. Определенную роль в электризации межгосударственных отношений играла и деятельность правящих элит, эффективно использовавших внешние конфликты для консолидации своих внутриполитических позиций. «Субъективный фактор» – важная часть исторического процесса и мировой политики. Невольно вспоминаются слова выдающегося востоковеда Р.Г. Ланды: «...история никогда не развивается по готовым формулам и не руководствуется наилучшими принципами. Она такова, каковы люди, ее делающие» [Ланда 2018, с. 77].

Однако мир необратимо меняется, а его внутренняя структура непрерывно усложняется, и мышление

«категориями геополитических игр» (С.В. Лавров) [Сергей Лавров 2018] грозит до основания разрушить все еще хрупкое здание международных отношений. Параметрические проблемы мира и регионов не решаются с помощью «ядерного противостояния». Повышение доверия между государствами – главное условие построения *системы коллективной безопасности*, действенно способной обеспечить гармоничное развитие чрезвычайно важного, и не только для России, региона Южной Азии.

Список литературы

Володин А. (2006) Свободная геометрия: новая парадигма мировой политики // Политический журнал. № 13(108). С. 4–7.

Ланда Р.Г. (2018) Нескончаем век минувший: Воспоминания. М.: Институт востоковедения РАН.

Сергей Лавров заверил Кабул в приверженности региона разрешению афганского конфликта (2018) // Afghanistan.ru. 9 ноября 2018 // <http://afghanistan.ru/doc/124664.html>, дата обращения 30.11.2018.

Сотников В.И. (2011) К вопросу о ядерной безопасности в Пакистане // Восточная аналитика. № 2. С. 206–210.

Ahmed A., Panda J.P., Singh P.K. (2012) Towards a New Asian Order, New Delhi: SHIPRA Publications.

Ahmed S. (1999) Pakistan's Nuclear Weapons Program: Turning Points and Nuclear Choices // International Security, no 4, pp. 178–204.

Burr W., Richelson J.T. (2000) Whether to “Strangle the Baby in the Cradle”: The United States and the Chinese Nuclear Program, 1960–64 // International Security, no 3, pp. 54–99.

Crouzet F., Clesse A. (eds.) (2003) Leading the World Economically, Amsterdam: Dutch University Press.

Debroy B., Tellis A.J., Trevor R. (eds.) (2014) *Getting India Back on Track. An Action Agenda for Reform*, Gurgaon: Random House.

Ganguly S. (1999) *India's Pathway to Pokhran II: The Prospects and Sources of New Delhi's Nuclear Weapons Program* // *International Security*, no 4, pp. 148–177.

Indian Nuclear Program (2018) // Atomic Heritage Foundation, August 23, 2018 // <https://www.atomicheritage.org/history/Indian-nuclear-program>, дата обращения 30.11.2018.

Karnad B. (2008) *India's Nuclear Policy*, Westport, Connecticut: Praeger Security International.

Kenny P.D. (2017) *Populism and Patronage. Why Populists Win Elections in India, Asia, and Beyond*, New Delhi: Oxford University Press.

Marwah O. (1981) *India and Pakistan: Nuclear Rivals in South Asia* // *International Organization*, no 1, pp. 165–179.

Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance (2018) // Arms Control Association, June 2018 // <https://www.armscontrol.org/factsheets/Nuclearweaponswho-haswhat>, дата обращения 30.11.2018.

Pakistani Nuclear Program (2018) // Atomic Heritage Foundation, August 23, 2018 // <https://www.atomicheritage.org/history/Pakistani-nuclear-program>, дата обращения 30.11.2018.

Paranjpe Sh. (2013) *India's Strategic Culture. The Making of National Security Policy*, New Delhi: Routledge.

Perkovich G. (1993) *A Nuclear Third Way in South Asia* // *Foreign Policy*, no 91, pp. 85–104.

Singh J. (1998) *Against Nuclear Apartheid* // *Foreign Affairs*, no 5, pp. 41–52.

Sokolski H. (ed.) (2009) *Pakistan's Nuclear Future: Reining in the Risk*, Carlisle, Pa.: Strategic Studies Institute.

Political Processes in the Changing World

The “Nuclear Confrontation” in South Asia

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Researcher, Section for Political and Culturological Analysis, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: andreivolodine@gmail.com

Vinay SHUKLA

Consulting Editor of Russia and Central Asia, monthly “India Strategic”.
E-mail: shuklamoscow@gmail.com

CITATION: Volodin A.G., Shukla V. (2018) The “Nuclear Confrontation” in South Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 40–55 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-40-55

ABSTRACT. *The article analyses the dynamics of development of nuclear rivalry between India and Pakistan. The authors identify two central factors in competition between India-Pakistan in the sphere of nuclear weapons. First, India-China border war in 1962 and PRC's accession to the “nuclear club” in 1964 which left India with no alternative to the “nuclear option”. Secondly, India – Pakistan armed conflicts of 1965 and 1971, which prompted the Pakistani ruling circles to develop own nuclear weapons. The article examines and evaluates main stages in the development of nuclear programmes of India and Pakistan and analyses their impact on the geopolitical situation in the region. The authors draw attention to invisible presence of the “Chinese factor” in their bilateral relations and influence of “all-weather friendship” of Pakistan and PRC on the political processes in South Asian region. Attention is drawn at the need for the creation of system of collective security in the Asian Continent.*

KEY WORDS: *India, Pakistan, Soviet Union, Russia, China, nuclear programmes of India and Pakistan, Indira Gandhi, Atal Be-*

hari Vajpayee, security in South Asia, 1962 border war, India-China relations, nuclear non-proliferation, NPT, nuclear potential of India, nuclear potential of Pakistan

References

- Ahmed A., Panda J.P., Singh P.K. (2012) *Towards a New Asian Order*, New Delhi: SHIPRA Publications.
- Ahmed S. (1999) Pakistan's Nuclear Weapons Program: Turning Points and Nuclear Choices. *International Security*, no 4, pp. 178–204.
- Burr W., Richelson J.T. (2000) Whether to “Strangle the Baby in the Cradle”: The United States and the Chinese Nuclear Program, 1960–64. *International Security*, No. 3, pp. 54–99.
- Crouzet F., Clesse A. (eds.) (2003) *Leading the World Economically*, Amsterdam: Dutch University Press.
- Debroy B., Tellis A.J., Trevor R. (eds.) (2014) *Getting India Back on Track. An Action Agenda for Reform*, Gurgaon: Random House.
- Ganguly S. (1999) *India's Pathway to Pokhran II: The Prospects and Sources of*

New Delhi's Nuclear Weapons Program. *International Security*, no 4, pp. 148–177.

Indian Nuclear Program (2018). *Atomic Heritage Foundation*, August 23, 2018. Available at: <https://www.atomicheritage.org/history/Indian-nuclear-program>, accessed 30.11.2018.

Karnad B. (2008) *India's Nuclear Policy*, Westport, Connecticut: Praeger Security International.

Kenny P.D. (2017) *Populism and Patronage. Why Populists Win Elections in India, Asia, and Beyond*, New Delhi: Oxford University Press.

Landa R.G. (2018) *Neskonchayem vek minuvschij: Vospominaniya* [Never-Ending Century Past: Memories], Moscow: Institute of Oriental Studies.

Marwah O. (1981) India and Pakistan: Nuclear Rivals in South Asia. *International Organization*, no 1, pp. 165–179.

Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance (2018). *Arms Control Association*, June 2018. Available at: <https://www.arm-scontrol.org/factsheets/Nuclearweapon-swhohaswhat>, accessed 30.11.2018.

Pakistani Nuclear Program (2018). *Atomic Heritage Foundation*, August 23, 2018. Available at: <https://www.atomicheritage.org/history/Pakistani-nuclear-program>, accessed 30.11.2018.

Paranjpe Sh. (2013) *India's Strategic Culture. The Making of National Security Policy*, New Delhi: Routledge.

Perkovich G. (1993) A Nuclear Third Way in South Asia. *Foreign Policy*, no 91, pp. 85–104.

Sergey Lavrov zaveril Kabul v priverzhennosti regiona razresheniyu afganskogo konflikta [Sergey Lavrov Assured Kabul of the Region's Commitment to Resolving the Afghan Conflict] (2018). *Afghanistan.ru*, November 9, 2018. Available at: Afghanistan.ru/doc/124664.html, accessed 30.11.2018.

Singh J. (1998) Against Nuclear Apartheid. *Foreign Affairs*, no 5, pp. 41–52.

Sokolski H. (ed.) (2009) *Pakistan's Nuclear Future: Reining in the Risk*, Carlisle, Pa.: Strategic Studies Institute.

Sotnikov V.I. (2011) K voprosu o yadernoj bezopasnosti v Pakistane [On the Issue of Nuclear Safety in Pakistan]. *Vostochnaya analitika*, no 2, pp. 206–210.

Volodin A. (2006) Svobodnaya geometriya: novaya paradigma mirovoj politiki [Free Geometry: a New Paradigm of World Politics]. *Politicheskij zhurnal*, no 13(108), pp. 4–7.

К вопросу о формировании антииранской стратегии Дональда Трампа

Александр Иванович ШУМИЛИН

доктор политических наук, главный научный сотрудник, Отдел европейской безопасности, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы РАН. Адрес: 125009, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3. E-mail: mideast@bk.ru

Инна Викторовна ШУМИЛИНА

кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт США и Канады РАН. Адрес: 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3. E-mail: mideast@bk.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Шумилин А.И., Шумилина И.В. (2018) К вопросу о формировании антииранской стратегии Дональда Трампа // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 56–67. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-56-67

АННОТАЦИЯ. На фоне сопряжения ряда кризисных ситуаций на Ближнем Востоке и в Персидском заливе (Сирия, Йемен, Иран) администрация Дональда Трампа выстраивает базовую стратегию своего подхода к обозначенным конфликтам и региону в целом. В ее центре – противостояние с Ираном, прежде всего – противодействие его ядерной программе. Подходы к другим конфликтам отныне соотносятся с логикой этой генеральной линии. В частности, это может означать, что происходящее в Сирии воспринимается в Вашингтоне в первую очередь в контексте намечающегося нарастания противоборства с Ираном, и только во вторую – в контексте собственно сирийского урегулирования.

Новая американская стратегия в отношении Ирана наталкивается на нескрываемое неприятие ее со стороны европейских партнеров Вашингтона, которые развернули кампанию по противодействию линии Дональда Трампа и сохранению достигнутых в 2015 году с Ираном международных договоренностей по ограничению его ядерной

программы в обмен на постепенное снятие с него санкций. В ответ на выход США из договоренностей с Ираном Евросоюз задействовал финансово-экономические инструменты с целью минимизации ущерба от американских санкций для европейских компаний («Блокирующий статут» и так называемый «Механизм особого назначения», призванный обеспечить финансовые расчеты с Тегераном). Вряд ли, однако, это противодействие европейцев Соединенным Штатам окажется эффективным, так как ставка Вашингтона на антииранскую стратегию позволяет команде Трампа достичь многих из заявленных им целей на Ближнем Востоке: мобилизовать суннитское сообщество, сблизить его с Израилем и в конечном счете восстановить военностратегическое доминирование в зоне Персидского залива (контроль маршрутов нефтеперевозок).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иран, ядерная программа, Сирия, СВПД, США, Дональд Трамп, Персидский залив, Ближний Восток

Толчок к развернувшимся на обоих берегах Евро-Атлантики экспертным дискуссиям по вопросам выработки целостного стратегического подхода к охватываемому кризисами региону Ближнего Востока был дан заявлением президента Дональда Трампа от 8 мая 2018 г. о выходе США из договоренности мирового сообщества с Ираном по мерам ограничения ядерной программы Исламской республики (СВПД – Совместный Всеобъемлющий План Действий, подписанный в 2015 г.). На тот момент, заметим, данный шаг главы Белого дома во многом воспринимался в США и Европе не столько как принципиальное решение стратегического характера, сколько как выполнение им предвыборных обещаний – «разобраться с плохой и вредной сделкой с Ираном», а потому он спровоцировал открытое противостояние по этому вопросу даже с европейскими союзниками.

Сирия как поле боя США с Ираном

Дело в том, что в Вашингтоне не только команда Трампа, но и большая часть законодателей в Конгрессе пришли к выводу, что в своем нынешнем виде СВПД невыгоден его западным подписантам, а потому все отчетливее представляется ошибкой. Главные аргументы американской стороны сводятся к тому, что это соглашение предоставляет Тегерану благоприятные условия для восстановления его экономики, но при этом никак не ограничивает то, что за океаном воспринимают как реально исходящую от Ирана угрозу – политику экспансионизма в ближневосточном регионе, а также поддержку террористических группировок (Хизбалла в Ливане, шиитские милиции в Ираке, Ливане, Сирии, хуситские подразделения в Йемене и т.д.).

При этом в Вашингтоне усиливались голоса тех экспертов и аналитических центров, которые считали, что за последние годы качественно изменились основные параметры военно-стратегического положения Ирана: из страны, «окруженной» враждебно настроенными государствами, он превратился в страну, «окружающую» своих противников (они же главные партнеры и союзники США в регионе), в частности Саудовскую Аравию, другие арабские монархии Персидского залива, Иорданию и Израиль [Eisenstadt 2018]. К тому же, в политических кругах США, как и в Израиле и арабских монархиях, сохраняется устойчивое убеждение, что Иран попросту обманывает мировое сообщество, продолжая проводить в условиях полной секретности работы по ядерному проекту [Henderson 2018]. А финансируются последние главным образом, мол, поступлениями из размораживаемых иранских авуаров на Западе.

Отчетливые наброски проекта ближневосточной стратегии Дональда Трампа, выстраиваемой на «гвоздевой» идее противостояния США и их союзников Ирану, проявились в речи американского президента от 13 октября 2017 г. Глава Белого дома заявил, что отныне «американская политика базируется на ясно сознаваемой оценке иранской диктатуры, поддержки ею терроризма и продолжающейся агрессии на Ближнем Востоке и в мире в целом» [Remarks by President Trump on Iran Strategy 2017].

Более того, в политических кругах США, как и в Израиле и арабских монархиях Персидского залива, сохраняется устойчивое убеждение, что Иран попросту обманывает мировое сообщество, проводя в условиях полной секретности работы по ядерному проекту. А финансируются последние главным образом, мол, поступлениями из

размораживаемых иранских авуаров на Западе.

С американскими оценками, между тем, не склонны соглашаться не только страны Евросоюза, но и такая авторитетная структура, как Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). В отчете этой организации от 30 августа 2018 г. подчеркивается, что, несмотря на усиливающееся давление со стороны США, покинувших СВПД, Иран продолжает соблюдать условия ядерной сделки [Verification and Monitoring 2018]. Указывается, в частности, что в сфере обогащения урана Тегеран все еще далек от исчерпания установленного договором лимита в 300 килограммов. Замороженным остается строительство реактора на тяжелой воде в городе Арак, который в состоянии производить оружейный плутоний. Да и допуск инспекторов МАГАТЭ на иранские объекты был тщательно отрегулирован [Verification and Monitoring 2018].

Сразу за объявлением Трампа о выходе из СВПД последовали «мозговые штурмы» ведущих аналитических центров с целью попытаться гармонизировать действия Трампа с подходами Вашингтона к другим кризисам в регионе, прежде всего, с сирийским. В результате, таким образом, к августу 2018 г. появились первые признаки формирования ближневосточной стратегии администрации – уже с учетом наработок аналитических центров. Тогда же был назначен и спецпредставитель Госдепа по сирийскому урегулированию Джеймс Джеффри. Похоже, что именно при его активном участии произошло подытоживание аналитических наработок и оформление того, что в американской прессе стало называться «обновленной стратегией США в Сирии».

В отношении противостояния с Ираном комплексной стратегии на тот момент прописано и оформлено еще не

было, поскольку с каждым днем летом-осенью 2018 г. этот вопрос становился все более чувствительным: лидеры США и Ирана вступили в стадию прямых словесных баталий, когда практически ни одно враждебное высказывание в адрес оппонента не оставалось без жесткого ответа. Сирия же представляла собой к осени 2018 г. одновременно поле боевых действий и поле поиска решений и договоренностей с участием (пусть и разноплановым) всех вовлеченных внешних акторов (Россия, США, Иран, Турция, Израиль, Евросоюз). Словом, администрации Трампа требовалось концептуальное обоснование ее позиции. В этих условиях из «чисто сирийского» (при Бараке Обаме и «раннем» Дональде Трампе, еще в апреле 2018 г. заявлявшем о намерении в течение полугода вывести американские подразделения из Сирии после разгрома ИГИЛ) подход Вашингтона к сирийской проблеме стал уже де-факто неотделим от обострявшейся с каждым днем проблемы Ирана. В свете этого справедливо назвать «обновленную стратегию по Сирии» *ираноцентричной* («Проблема Ирана важнее проблемы Сирии»).

Именно Сирия в конечном счете была определена в Вашингтоне как поле потенциального (в значительной степени опосредованного) противостояния США и их союзников с Ираном, что формально исключало опцию прямого столкновения Америки и Исламской республики. Между тем в первые недели после заявления Трампа о выходе из СВПД такая опция активно рассматривалась в американской прессе. В конце июля президент Ирана Хасан Роухани подогрел этот сюжет своим предупреждением в адрес Вашингтона, сказав следующее: «Мир с Ираном означает “Мать мира во всем мире”, а война с Ираном станет “Матерью всех войн”». И предложил Трампу в ви-

тиеватом восточном стиле «не играть с хвостом льва, ибо это очень опасно»¹. 45-й президент США ответил иранскому визави в весьма резкой форме постом в Twitter: «Никогда, никогда не угрожайте Соединенным Штатам, иначе вы испытаете такие последствия, которые мало кто испытывал на протяжении истории. Мы уже не та страна, которая будет впредь терпеть ваши безумные речи, проповедующие насилие и смерть. Будьте осторожны!»²

Вот как Джеймс Джеффри в беседе с корреспондентом газеты *The Washington Post* описал новые элементы американского подхода к сирийско-иранской проблеме: «Новая политика по Сирии сводится к тому, что мы уже не выводим свои подразделения из этой страны до конца текущего года... Американские военные останутся там, пока Сирию не покинут иранские подразделения и будет нанесено окончательное поражение Исламскому государству... Это означает, что мы не торопимся: президент санкционировал более активный подход к проблеме»³. Автор цитируемой статьи в издании *The Washington Post* Карин ДеЯнг ссылается на опрошенных ею сотрудников аппарата Белого дома, согласно которым новую линию поведения в сирийском конфликте Дональд Трамп одобрил после того, как российская сторона, мол, подтвердила свои «неспособность и нежелание» убедить Иран вывести его военные формирования из Сирии⁴. Эта линия отныне предпола-

гает также возвращение такой базовой установки Вашингтона времен президентства Барака Обамы, как требование ухода Башара Асада с поста президента в результате политического транзита⁵. По-видимому, это «новшество» в позиции администрации Трампа во многом объясняется и нарочитым сближением Дамаска с Тегераном, выразившимся, в частности, подписанием 26 августа 2018 г. долгосрочного соглашения в области обороны, в соответствии с которым Иран взял на себя обязательства по восстановлению и развитию всей военной сферы в Сирии, что трактуется на Западе как подведение юридической базы для «увечивания военного присутствия Ирана в Сирии» [*Majidiyar* 2018]. Это не должно удивлять, поскольку затраты Тегерана на асатовскую Сирию – в финансово-материальном выражении, не говоря уже о числе жертв среди иранцев – чрезвычайно впечатляют: по расчетам составителей доклада Госдепа США от мая 2018 г., за последние шесть лет (с начала гражданской войны в Сирии) Тегеран потратил на поддержку режима Башара Асада 16 млрд долл., из которых якобы 4,6 млрд долл. (с 2012 по 2017 гг.) направлены непосредственно на помощь сирийской армии; за тот же период ливанская Хизбалла ежегодно получала от иранцев помощь в объеме 700 млн долл., почти 100 млн долл. получали радикальные палестинские ХАМАС и «Исламский джихад» [*Outlaw Regime* 2018].

1 Iran's Rouhani Warns Trump about 'Mother of All Wars' (2018) // Reuters, July 22, 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-usa-rouhani/irans-rouhani-warns-trump-about-mother-of-all-wars-idUSKBN1KC07Z>, дата обращения 30.11.2018.

2 Trump D.J. (2018) To Iranian President Rouhani: NEVER, EVER THREATEN THE UNITED STATES AGAIN // Twitter, July 22, 2018 // <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1021234525626609666>, дата обращения 30.11.2018.

3 DeYoung K. (2018) Trump Agrees to an Indefinite Military Effort and New Diplomatic Push in Syria, U.S. Officials Say // *The Washington Post*, September 6, 2018 // https://www.washingtonpost.com/world/national-security/in-a-shift-trump-approves-an-indefinite-military-and-diplomatic-effort-in-syria-us-officials-say/2018/09/06/0351ab54-b20f-11e8-9a6a-565d92a3585d_story.html?noredirect=on&utm_term=.3c7a66ffa24, дата обращения 30.11.2018.

4 Там же.

5 Там же.

Истоки и нынешнее состояние антииранской стратегии США

При анализе причин и факторов возрастающего уровня враждебности между США и Ираном может сложиться впечатление, что речь идет о факторах, не связанных с прямым противостоянием этих двух стран, а опосредованных (косвенных). Действительно, казалось бы, от Ирана не исходит и не может исходить прямой угрозы Соединенным Штатам в силу географической отдаленности и несопоставимости военной мощи двух государств. Преобладающие же в США антииранские настроения чаще всего объясняют причинами из относительно недавней истории: антиамериканской направленностью исламской революции 1979 г., рядом последовавших за ней (вытекавших из нее) трагических инцидентов (например, захватом американского посольства с ноября 1979 по январь 1981 гг., позицией США в поддержку режима Саддама Хусейна в ходе войны между Ираном и Ираком в 1980–1988 гг. и т.д.). Главную же причину нынешнего противостояния большинство аналитиков склонны объяснять обострившимися отношениями Ирана не столько с самими США, сколько с американскими союзниками и партнерами в регионе Ближнего Востока и Персидского залива (в частности, с Израилем и арабскими монархиями). Все это, безусловно, присутствует и не должно недооцениваться.

В 1980-е гг. задача прежде всего защиты арабских партнеров и Израиля от реальной или гипотетической иранской угрозы была положена в основу концепции «сдерживания Ирана». В 1990-е гг. эта концепция была распространена Белым домом на Ирак, который хоть и потерпел поражение в войне против международной коалиции «Буря в пустыне» (1991), но сохранял по-

тенциал угрозы своим арабским соседям. Обновленная концепция получила название «Двойное сдерживание». Ею руководствовалась в своем подходе к странам Персидского залива администрация демократа Билла Клинтона (1992–2000). Речь шла прежде всего о защите арабских монархий и Израиля от «иранского экстремизма» и одновременно от угроз, исходивших для них от режима Саддама Хусейна в Ираке.

Теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне еще больше усилили негативное восприятие большинством граждан США режимов в Иране и Ираке. Одним из главных следствий этой трагедии стало распространение среди простых американцев психологического эффекта «приближения ближневосточного терроризма к Америке», эффекта нависания этой угрозы над рядовыми гражданами США. Отсюда, как показывали опросы, и мощная поддержка свержения в марте 2001 г. командой Джорджа Буша-младшего режима Саддама Хусейна, подозревавшегося в создании и хранении оружия массового поражения и в поддержке террористических группировок. Отсюда и восприятие предполагаемой ядерной программы Ирана как прямой угрозы не только региональным союзникам Вашингтона, но и самим Соединенным Штатам. Кстати, также вкупе с подозрениями и обвинениями иранских властей в поддержке террористических группировок, включая «Аль-Каиду».

Одновременно по мере вовлечения США в события в Ираке, а затем и в Сирии, среди американцев все отчетливее формировалось восприятие потенциальной иранской угрозы уже как непосредственно (минуя американских союзников на Ближнем Востоке) направленной против Америки и ее граждан. Это восприятие четко фиксируют опросы общественного мне-

ния в США: так, проведенные разными социологическими центрами в период с мая по октябрь 2018 г. исследования показали, что как к «недружественной» и «враждебной» стране, а также как к источнику «серьезной угрозы» к Ирану стабильно относятся от 70 до 80% (самый низкий и самый высокий показатели)⁶.

Этот антииранский настрой аккумуляровался и нарастал среди американцев на фоне происходившего в таких конфликтных точках, как Сирия, Ирак, Йемен. Вот как процесс усиления Ирана в регионе описал известный израильский аналитик Эфраим Инбар: «Реализация революционного эксперимента Ираном была во многом облегчена политикой Буша-младшего, затем Обамы и, наконец, Трампа. Военная интервенция разрушила Ирак (режим Хусейна. – АИШ), жесткого оппонента Ирана, подорвав баланс сил в регионе (в пользу Ирана. – АИШ). Последовавшая за этим демонстрация Обамой слабости была продолжена вызывающим вопросом стремлением Трампа обеспечивать безопасность в регионе. Арабосуннитские государства до сих пор испытывают страх от ядерной программы Ирана, а также от успехов иранских союзников в регионе (Хизбаллы, шиитских милиций в ряде арабских стран. – АИШ). Они (арабы. – АИШ) слабы. Саудовская Аравия не смогла сдерживать наращивания влияния Ирана в Сирии и Ираке» [Inbar 2018].

В этих условиях арабские монархии и Израиль с надеждой смотрят на Вашингтон, полагая, что в отличие от своего предшественника Обамы Трамп сдержит собственные обещания по защите союзников перед лицом иран-

ской угрозы – прямой или гибридной (через иранских прокси). Эту надежду ближневосточных партнеров США разделяют и большинство американцев, но с одной поправкой – без крайней необходимости не допускать вовлечения Америки в боевые действия в конфликтных точках региона: ракетные удары по объектам Асада и Ирана в Сирии одобряются большинством, но только не «сапоги на сирийской земле». Исследования фиксируют существование преобладание таких настроений на массовом уровне и их отражение в политическом классе независимо от партийной принадлежности: опубликованный в начале января 2018 г. опрос компании J. Wallin Opinion Research показал, что против втягивания в наземные операции, но за применение ограниченных военных мер высказываются 78% демократов, 64,5% республиканцев и 68,8% независимых политических активистов. При этом 86,4% опрошенных считают, что в качестве «последнего аргумента» может и должна использоваться сила [Garden 2018]. Показательно также, что число тех, кто полагает, что столкновение с Ираном станет неизбежным, практически сравнялось с носителями противоположной точки зрения. В июле 2018 г. компания Rasmussen Reports зафиксировала в пределах 37% поддерживающих военную операцию против Ирана, а противников – порядка 38%⁷. При этом в сентябре 2018 г. 50% опрошенных той же компанией сочли, что принимаемые администрацией Трампа меры по принуждению Ирана к переговорам для «улучшения ядерной сделки» (а не полного отказа от нее) могут оказаться продуктивными. 40% опрошен-

6 Poll: Iran – What Is Your Overall Opinion of Iran? (2018) // Gallup // <http://www.pollingreport.com/iran.htm>; <https://news.gallup.com/poll/116236/iran.aspx>, дата обращения 30.11.2018.

7 37% Call for U.S. Military Action against Iran (2018) // Rasmussen Reports, July 27, 2018 // http://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/current_events/iran/37_call_for_u_s_military_action_against_iran, дата обращения 30.11.2018.

ных считают эти шаги президента бесполезными⁸.

Утверждая, что политика Ирана противоречит интересам США в регионе, ряд аналитических центров и правительство Дональда Трампа прибегают к следующим формулировкам понятия «интересы США в зоне Персидского залива»: речь прежде всего идет о необходимости для США «противодействовать распространению оружия массового поражения и терроризма; защищать от угрозы терроризма население и территорию Соединенных Штатов; поддерживать союзников в регионе; обеспечивать гарантии свободы навигации в Персидском заливе и поступления оттуда углеводородов на мировые рынки» [Seeking Sustainability at Sustainable Cost 2017].

Проводя линию на сдерживание Ирана в Персидском заливе посредством демонстрации мощи Пятого флота США (базирующегося на Бахрейне) и авиабазы «Эль-Удейд» на территории Катара, Пентагон приступил к наращиванию потенциала противостояния Ирану в Сирии. «Слишком глубокое проникновение» Ирана в Сирию американские стратеги начинают воспринимать как угрозу их региональным союзникам – ведь Сирия со всех сторон граничит с партнерами Америки: Ираком, Иорданией, Турцией, Израилем [Seeking Sustainability at Sustainable Cost 2017].

Примечательно, что весьма авторитетная команда Центра двухпартийной политики (ЦДП), призванная разрабатывать проекты (основные линии) стратегических концепций США вне зависимости от внутривнутриполитических пристрастий (ЦДП состоит из видных экспер-

тов, сочувствующих обеим партиям – Демократической и Республиканской), предлагает реализовывать следующие три стратегические модели противоборства с Ираном на территории Сирии.

1. **Откат (rollback)**: оказывать нарастающее давление на силы Асада и Ирана (включая в случае необходимости и применение военной силы) с тем, чтобы *принудить их отойти от границ* с Турцией, Израилем и Иорданией; эта опция предполагает и оказание поддержки властям иракского Курдистана, а также иракским суннитам и настроенным против Ирана иракским шиитами в противостоянии влиянию Ирана, которое сказывается и на уровне государственных структур в Багдаде.

2. **Сдерживание (containment)**: задача этой модели – *удерживать завоевания и приобретения (международной коалиции) на востоке Сирии*, использовать этот плацдарм для обозначения красных линий Тегерану и Дамаску в их попытках атаковать американских союзников и партнеров. В применении к Ираку эта опция предполагает наращивание поддержки действующему правительству Абади с тем, чтобы поощрить его дистанцирование от Тегерана.

3. Третью модель авторы доклада называют **Modus Vivendi**, или «напряженное сосуществование»: она предполагает использование фактора силового воздействия на Тегеран с тем, чтобы принудить его, а вместе с ним Дамаск и Москву, к политическим компромиссам по всему фронту – прежде всего с суннитскими монархиями. Речь идет о поиске баланса сил и соответствия стратегических установок такому балансу, который был бы в состоянии обеспечить сосуществование шиит-

8 Half Think New Iran Sanctions Will Be Effective in Renegotiating Nuclear Deal (2018) // Rasmussen Reports, August 9, 2018 // http://www.rasmussenreports.com/public_content/politics/current_events/iran/half_think_new_iran_sanctions_will_be_effective_in_renegotiating_nuclear_deal, дата обращения 30.11.2018.

ского Ирана с суннитскими монархиями [U.S. Policy toward Iran 2018]. При этом авторы доклада подчеркивают, что третья опция (принуждение к политическому решению) вряд ли может быть самостоятельной: ее рекомендуют использовать как приложение к одной из первых двух [U.S. Policy toward Iran 2018]. Главная же рекомендация авторов данного доклада – Пентагон должен сохранить присутствие американских подразделений на северо-востоке Сирии и в соседних с ней государствах – практически дословно повторяется и в докладах других ведущих в США «мозговых центров»⁹.

Заметим, что объявленная спецпредставителем Госдепа по Сирии Джеймсом Джеффри «обновленная стратегия США в Сирии» в целом совпадает с рекомендациями ведущих в США «мозговых центров». Эту линию на приоритет задачи «выдавливания» Ирана из Сирии подтвердил и глава Госдепа Майк Помпео в ходе своего выступления 10 октября 2018 г. в Еврейском институте Национальной безопасности США. По его словам, «американские войска находятся в Сирии, в том числе, чтобы сдерживать Иран». И добавил: «Если Сирия не обеспечит полный вывод поддерживаемых Ираном сил, она не получит от США ни одного доллара на реконструкцию» [Pompeo 2018].

О значимости для Вашингтона выстроенной стратегии «выдавливания Ирана» из Сирии и других арабских стран говорит и попытка президента Трампа всячески минимизировать прозвучавшее на весь мир преступление – убийство оппозиционного саудовского журналиста Джамала Хашогги в консульстве КСА в Стамбуле 2 октября 2018 г. И хотя это преступление осно-

вательно подорвало имидж саудовских властей на Западе, в частности наследного принца Мухаммеда бен Салмана как главного партнера Вашингтона в арабо-суннитском сегменте Ближнего Востока, администрация Трампа предприняла экстренные усилия с целью не допустить «зеркального эффекта» в виде некоторого улучшения имиджа Ирана: в начале октября Белый дом выпустил доклад, призванный продемонстрировать эволюцию антитеррористической стратегии США, в котором Иран называется «государством – главным спонсором терроризма» [National Strategy for Counterterrorism 2018]. Близкие к администрации «мозговые центры» также заметно активизировали усилия по обличению причастности Тегерана к преследованию оппонентов и оппозиционеров из числа иранских граждан за рубежом [Khalaji 2018].

***

Объявленный Дональдом Трампом выход США из международных договоренностей по регулированию иранской ядерной программы (СВПД) фактически стал сигналом начала разработки новой стратегии Вашингтона на Ближнем Востоке. В центре этой стратегии – задача противодействия Тегерану в военно-политической сфере, которую администрация Трампа намерена решить посредством восстановления санкций. Тем самым, рассчитывают в Вашингтоне, Иран будет лишен финансовых ресурсов, которые могут быть направлены на развитие ядерной и ракетной программ Исламской республики, а также будут сокращены возможности оказания властями Ирана поддержки радикальным движениям в регионе и для проведения там в целом экспансионистской политики. Дру-

9 См. также [Alaaldin, Fritz, Heydemann, Jones, O'Hanlon 2018].

гой важнейший аспект ближневосточной (главным образом – антииранской) стратегии Трампа – достижение сокращения иранского присутствия в Сирии, постепенное «выдавливание Ирана из Сирии» – в том числе и с применением военной силы в случае необходимости. Тем самым де-факто Сирия может стать полем противоборства США и их союзников с Ираном. Это противоборство коалиции западных и арабских государств с Исламской республикой становится главной линией напряжения нынешней стадии кризиса в самой Сирии и вокруг нее.

Список литературы

- Alaaldin R., Fritz J., Heydemann S., Jones B., O'Hanlon M. (2018) A 10-degree Shift in Syria Strategy // The Brookings Institution, September 2018 // <https://www.brookings.edu/research/a-10-degree-shift-in-syria-strategy/>, дата обращения 30.11.2018.
- Eisenstadt M. (2018) Regional Pushback, Nuclear Rollback: A Comprehensive Strategy for an Iran in Turmoil // The Washington Institute for Near East Policy, January 2018 // <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/regional-pushback-nuclear-rollback-a-comprehensive-strategy-for-an-iran-in>, дата обращения 30.11.2018.
- Garden J. (2018) A New Poll Shows the Public Is Overwhelmingly Opposed to Endless US Military Interventions // The Nation, January 9, 2018 // <https://www.thenation.com/article/new-poll-shows-public-overwhelmingly-opposed-to-endless-us-military-interventions/>, дата обращения 30.11.2018.
- Henderson S. (2018) The Details Reveal the True Danger of Iran's Secret Nuclear Program // The Hill, May 1, 2018 // [https://thehill.com/opinion/national-security/385591-the-de-](https://thehill.com/opinion/national-security/385591-the-details-reveal-the-true-danger-of-irans-secret-nuclear-program)
- [tails-reveal-the-true-danger-of-irans-secret-nuclear-program](https://thehill.com/opinion/national-security/385591-the-details-reveal-the-true-danger-of-irans-secret-nuclear-program), дата обращения 30.11.2018.
- Inbar E. (2018) Israel's War with Iran Is Inevitable // The Jerusalem Post, October 4, 2018 // <https://www.jpost.com/Opinion/Israels-war-with-Iran-is-inevitable-568698>, дата обращения 30.11.2018.
- Khalaji M. (2018) Iran Intensifying Its Crackdown on Citizens Abroad // The Washington Institute for Near East Policy, November 2, 2018 // <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iran-intensifying-its-crackdown-on-citizens-abroad>, дата обращения 30.11.2018.
- Majidiyar A. (2018) New Defense Pact Cements Iran's Military Presence in Syria, Empowers "Axis of Resistance" // Middle East Institute, August 30, 2018 // <http://education.mei.edu/content/io/new-defense-pact-cements-iran-s-military-presence-syria-empowers-axis-resistance>, дата обращения 30.11.2018.
- National Strategy for Counterterrorism of the United States of America (2018) // The White House, October 2018 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/10/NSCT.pdf>, дата обращения 30.11.2018.
- Outlaw Regime: A Chronicle of Iran's Destructive Activities (2018) // U.S. Department of State. Iran Action Group // <https://www.state.gov/documents/organization/286410.pdf>, дата обращения 30.11.2018.
- Pompeo M.R. (2018) Remarks at the 36th Annual Jewish Institute for National Security of America Awards Dinner // U.S. Department of State, October 10, 2018 // <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/10/286559.htm>, дата обращения 30.11.2018.
- Remarks by President Trump on Iran Strategy (2017) // The White House, October 13, 2017 // <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy/>, дата обращения 30.11.2018.

Seeking Sustainability at Sustainable Cost: Principles for a New U.S. Strategy in the Middle East. Report of the Task Force on Managing Disorder in the Middle East (2017) // Bipartisan Policy Center, April 2017 // <https://bipartisanpolicy.org/wp-content/uploads/2017/04/Seeking-Stability-at-Sustainable-Cost.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

U.S. Policy toward Iran: Strategic Options. Report of the Task Force on Managing Disorder in the Middle East (2018)

// Bipartisan Policy Center, May 2018 // <https://bipartisanpolicy.org/wp-content/uploads/2018/05/BPC-National-Security-Strategic-Options-on-Iran.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

Verification and Monitoring in the Islamic Republic of Iran in Light of United Nations Security Council Resolution 2231 (2015) (2018) // IAEA, August 30, 2018 // <https://www.iaea.org/sites/default/files/18/09/gov2018-33.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

Donald Trump's anti-Iranian Strategy

Aleksandr I. SHUMILIN

DSc in Politics, Chief Researcher, Department of European Security, The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya St., 125009, Moscow, Russian Federation. E-mail: mideast@bk.ru

Inna V. SHUMILINA

PhD in Politics, Senior Researcher, Institute for US and Canadian Studies. Address: 2/3, Khlebnyy Lane, Moscow, 121069, Russian Federation. E-mail: mideast@bk.ru

CITATION: Shumilin A.I., Shumilina I.V. (2018) Donald Trump's anti-Iranian Strategy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 56–67 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-56-67

ABSTRACT. *Against the background of the coupling of a number of crisis in the Middle East and the Persian Gulf (Syria, Yemen, Iran) the Donald Trump administration is elaborating its basic strategy toward those conflicts and toward the region as a whole. The centerpiece of the strategy is the task to counter Iran, foremost its nuclear program. From now on the American approaches to other regional crises are determined by this Anti-Iranian logic. It might mean in particular that the developments in Syria are being perceived in Washington primarily in context of the growing US confrontation with Iran. And only in the second turn – in context of seeking solution in Syria and for Syria itself.*

The New American strategy toward Iran came across open misunderstanding on the side of the Washington's partners in Europe who launched a campaign with the aim to resist the Trump's line as well as to keep on the world community's deal with Iran concluded in the year 2015 (JCPOA) which bears on restricting the size of the Iranian nuclear program versus gradual lifting of international sanctions from Iran. With intent to minimize the damage from Trump's withdrawal from the deal for the European companies in Iran the EU applied two defensive tools in the financial domain – The Blocking Statute and The Special Purpose Vehicle pertaining to secure the financial transactions with Teh-

ran. Such a clear EU's withstanding with the USA can hardly prove effective taking into account that the Washington's stake on countering Iran seems to let Trump's team to achieve many of the declared objectives in the Middle East. Among them – to mobilize the Sunni community in the region, to make it get closer to Israel and finally to reestablish the military dominance in the Persian Gulf with ability to control the oil export's roots there.

KEY WORDS: Iran, JCPOA, nuclear program, Syria, Donald Trump, strategy, Middle East, Persian Gulf

References

- Alaaldin R., Fritz J., Heydemann S., Jones B., O'Hanlon M. (2018) A 10-degree Shift in Syria Strategy. *The Brookings Institution*, September 2018. Available at: <https://www.brookings.edu/research/a-10-degree-shift-in-syria-strategy/>, accessed 30.11.2018.
- Eisenstadt M. (2018) Regional Pushback, Nuclear Rollback: A Comprehensive Strategy for an Iran in Turmoil. *The Washington Institute for Near East Policy*, January 2018. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/regional-pushback-nuclear-rollback-a-comprehensive-strategy-for-an-iran-in>, accessed 30.11.2018.
- Garden J. (2018) A New Poll Shows the Public Is Overwhelmingly Opposed to Endless US Military Interventions. *The Nation*, January 9, 2018. Available at: <https://www.thenation.com/article/new-poll-shows-public-overwhelmingly-opposed-to-endless-us-military-interventions/>, accessed 30.11.2018.
- Henderson S. (2018) The Details Reveal the True Danger of Iran's Secret Nuclear Program. *The Hill*, May 1, 2018. Available at: <https://thehill.com/opinion/national-security/385591-the-details-reveal-the-true-danger-of-irans-secret-nuclear-program>, accessed 30.11.2018.
- Inbar E. (2018) Israel's War with Iran Is Inevitable. *The Jerusalem Post*, October 4, 2018. Available at: <https://www.jpost.com/Opinion/Israels-war-with-Iran-is-inevitable-568698>, accessed 30.11.2018.
- Khalaji M. (2018) Iran Intensifying Its Crackdown on Citizens Abroad. *The Washington Institute for Near East Policy*, November 2, 2018. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/iran-intensifying-its-crackdown-on-citizens-abroad>, accessed 30.11.2018.
- Majidyar A. (2018) New Defense Pact Cements Iran's Military Presence in Syria, Empowers "Axis of Resistance". *Middle East Institute*, August 30, 2018. Available at: <http://education.mei.edu/content/io/new-defense-pact-cements-iran-s-military-presence-syria-empowers-axis-resistance>, accessed 30.11.2018.
- National Strategy for Counterterrorism of the United States of America (2018). *The White House*, October 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/10/NSCT.pdf>, accessed 30.11.2018.
- Outlaw Regime: A Chronicle of Iran's Destructive Activities (2018). *U.S. Department of State. Iran Action Group*. Available at: <https://www.state.gov/documents/organization/286410.pdf>, accessed 30.11.2018.
- Pompeo M.R. (2018) Remarks at the 36th Annual Jewish Institute for National Security of America Awards Dinner. *U.S. Department of State*, October 10, 2018. Available at: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/10/286559.htm>, accessed 30.11.2018.
- Remarks by President Trump on Iran Strategy (2017). *The White House*, October 13, 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran-strategy/>, accessed 30.11.2018.

Seeking Sustainability at Sustainable Cost: Principles for a New U.S. Strategy in the Middle East. Report of the Task Force on Managing Disorder in the Middle East (2017). *Bipartisan Policy Center*, April 2017. Available at: <https://bipartisanpolicy.org/wp-content/uploads/2017/04/Seeking-Stability-at-Sustainable-Cost.pdf>, accessed 30.11.2018.

U.S. Policy toward Iran: Strategic Options. Report of the Task Force on Managing Disorder in the Middle East (2018).

Bipartisan Policy Center, May 2018. Available at: <https://bipartisanpolicy.org/wp-content/uploads/2018/05/BPC-National-Security-Strategic-Options-on-Iran.pdf>, accessed 30.11.2018.

Verification and Monitoring in the Islamic Republic of Iran in Light of United Nations Security Council Resolution 2231 (2015) (2018). *IAEA*, August 30, 2018. Available at: <https://www.iaea.org/sites/default/files/18/09/gov2018-33.pdf>, accessed 30.11.2018.

Азия: вызовы и перспективы

Ядерно-оружейный комплекс и денуклеаризация Северной Кореи

Анатолий Степанович ДЬЯКОВ

кандидат физико-математических наук, доцент, Московский физико-технический институт; научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: diakov@armscontrol.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Дьяков А.С. (2018) Ядерно-оружейный комплекс и денуклеаризация Северной Кореи // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 68–80.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-68-80

АННОТАЦИЯ. *Результатом реализации КНДР ядерно-оружейной программы явилось создание и успешное испытание термоядерного взрывного устройства. За пятьдесят лет в стране были созданы ядерная промышленность, включая все необходимые предприятия – по добыче урановой руды, ее обогащению, производству металлического урана и уранового гексофторида, предприятия по производству специальных материалов, таких как сверхчистый графит, литий-6 и дейтерид лития. Центральную роль в реализации программы сыграл ядерный оружейный центр в Йонбёне, на площадке которого был построен реактор для наработки оружейного плутония и трития, создано производство топлива для этого реактора, создана и освоена химическая переработка облученного ядерного топлива с выделением плутония, освоен процесс обогащения урана и создано обогатительное производство.*

Поставленная в повестку дня задача полной контролируемой и необратимой денуклеаризации КНДР потребует полной информации о северокорейской ядерно-оружейной программе и создан-

ном ядерно-оружейном комплексе. Однако проведенное рассмотрение показывает, что информация о состоянии ядерных программ КНДР в силу чрезвычайной закрытости страны очень скудна и противоречива. В связи с этим осуществление денуклеаризации потребует чрезвычайных усилий и времени и поэтапного подхода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КНДР, ядерная оружейная программа, газогрифовый реактор, плутоний, обогащение урана, высокообогащенный уран, денуклеаризация

Введение

В январе 2003 г. Корейская Народно-Демократическая Республика объявила об окончательном выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия, а проведя в октябре 2006 г. на полигоне Пхунгери первое испытание ядерно-взрывного устройства, она, по существу, стала четвертой страной, де-факто обладающей ядерным оружием, наряду с Индией, Пакистаном и Израилем. Со времени первого испыта-

ния КНДР провела еще пять испытаний. Последнее, осуществленное 3 сентября 2017 г., имело мощность около 200 кт в тротиловом эквиваленте. Такая мощность, по мнению большинства экспертов, может свидетельствовать о том, что на пути разработки ядерного оружия КНДР достигла значительного прогресса и осуществила взрыв термоядерного устройства.

Испытания ядерного оружия Северной Кореей, наряду с ее программой развития баллистических ракет, естественно создало серьезное беспокойство в таких странах региона, как Южная Корея и Япония, и вызвало осуждение мирового сообщества. Совет безопасности (СБ) ООН принял несколько резолюций, предусматривавших эмбарго на поставки в КНДР некоторых видов вооружений, материалов и оборудования, которые могли бы содействовать осуществлению программ, связанных с ядерным оружием и баллистическими ракетами. Наиболее жесткие санкции были приняты СБ ООН 22 декабря 2017 г. Новые санкции расширили¹ торговое эмбарго против Северной Кореи и ввели запрет на экспорт из КНДР продовольствия, станков и электрооборудования, транспортных судов и некоторых видов сырья, включая магнетит и дерево, а также запретили поставку в КНДР промышленного оборудования, транспортных судов и металлов, увеличение ограниченных поставок нефти и нефтепродуктов.

В ноябре 2017 г. лидер Северной Кореи Ким Чен Ын заявил, что с разработкой МБР, способных достичь континентальной территории США, Пхе-

нъян достиг своей цели и останавливает дальнейшие ядерные и ракетные испытания. Состоявшийся в конце апреля этого года межкорейский саммит породил надежды на урегулирование ядерного кризиса на Корейском полуострове. Эти надежды стали воплощаться с появлением информации о готовности КНДР к денуклеаризации. По сообщениям прессы, Северная Корея готова допустить² международных наблюдателей к своим ядерным вооружениям, а также уничтожить свои межконтинентальные ракеты. При этом информации о сроках уничтожения ядерного оружия КНДР, а также том, что получит Пхеньян в ответ в качестве гарантий, пока нет.

Учитывая опыт предыдущих безуспешных попыток остановить развитие ядерной программы КНДР, к нынешним заявлениям Пхеньяна о готовности к денуклеаризации следует относиться без излишнего оптимизма. Проведение полной, необратимой и поддающейся международному контролю денуклеаризации Северной Кореи³ потребует уничтожения не только ее ядерных вооружений, но и большинства ее промышленных предприятий ядерно-оружейного комплекса. Без детальной и полной информации о ядерной оружейной программе КНДР осуществить это будет невозможно, а в силу закрытости страны имеющаяся в настоящее время информация очень скудна и характеризуется значительной неопределенностью. С учетом этого, проведение контролируемого и необратимого процесса денуклеаризации неминуемо столкнется со значительными сложно-

1 Совбез ООН вновь ужесточил санкции против Северной Кореи (2017) // Lenta.ru. 22 декабря 2017 // <https://lenta.ru/news/2017/12/22/sankt/>, дата обращения 30.11.2018.

2 Морозова В. (2018) КНДР заявила о готовности к денуклеаризации на условиях США // TVzvezda.ru. 3 мая 2018 // https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201805030753-3kum.htm, дата обращения 30.11.2018.

3 Из резолюции СБ ООН 2270 (2016): «вновь подтверждает свои решения о том, что КНДР должна полностью и поддающимся проверке и необратимым образом отказаться от всего ядерного оружия и существующих ядерных программ и незамедлительно прекратить всю связанную с этим деятельность».

стями, определяемыми в первую очередь сомнениями в отношении полноты данных о ядерной программе, которые будут предоставлены Северной Кореей инспектирующей стороне. Это, в свою очередь, будет способствовать сохранению потенциала торможения и даже разрушения всего процесса денуклеаризации.

В данной работе предпринят анализ технических аспектов ядерно-оружейной программы КНДР и проведена оценка ее неопределенностей с использованием доступной информации.

Становление ядерной программы КНДР

Началом ядерной программы КНДР следует считать принятое в 1952 г. решение о создании института ядерных исследований. На начальном этапе северокорейская ядерная программа развивалась при поддержке СССР и КНР.

В 1956 г. КНДР подписывает с СССР соглашение о подготовке корейских научно-технических специалистов в области ядерных исследований. В 1959 г. КНДР заключает соглашения с СССР и КНР о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Северокорейские студенты обучаются в МИФИ, МВТУ им. Баумана, МЭИ, проходят стажировку в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне. Всего до 1990-х гг. СССР подготовил около 300 корейских специалистов [Moltz, Mansourov 2000, p. 17].

В 1959 г. в Йонбёне (80 км севернее Пхеньяна) начинается сооружение центра ядерных исследований, а завершено строительство в 1965-м. Для этого центра СССР поставил исследовательский реактор ИРТ-2000, лабораторию по производству изотопов и критическую сборку. ИРТ-2000 – реактор бас-

сейнового типа с бериллиевым отражателем. Активная зона состоит из 48 вертикальных секций, из которых 16 предназначены для топлива. Мощность 2 МВт при использовании топливных сборок ЭК-10, изготовленных из урана с 10% обогащением. При переходе на топливные сборки ИРТ-2М с 36% обогащением мощность реактора была увеличена до 6–8 МВт.

Подготовка специалистов-ядерщиков, поставка Советским Союзом реактора и лаборатории по производству изотопов создали основу для проведения исследовательских работ для отлаживания технологий наработки плутония и переработки ОЯТ. Как стало известно позднее, еще в 1975 г. северокорейские специалисты выделили около 300 миллиграммов плутония из облученных урановых образцов в реакторе ИРТ-2000. Реактор и лаборатория использовались для обучения и тренировки персонала и по существу заложили основу для выбора оптимального пути к наработке оружейного ядерного материала.

После вступления КНДР в 1974 в МАГАТЭ и подписания в 1977 г. с этой организацией соглашения о гарантиях реактор ИРТ-2000 и критическая сборка были поставлены под гарантии МАГАТЭ.

Путь к ЯО через производство высокообогащенного урана (ВОУ) для Северной Кореи в те годы был нерелевантен по техническим соображениям. Создать собственные богатейшие мощности КНДР не могла, а приобрести необходимое оборудование за рубежом не оказалось возможным. Поэтому начальный этап северокорейской программы по приобретению ЯО основывался на наработке оружейного плутония [Дьяков 2013, с. 53]. Однако, как стало известно в начале 2000-х гг., производство ВОУ северокорейцы также освоили.

Предприятия ядерно-оружейного комплекса КНДР

В результате проведенных в 1947–1950 гг. геологоразведочных работ советские специалисты на территории Северной Кореи открыли большие запасы ураносодержащих руд (до 26 млн тонн, 300 тыс. тонн природного урана), значительная часть из которых (около 4 млн тонн) пригодна для промышленной разработки [Юдин 2006, с. 138]. В этот же период была начата промышленная разработка урановых руд и не менее 9 тыс. тонн руды моназита вывезено в СССР. По данным, представленным КНДР МАГАТЭ в 1992 г., промышленная добыча ведется на двух шахтах в Волбисане (Wolbisan) и в Пингсане (Pyongsan), однако не исключено что добыча урановой руды ведется еще в 4–5 других местах. Производство уранового концентрата (yellowcake) (U_3O_8) осуществляется путем извлечения урана из размельченной руды химическим способом. Эта операция проводится на пилотном предприятии в Пакчоне (Pakchon), а основное предприятие находится в Пингсане. Информации о производственных мощностях этих предприятий не имеется.

Вступление КНДР в МАГАТЭ дало возможность получить доступ к материалам организации и по существу выбрать оптимальный путь к приобретению ядерного оружия под прикрытием развития ядерной энергетики. Для своей ядерной энергетики северо-корейские специалисты выбрали реактор типа Магнокс (Magnox), разработанный в Великобритании в конце 1940 – начале 1950 гг. прошлого столетия. В Великобритании на 11 площадках построено 26 реакторов этого типа. Конструкция реакторов Магнокс была рассекречена в конце пятидесятых, это реакторы двойного назначения – для производства электроэнергии и плутония.

В этом типе реактора в качестве замедлителя нейтронов используется графит, для охлаждения активной зоны – углекислый газ, а топливные элементы изготавливаются из природного металлического урана и покрываются оболочкой из окиси магния.

Выбор этого типа реактора для КНДР вполне логичен:

- реактор работает на топливе из естественного урана – нет необходимости в обогащении;
- у страны имеются значительные запасы урана;
- облученные топливные элементы подвержены набуханию, ведущему к повреждению оболочек. Следовательно, топливо не предназначено для длительного хранения и подлежит переработке. Отсюда необходимость иметь переработку облученного топлива.

Производства высокочистого графита, необходимого для графитовой кладки активной зоны реакторов, создано северо-корейцами в Чонгсу (Chongsu).

Комплекс по производству топливных элементов из металлического урана был построен в Йонбёне. К урану, используемому для производства топливных элементов, предъявляются высокие требования по чистоте, и весь технологический процесс, состоящий из нескольких этапов, должен соответствовать этому требованию. Вначале осуществляется перевод уранового концентрата в нитрат уранила достаточно высокой чистоты. Затем на других этапах нитрат уранила переводится в оксид урана (UO_3), с последующим конверсией в урановый тетрафторид, который конвертировался в металлический уран, используемый для изготовления топливных элементов.

Первые топливные элементы комплекс изготовил в начале 1980-х гг. Его

минимальная производительность оценивается в 2500–3000 топливных элементов в год. Однако учитывая имевшиеся у КНДР в начале 1990-х гг. планы по строительству еще двух ГТР большей мощности – с тепловой мощностью около 200 МВт и 800 МВт, и принимая во внимание что в начале 1990-х гг. уже было начато производство топливных элементов для второго реактора, очевидно реальная производственная мощность комплекса была значительно выше.

В соответствии с рамочным соглашением о замораживании ядерной активности, заключенным между КНДР и США в октябре 1994 г., с конца 1994 по 2002 г. плутониевая ядерная программа Северной Кореи была приостановлена. В этот период оборудование для производства тетрафторида урана из-за проста подверглось коррозии, и по этой причине северокорейские специалисты решили модернизировать комплекс. Технология производства тетрафторида урана была переведена с водной (aqueous process) на сухую безводную (anhydrous process) [Milonopoulos, Hecker, Carlin 2012].

В 2009 г. Северная Корея объявила о намерении создать собственное производство по обогащению урана. Для обеспечения работы обогатительного производства организовали производство гексофторида урана (UF_6). Здание комплекса, ранее использовавшееся для производства топливных элементов, расширили и переоборудовали для обогатительного производства. Оценочная мощность производства – 26–28 тонн UF_6 ⁴.

Строительство в Йонбёне экспериментального газографитового реактора (ГТР) типа Магнокс (Magnox) с тепловой мощностью 20–30 МВт (2–5 МВт) –

электрическая мощность) было начато в 1979 и завершено в конце 1985 г., а в начале 1986 г. его ввели в эксплуатацию. Для полной загрузки активной зоны реактора требовалось 8000 топливных элементов, изготовленных из металлического природного урана, с общей массой 50 тонн. При работе на средней мощности в 25 МВт (т) реактор способен нарабатывать около 6 кг плутония оружейного качества. Вероятно, первые выгрузки облученного топлива из реактора осуществлялись во время остановок реактора в 1989, 1990 и 1991 гг. [Юдин 2006, с. 135]. Это могло быть как разрушенное топливо, так и топливо с оптимальным уровнем выгорания.

Как отмечалось выше, в начале 1990-х гг. КНДР имела планы по строительству еще двух ГТР (газографитовых реакторов) большей мощности – с тепловой мощностью около 200 МВт и 800 МВт. Строительство реакторов было начато, но затем приостановлено, и в итоге в КНДР отказались от их сооружения.

В 1985 г. в Йонбёне началось строительство предприятия по переработке облученного топлива. Оно было названо Радиохимической лабораторией. Как впоследствии установлено, действующая производственная линия Лаборатории позволяла перерабатывать до 100 тонн ОЯТ в год. Для переработки ОЯТ, экстракции и очистки плутония использовалась технология ПУРЕКС (PUREX). Для своего предприятия КНДР воспользовалась технологией компании EUROCHEMIC, разработанной для перерабатывающего завода в Бельгии [Юдин 2006, с. 131]. В 1970-х гг. эта технология, со схемами производственных процессов, была опубликована в изданиях МАГАТЭ,

4 Для наработки 20 кг урана оружейного качества требуется либо 4400 кг естественного урана (6500 кг UF_6) и около 4000 ЕРР, либо 560 кг урана с 3.5% обогащением (830 кг UF_6) и 1400 ЕРР, либо около 91 кг урана с 20% обогащением (135 кг UF_6) и 370 ЕРР.

и северокойейцы просто воспроизвели ее. Очевидно переработка ОЯТ, в опытном режиме, началась до 1992 г. По оценкам, в период с 1986 по 1994 г. в КНДР наработано около 20 кг плутония, причем около 10 кг плутония выделено и переведено в металл. Однако из-за отсутствия достоверных данных о периодах работы ГГР оценки возможного количества имеющегося у Северной Кореи плутония оружейного качества обладают большой неопределенностью [Новиков 2014, с. 104].

Северокойейский ядерный кризис – поиски компромисса

Необходимо отметить, что экспериментальный ГГР и все предприятия топливного цикла были построены без уведомления МАГАТЭ и поэтому инспекции Агентства на них не осуществлялись. КНДР подписала ДНЯО в 1985 г. Сделано это было под давлением СССР, поскольку подписание этого договора было одним из условий, при выполнении которого СССР был готов оказать содействие Пхеньяну в строительстве АЭС из четырех энергетических блоков ВВЭР-440. Переговоры о заключении соглашения между КНДР и МАГАТЭ о применении полномасштабных гарантий продолжались с переменным успехом с 1985 по 1992 г. Пхеньян обуславливал его заключение политическими условиями, в т.ч. прогрессом в нормализации отношений Север – Юг. Следовательно, в этот период у КНДР не было формальных юридических обязательств уведомлять о своей деятельности.

Кризис 1992–2002 гг. Соглашение о гарантиях было заключено только в ян-

варе 1992 г. В соответствии с ним под гарантии Агентства поставлены: исследовательский реактор ИРТ-2000, 5 МВ(е) экспериментальный ГГР, завод по производству топлива и по переработке ОЯТ, хранилище ЯТ, критическая сборка.

Согласно первоначальному заявлению КНДР об имевшихся ядерных материалах, она располагала около 100–300 г плутония, выделенного в ходе переработки поврежденных топливных стержней, изъятых во время останковки в 1989 г. газографитового экспериментального реактора.

Однако при проведении инспекторами МАГАТЭ в 1992 г. проверки начальных запасов урана и плутония, в порядке применения гарантий ДНЯО, инспекторы МАГАТЭ обнаружили расхождения, которые указали, что завод по переработке использовался чаще, чем заявила КНДР. Информация, полученная МАГАТЭ от государства-участника, указывала, что в Йонбёне есть еще два хранилища отходов, не заявленных КНДР. Это дало основание предполагать, что КНДР может иметь оружейного плутония в количестве больше заявленного.

В феврале 1993 г. МАГАТЭ потребовала от КНДР проведения специальных инспекций двух мест для проверки правильности информации. КНДР отказалась, а 12 марта объявила о своем намерении выйти из ДНЯО. В апреле 1993 г. Совет управляющих МАГАТЭ сделал вывод, что КНДР не соблюдает своих обязательств по гарантиям, и сообщил об этом в Совете безопасности ООН. В июне 1993 г. КНДР объявила о приостановлении своего выхода из ДНЯО⁵, но потребовала «особого статуса» в отношении своих обязательств

5 IAEA and DPRK: Chronology of Key Events (2018) // IAEA // <https://www.iaea.org/newscenter/focus/dprk/chronology-of-key-events>, дата обращения 30.11.2018.

по гарантиям. Эта просьба была отклонена МАГАТЭ.

В июне 1993 г. КНДР в обмен на обязательство США не вмешиваться в ее внутренние дела и не угрожать применением силы заявила о приостановлении вступления в силу решения о выходе из ДНЯО. Вместе с этим Пхеньян обусловил принятие окончательного решения о продолжении участия в Договоре урегулированием военно-политических вопросов на Корейском полуострове и нормализацией отношений с США.

Однако в ответ на решение Совета управляющих МАГАТЭ о прекращении технического содействия Пхеньяну в осуществлении ряда проектов, принятое после недопущения инспекторов Агентства на отдельные объекты, 13 июня 1994 г. КНДР заявила о выходе из МАГАТЭ и об отказе от инспекций Агентства. 15 июня 1994 г. 20 МВт реактор был полностью разгружен и 8000 топливных элементов отправлены на хранение.

21 октября 1994 г. подписана рамочная договоренность между КНДР и США по урегулированию северокорейской ядерной проблемы. Соглашение предусматривало отказ КНДР от реализации программы строительства ГГР в обмен на обязательства построить два легководных реактора и поставлять мазут в КНДР на время строительства реакторов. На завершающей стадии строительства КНДР должна была возобновить полное выполнение своих обязательств по соглашению о гарантиях с МАГАТЭ. По условиям соглашения, все предприятия в Йонбёне были остановлены и инспектора МАГАТЭ возобновили наблюдение за остановкой объек-

тов. Облученные топливные блоки, выгруженные из ГГР, были упакованы и размещены в бассейне выдержки и находились под бдительным контролем МАГАТЭ.

Таким образом, с мая 1994 по декабрь 2002 г., когда возник очередной кризис, плутониевая ядерная программа Северной Кореи была приостановлена⁶ и инспектора МАГАТЭ постоянно присутствовали в Йонбёне.

Кризис 2002–2007 гг. Как отмечалось выше, одним из условий рамочного соглашения было обязательство США содействовать строительству в КНДР двух легководных реакторов. Контракт на строительство реакторов был подписан только в конце 1999 г. между международной организацией, ответственной за проект (KEDO), и южнокорейской компанией KEPKO, призванной осуществить строительство реакторов. Строительство началось с большим опозданием в августе 2002 г., однако активность на площадке была скоро прекращена под предлогом невыполнения КНДР обязательств работать с МАГАТЭ по верификации ее прошлой ядерной деятельности. Остановка строительства реакторов, а также обвинение США в том, что КНДР осуществляет тайное обогащение урана до оружейного качества, привело в 2002 г. к срыву рамочной договоренности. В декабре 2002 г. КНДР сняла печати МАГАТЭ с объектов в Йонбёне и удалила инспекторов МАГАТЭ из страны. Таким образом с конца 2002 г. по июль 2007 г. и с апреля 2009 г. Агентство не имело возможности осуществлять в КНДР никаких мер по гарантиям⁷.

В апреле 2003 г. КНДР заявила о выходе из ДНЯО и 11 июля 2003 г. вышла

6 Применение гарантий в КНДР. Доклад Генерального директора (2011) // IAEA, September 2, 2011 // https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC55/GC55Documents/Russian/gc55-24_rus.pdf, дата обращения 30.11.2018.

7 Применение гарантий в КНДР. Доклад Генерального директора (2012) // IAEA, August 30, 2012 // https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC56/GC56Documents/Russian/gc56-11_rus.pdf, дата обращения 30.11.2018.

из договора⁸, став первой страной, сделавшей это. В начале 2003 г. возобновилась работа ГТР, который проработал до июля 2007 г. В апреле 2005 г. была произведена выгрузка топлива, затем загружено свежее топливо, и с июня 2005 г. реактор возобновил работу. Переработка выгруженных в 1994 г. 8000 облученных топливных блоков к середине 2003 г. была завершена, и весь выделенный плутоний, порядка 14 кг, был переведен в металл. В конце августа 2005 г. завершилась переработка партии ОЯТ, выгруженного в этом же году, и было выделено еще приблизительно 10 кг плутония.

Чтобы обеспечить соглашение о прекращении ядерной программы Северной Кореи, в 2003 г. начались переговоры так называемой «шестерки», в которых приняли участие Китай, Южная Корея, Япония, Россия и США. Целью дипломатического диалога в многостороннем формате было «полное, поддающееся проверке и необратимое уничтожение программ вооружений Северной Кореи». Прошло несколько раундов переговоров, и только в четвертом раунде 19 сентября 2005 г. участникам удалось добиться принятия совместного документа в форме заявления. В Заявлении признается право КНДР на мирную ядерную деятельность: «Северокорейская сторона заявляет о своем праве на мирное использование атомной энергии. Прочие участники переговоров уважают эту позицию и соглашаются обсудить вопрос о предоставлении КНДР легководного реактора в должное время». Кроме того, в документе отмечалось, что «северокорейская сторона подтверждает обязательства отказаться

ся от всего ядерного оружия и осуществляемых ядерных программ, как можно скорее вернуться в Договор о нераспространении ядерного оружия, а также под инспекции МАГАТЭ». Однако строительство реакторов, обещанное КНДР, как было остановлено в 2002 г., так более и не возобновлялось. Организация КЕДО, ответственная за строительство, в 2006 г. отказалась от реализации этого проекта.

6 октября 2006 г. КНДР провела первое ядерное испытание, которое по различным оценкам было признано не совсем успешным.

В феврале 2007 г. в рамках шестисторонних переговоров КНДР дала согласие на остановку экспериментального реактора и связанных с ним предприятий в Йонбёне, включая завод по переработке. С июля 2007 г. реактор и завод по переработке остановлены, опечатаны и стали объектами контроля МАГАТЭ⁹. К середине августа 2008 г. из ГТР было выгружено около половины облученного топлива, которое предполагалось отправить в Россию на ПО «Маяк» или в Великобританию. В июне 2008 г. Северная Корея взорвала градирню экспериментального реактора, демонстрируя тем самым готовность остановить плутониевую программу. Для целей верификации представителям США было передано большое количество документов о работе ядерных предприятий в Йонбёне, однако сторонам не удалось договориться о способах проверки переданных Пхеньяном сведений.

Кризис 2009–2018 гг. В сентябре 2008 г. Северная Корея потребовала от МАГАТЭ снять печати с объектов и

8 Доклад Генерального Директора МАГАТЭ от 23 января 2003 г. (2003) // IAEA, January, 2003 // https://www.iaea.org/sites/default/files/gov2003-4_rus.pdf, дата обращения 30.11.2018.

9 ElBaradei M. (2007) Statement to the Fifty-First Regular Session of the IAEA General Conference 2007 // IAEA, September 21, 2007 // <https://www.iaea.org/newscenter/statements/statement-fifty-first-regular-session-iaea-general-conference-2007#dprk>, дата обращения 30.11.2018.

удалить оборудование¹⁰. Мотивировкой этому послужило невыполнение соглашения о строительстве легководных реакторов. Проведенные в декабре 2008 г. переговоры в рамках шестерки к результатам не привели, и 15 апреля 2009 г. КНДР прекратила сотрудничество с МАГАТЭ. Оборудование Агентства для наблюдения и инспекторы покинули КНДР¹¹. Работа перерабатывающего завода в Йонбёне возобновилась. Блоки, облученные в компании с середины 2005 до февраля 2007 г., были переработаны, что дало стране еще около 7–8 кг плутония.

Анализ спутниковых изображений площадки в Йонбёне показал, что с марта по июнь 2013 г. в зданиях, примыкающих к зданию ГР, велись строительные работы¹², судя по всему, связанные с переоборудованием системы охлаждения реактора. В дальнейшем было установлено, что реактор работал с августа 2013 по октябрь 2015 г. Вероятно, основной целью его деятельности в этот период было наработка трития, необходимого для разработки и тестирования термоядерного заряда. При этом предположении производство плутония должно было значительно сократиться, и за указанный период реактор мог наработать около 3 кг плутония и 15–20 грамм трития. По имеющимся признакам, реактор также работал с декабря 2015 по февраль 2018 г.¹³

В целом, общее количество плутония, наработанного в Северной Корее, может достигать 40 кг, однако точность этой оценки невелика и может составлять ± 15 кг.

В 2009 г. КНДР заявила о наличии плана по строительству АЭС с легководным реактором и о завершении работ на предприятии по обогащению урана, предназначенного для обеспечения этого реактора топливом. Оснащенный центрифугами обогатительный завод, размещенный в здании, в котором раньше размещалось производство топливных элементов на площадке в Йонбёне, был показан американскому эксперту Зигфриду Хеккеру¹⁴ во время его посещения комплекса в ноябре 2010 г. Главный инженер предприятия сообщил Хеккеру, что на заводе установлено 2000 центрифуг с общей обогатительной мощностью 8000 ЕРР (6 каскадов по 332 центрифуги в каждом). Предприятие с такой мощностью может производить в год до 40 кг урана оружейного качества.

В начале 2013 г. стали возводить пристройку к зданию, где уже было размещено производство центрифужного обогащения¹⁵. По сообщению южнокорейской печати, к концу 2014 г. строительство завершилось и дополнительный комплекс с 2000 центрифуг был запущен в работу. Таким образом, общая мощность предприятия по обогаще-

10 IAEA Board Begins September Deliberations (2008) // IAEA, September 22, 2008 // <https://www.iaea.org/newscenter/news/iaea-board-begins-september-deliberations>, дата обращения 30.11.2018.

11 Применение гарантий в КНДР. Доклад Генерального директора (2009) // IAEA, July 31, 2009 // https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC53/GC53Documents/Russian/gc53-13_rus.pdf, дата обращения 30.11.2018.

12 Применение гарантий в КНДР. Доклад Генерального директора (2013) // IAEA, August 28, 2013 // https://www.iaea.org/sites/default/files/gc57-22_rus.pdf, дата обращения 30.11.2018.

13 Application of Safeguards in the Democratic People's Republic of Korea, Report of Director General (2017) // IAEA, August 25, 2017 // https://www.iaea.org/About/Policy/GC/GC61/GC61Documents/English/gc61-21_en.pdf; Pabian F.V., Bermudez J.S. Jr., Liu J. (2018) North Korea's Yongbyon Nuclear Research Center: Major Activity at the Five Megawatt Reactor // 38north.org, April 4, 2018 // <https://www.38north.org/2018/04/yongbyon040418/>, дата обращения 30.11.2018.

14 Hecker S.S. (2010) A Return Trip to North Korea's Yongbyon Nuclear Complex // NAPSNet Special Reports, November 22, 2010 // <https://nautilus.org/napsnet/napsnet-special-reports/a-return-trip-to-north-korea-s-yongbyon-nuclear-complex/>, дата обращения 30.11.2018.

15 Применение гарантий в КНДР. Доклад Генерального директора (2013) // IAEA, August 28, 2013 // https://www.iaea.org/sites/default/files/gc57-22_rus.pdf, дата обращения 30.11.2018.

нию увеличилась до 16 000 ЕРР. В целом обе очереди обогатительного комплекса в Йонбёне к началу 2018 г. могли бы наработать до 400 кг урана оружейного качества, достаточного для создания 20 ядерных зарядов.

Нельзя исключать и того, что обогатительное производство в Йонбёне не использовалось для производства ВОУ, а в КНДР имеется еще одно скрытое обогатительное предприятие, которое, в отличие от предприятия в Йонбёне, предназначено исключительно для производства оружейного урана. Такой сценарий представляется наиболее вероятным, если принять во внимание необычную открытость обогатительного завода в Йонбёне. Если скрытое предприятие имеет такую же мощность, как и первая очередь завода в Йонбёне, и запущено в 2005–2007 гг., то оно могло бы произвести к началу 2018 г. 520 кг оружейного урана. По оценкам американских экспертов, к началу 2018 г. Северная Корея может иметь от 250 до 650 кг ВОУ [Hecker, Carlin, Serbin 2018, p. 27].

В мае 2009 г. КНДР осуществила второе подземное ядерное испытание, которое оказалось более успешным, чем испытание, проведенное в 2006 г. В апреле 2012 г. парламент КНДР в конституции страны утвердил положение о том, что КНДР является ядерной державой¹⁶.

12 февраля 2013 г. КНДР провела третье ядерное испытание, мощность которого составила 5–6 килотонн в тротиловом эквиваленте. Зарегистрированные сейсмограммы ядерных взрывов показали, что в ходе реализации ядерной программы специалисты КНДР доказали способность решать сложные научно-технические задачи по созданию ядерно-взрывных устройств.

Вместе с тем сделать определенные выводы о способности КНДР производить ядерные боезаряды, которые по своим масса-габаритным характеристикам могли бы надежно доставляться имеющимися у страны баллистическими ракетами, достаточно трудно по причине отсутствия необходимой информации. По мнению ряда правительственных организаций и неправительственных экспертов, КНДР определенно имеет ядерные боезаряды, доставляемые с умеренной надежностью ракетами меньшей дальности типа Хвансон-6 и баллистическими ракетами средней дальности типа Хвансон-10 (Мусудан) [Hecker, Carlin, Serbin 2018; Kristensen, Norris 2018]. Что касается ядерных боезарядов для оснащения межконтинентальных баллистических ракет с дальностью от 5500 км (Хвансон 14,15), то многие эксперты полагают, что КНДР пока не способна создавать подобные боезаряды требуемой надежности.

Четвертое и шестое испытания, проведенные 6 января 2016 г. и 3 сентября 2017 г., были заявлены Пхеньяном как термоядерные. Однако анализ сейсмограммы четвертого испытания ставит под сомнение данное заявление. С большой вероятностью это был взрыв ядерного устройства, хотя нельзя исключать того, что целью испытания могло быть осуществление термоядерного взрыва. Что касается шестого испытания, мощность которого оценивается на уровне в 200–250 килотонн ТНТ, то специалисты склоняются к тому, что это был взрыв термоядерного устройства. Окончательный вывод о типе взорванного устройства можно сделать после анализа радионуклидов, но мощность взрыва однозначно свидетельствует о прогрессе северокорейских специалистов в деле разработки ядерного оружия.

16 Ядерная программа КНДР. Досье (2018) // ТАСС. 9 января 2018 // <http://tass.ru/info/4862173>, дата обращения 30.11.2018.

Таким образом в результате реализации программы создания ядерного оружия КНДР к началу 2018 имеет в своем арсенале около 30 кг оружейного плутония, несколько сот кг оружейного урана. Этого количества ядерных оружейных материалов достаточно для производства не менее двух десятков ядерных зарядов. Естественно, что оценки количества имеющихся у КНДР боезарядов, проведенные различными экспертами, существенно разнятся, но это объясняется отсутствием достоверных данных о северокорейской ядерной программе. Так, например, в работе американских экспертов Г. Кристенсена и Р. Норриса количество имеющихся у КНДР боезарядов – от 10 до 20 [Kristensen, Norris 2018, p. 47].

Заключение

В настоящее время имеются значительные расхождения в оценке количества наработанных оружейных ядерных материалов, числа обогатительных предприятий, количества имеющихся ядерных боезарядов. Все это, включая отсутствие существенной информации о ядерно-оружейной программе КНДР, делает задачу осуществления полной, контролируемой и необратимой денуклеаризации чрезвычайно трудной, требующей значительных усилий и времени. Решение ее будет возможно при условии понимания необходимости ее поэтапного решения, при котором на каждом этапе все участвующие в этом процессе стороны будут готовы идти на уступки, отказаться от чрезмерных требований и полностью выполнять принятые на себя обязательства. Поскольку МАГАТЭ не имеет мандата на инспекционную деятельность, связанную с ядерным оружием, реальное осуществление контроля процесса денуклеаризации по-

требует тесного взаимодействия стран «ядерной пятерки». Именно эксперты этих стран должны будут разработать подходы, методику и организацию процесса контролируемой денуклеаризации КНДР с тем, чтобы гарантировать ее полноту и необратимость.

Список литературы

Дьяков А.С. (2013) Особый путь Северной Кореи к ядерному оружию // Критерии безопасной толерантности режимов ядерного нераспространения: Материалы конференции Международного Люксембургского форума по предотвращению ядерной катастрофы. Монтрё, 2013. М. С. 53–61.

Новиков В.Е. (2014) Перспективы создания ядерного потенциала КНДР // Проблемы национальной стратегии. № 6(27). С. 100–112.

Юдин Ю. (2006) Технические аспекты ядерной программы КНДР // Ядерный контроль. Т. 12. № 1(79). С. 129–141.

Hecker S.S., Carlin R.L., Serbin E.A. (2018) A Technical and Political History of North Korea's Nuclear Program over the Past 26 Years. Center for International Security and Cooperation, Stanford University.

Kristensen H.M., Norris R.S. (2018) North Korean Nuclear Capabilities, 2018 // Bulletin of the Atomic Scientists, vol. 74, no 1, pp. 41–51. DOI:10.1080/00963402.2017.1413062

Milonopoulos N., Hecker S.S., Carlin R. (2012) North Korea from 30,000 Feet // The Bulletin of the Atomic Scientists, January 6, 2012 // <https://thebulletin.org/north-korea-30000-feet>, дата обращения 30.11.2018.

Moltz J.C., Mansourov A.Y. (eds.) (2000) The North Korean Nuclear Program: Security, Strategy, and New Perspectives from Russia, New York, London: Routledge.

Asia: Challenges and Perspectives

The Nuclear-Weapons Complex and Denuclearization of North Korea

Anatoly S. DIYAKOV

PhD in Physico-mathematical, Associate Professor, Moscow Institute of Physics and Technology; Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: diakov@armscontrol.ru

CITATION: Diyakov A.S. (2018) The Nuclear-Weapons Complex and Denuclearization of North Korea. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 68–80 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-68-80

ABSTRACT. *The result of the implementation of the DPRK's nuclear weapons program was the creation and successful testing of a thermonuclear explosive device. Over a fifty-year period, the nuclear industry was established in the country, including all the necessary enterprises, from uranium ore mining, enrichment, the production of uranium metal and uranium hexafluoride, and the production of special materials such as ultra-pure graphite, lithium-6 and lithium deuteride. The nuclear complex in Yongbyon played a central role in the implementation of the program, a reactor was built for the production of weapons-grade plutonium and tritium, production of fuel for this reactor was created, chemical reprocessing of irradiated nuclear fuel with separation of plutonium was created, and uranium enrichment production plant was put in operation.*

The task of the complete controlled and irreversible denuclearization of the DPRK, put on the agenda, will require complete information about the North Korean nuclear weapons program and the nuclear weapons complex that was developed. However, the presented review shows that information about the state of the nuclear programs of the DPRK, due to the extreme closeness of the country, is very scarce and

contradictory. In this regard, the implementation of denuclearization will require extraordinary effort, time, and a step-by-step approach.

KEY WORDS: DPRK, nuclear weapons program, gas graphite reactor, plutonium, uranium enrichment, highly enriched uranium, denuclearization

References

Diaykov A.S. (2013) *Osobyj put' Severnoj Korei k yadernomu oruzhiyu* [A Special Way of North Korea to Nuclear Weapons]. *Kriterii bezopasnoj tolerantnosti rezhimov yadernogo nerasprostraneniya: Materialy Konferentsii Mezhdunarodnogo Liuksemburgskogo Foruma po predotvrashcheniyu yadernoj katastrofy* [Criteria of Safety Tolerance for Nuclear Nonproliferation: Materials of the International Luxembourg Forum on Preventing Nuclear Catastrophe Conference, Montre, 2013], Moscow, pp. 53–61.

Hecker S.S., Carlin R.L., Serbin E.A. (2018) *A Technical and Political History of North Korea's Nuclear Program over the Past 26 Years*, Center for International Security and Cooperation, Stanford University.

Kristensen H.M., Norris R.S. (2018) North Korean Nuclear Capabilities, 2018. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 74, no 1, pp. 41–51. DOI:10.1080/00963402.2017.1413062

Milonopoulos N., Hecker S.S., Carlin R. (2012) North Korea from 30,000 Feet. *The Bulletin of the Atomic Scientists*, January 6, 2012. Available at: <https://thebulletin.org/north-korea-30000-feet>, accessed 30.11.2018.

Moltz J.C., Mansourov A.Y. (eds.) (2000) *The North Korean Nuclear Program:*

Security, Strategy, and New Perspectives from Russia, New York, London: Routledge.

Novikov V.E. (2014) Perspektivy sozdaniya yadernogo potentsiala KNDR [Perspective of Creation of Nuclear Potential by DPRK]. *Problemy nazionalnoj strategii*, no 6(27), pp. 100–112.

Yudin Y. (2006) Tekhnicheskie aspekty yadernoj programy KNDR [Technical Aspect of DPRK Nuclear Program]. *Yadernyj kontrol*, vol. 12, no 1(79), pp. 129–141.

Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики

Константин Вадимович БОГДАНОВ

кандидат технических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.
E-mail: cbogdanov@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Богданов К.В. (2018) Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 81–95.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-81-95

АННОТАЦИЯ. Китайская ядерная стратегия по-прежнему остается закрытой областью, а реальный состав ядерных вооружений КНР никогда не публиковался официально. Китайская ядерная политика в доктринальной плоскости декларирует применение ядерного оружия (ЯО) только в ответ на ядерное нападение на КНР.

Несмотря на заявления официальных лиц в Пекине, следует признать, что Китай на сегодняшний день является третьей ядерной державой планеты – если не по количеству оперативно развернутых ядерных боезарядов, то по качественному составу самостоятельно разработанных и поставленных на боевое дежурство средств их доставки. При этом Китай – единственный из постоянных членов СБ ООН, который в момент и сразу после распада bipolarной системы вел активное совершенствование своих ядерных вооружений, наращивая их численно.

Развитие китайских ядерных сил длительное время отставало от темпов, задаваемых гонкой вооружений СССР и США. Но в условиях глубоких сокращений ядерных арсеналов сверхдержав с 1990-х годов Китай сумел провести коренную технологическую модернизацию своих ядерных сил, полностью по-

меняв их облик. Широкое развертывание мобильных ракетных комплексов средней и межконтинентальной дальности с твердотопливными ракетами создает новое качество стратегических сил КНР. По ряду оценок, речь может идти о постановке отдаленной задачи по достижению паритета в стратегических вооружениях (ядерных и неядерных) с Россией и США.

При этом Китай практически не связан международными режимами по контролю над вооружениями, если не считать Договора о нераспространении ядерного оружия. Сочетание интенсивной модернизации ядерных сил с отсутствием обязательств по ограничению и сокращению стратегических вооружений ставит насущный вопрос о вовлечении Пекина в международные контрольные режимы. Рационально выглядела бы проработка пилотного трехстороннего формата взаимодействия Китая, России и США в локальном вопросе об ограничении высокоточных систем гиперзвукового ракетного оружия (в том числе ракетно-планирующих систем).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, ядерное оружие, ядерная стратегия, стратегические ядерные силы, тактическое

ядерное оружие, многосторонние переговоры по разоружению

Штрихи к портрету ядерной стратегии КНР

Реальное наполнение ядерной стратегии Китая с самого момента появления у него ядерного оружия остается скрытым, а состав ядерных arsenалов никогда официально не публиковался. Пекин, не будучи участником международных режимов по контролю над наступательными вооружениями, ограничен, по сути, только требованиями Договора о нераспространении ядерного оружия, к которому он присоединился в 1992 г.

Официальная позиция страны по вопросу о применении ЯО сводится к набору тезисов, которые Пекин обнародовал сразу после своего первого ядерного испытания в 1964 г. В дальнейшем эта позиция повторялась с незначительными дополнениями¹. Согласно официальным китайским воззрениям, главной целью всех стран мира в области ядерной политики должно стать всеобъемлющее и полное ядерное разоружение. Обладание же собственным ЯО преподносится Китаем как минимально допустимое вынужденное отступление от этого принципа, сделанное в условиях неблагоприятной внешнеполитической обстановки с целью купирования внешних угроз национальной безопасности [Lewis, Litai 2012].

Однако наблюдение за тем, как Китай строит свои ядерные силы, позволяет сделать некоторые обобщающие

заклучения, которые можно считать своего рода «расшифровкой» китайской ядерной стратегии. Значительный массив исследований, накопленных к настоящему времени, несмотря на лакуны и неопределенность в отдельных вопросах, не содержит значимых противоречий в трактовках наблюдаемых явлений² [Bin 2001; Lewis, Litai 2012; Riqiang 2013; Кашин 2016].

Стратегия времен первого десятилетия обладания Китаем ЯО (с 1964 г. приблизительно по середину 1970-х гг.) обычно определяется через понятие «экзистенциального сдерживания». Этот период характеризовался значительной неопределенностью в ядерной стратегии Пекина, дополненной чрезвычайно ограниченными возможностями по применению ЯО. По сути, Китай не обладал возможностью с должной боевой устойчивостью применять свои ядерные силы нигде, кроме как на своей территории и в близких приграничных районах.

К середине 1970-х гг. КНР создала баллистические ракеты средней дальности (БРСД), позволявшие наносить ядерные удары по американским военным объектам в Восточной Азии, а также по территории СССР вплоть до рубежей Уральских гор и Волги. Ракеты характеризовались весьма низкой степенью боеготовности: так, предстартовая подготовка занимала первоначально 4 часа, в дальнейшем до 2,5 часов. В этот период, несмотря на активные вложения в развитие БРСД и выбранный еще в 1960-х гг. путь к созданию ракетно-ядерных сил, основным видом оперативно развернутого китайского ЯО оставались авиабомбы свободно-

1 Изложение официальной позиции КНР по вопросу о ЯО можно найти, например, в: China's National Statement on Security Assurances // UN.org, April 5, 1995 // <http://www.un.org/Depts/ddar/nptconf/210a.htm>, дата обращения 30.11.2018.

2 Liping Xia (2016) China's Nuclear Doctrine: Debates and Evolution // Carnegie Endowment for International Peace, June 30, 2016 // <http://carnegieendowment.org/2016/06/30/china-s-nuclear-doctrine-debates-and-evolution-pub-63967>, дата обращения 30.11.2018.

го падения, успешное применение которых становилось все более проблематичным из-за военно-технического отставания от СССР и США.

В самом конце 1970-х – начале 1980-х гг. начался следующий этап в строительстве китайских ядерных сил в рамках перехода к доктрине «минимального сдерживания», уже позволявшей Китаю применять ЯО на относительно удалении от своих границ. В этот момент Пекин начинает развертывание новых типов БРСД, дальность которых уже позволяла поражать всю территорию СССР, Аляску, а также значительную часть Европы. В 1982 г. появились шахтные комплексы с первыми китайскими межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР), под ударом которых находились уже практически все районы основной территории США. Параллельно в этот период велись активные работы по созданию китайского тактического ЯО.

На рубеже XX–XXI вв. КНР провела почти революционную модернизацию ядерных сил, резко повысив техническое совершенство используемых вооружений. В этот период, в частности, появились первые китайские мобильные комплексы с твердотопливными ракетами – с повышенной живучестью в ответном ударе и сокращенным временем предстартовой подготовки. Параллельно разрабатывались и новые баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), а также осваивалась технология разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН).

Проводя эту коренную модернизацию, Пекин не делал ставку на резкое количественное наращивание арсена-

лов ЯО – по крайней мере, демонстративно. Однако с 1985 г. в горных районах центрального Китая шло активное строительство масштабной сети скальных укрытий глубокого залегания (так называемой «Великой подземной стены»), предположительно предназначенных для защиты резервов мобильных стратегических носителей ЯО³. Ряд исследователей указывают и на роль этих сооружений в возможном накоплении неучтенного (скрытого) запаса ЯО, что на данный момент не получило надежного подтверждения.

В 2017 г. американские военные подтвердили циркулировавшую до того неофициальную информацию (опирающуюся, в том числе, на фотографии объектов), согласно которой Китай завершает строительство новых радаров системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН)⁴ в провинциях Хэйлунцзян (с ориентацией в северном направлении) и Шаньдун (с ориентацией на юго-юго-восток). Предыдущие эксперименты Китая с созданием систем раннего предупреждения не увенчались успехом. Два объекта, создававшихся с середины 1970-х гг. для наблюдения за ракетными пусками СССР, были заброшены в начале 1990-х гг. из-за недостаточных технических возможностей и сокращения военных расходов в стране [Zhang 2015, p. 105].

Среди экспертов по ядерной стратегии КНР в целом существует согласие относительно того, что в мирное время значительное количество китайских ракет (хотя и не все они) находятся в пониженной боеготовности, в частности – со снятыми боеголовками, которые хранятся отдельно. Нельзя не отметить, что подобная практика дела-

3 Hui Zhang (2012) The Defensive Nature of China's "Underground Great Wall" // Bulletin of the Atomic Scientists, January 16, 2012 // <https://thebulletin.org/defensive-nature-chinas-underground-great-wall>, дата обращения 30.11.2018.

4 Annual Report to Congress (2017). Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017, Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, p. 50 // <https://fas.org/man/eprint/dod-china-2017.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

ет оперативно развернутые стратегические силы особенно уязвимыми к возможным контрсилowym ударам противника. Элементами стратегии по повышению боевой устойчивости СЯС и укреплению потенциала ответного удара являются программы по активной разработке новых мобильных ракетных комплексов, а также создание «Великой подземной стены». Последняя обозначается некоторыми специалистами как средство, призванное обеспечить применение достаточного резерва СЯС в ответном ударе и рассматривается как укрытие для мобильных ракетных комплексов в угрожаемый период⁵.

Создание новых элементов СПРН также укладывается в эту логику. КНР пытается получить возможность как можно раньше определить факт ракетного нападения со стороны противника и передать в пункты постоянной дислокации сигнал тревоги, чтобы мобильные пусковые установки постарались успеть рассредоточиться на местности, тем самым максимально сохраняя потенциал для ответного удара. Пока нет признаков создания в Китае информационно-управляющих систем, достаточных для проведения ответно-встречного удара («запуска по предупреждению»), но последние исследования показывают, что военная мысль КНР поэтапно развивается в направлении разработки и такой модели боевого применения СЯС [Kulacki 2015, p. 4].

Результаты текущего проекта модернизации приведут к полному перевооружению китайских СЯС на мобильные твердотопливные МБР и БРСД нового поколения, оснащенные РГЧ ИН. Создается перспективное боевое оснащение, в частности средства

преодоления ПРО и маневрирующие боевые блоки. Вложения Китая в технологическое совершенствование СЯС настолько велики, что заставляют говорить о постановке отдаленной задачи по достижению стратегического паритета с Россией и США [Кашин 2016, с. 79–80].

Одна из возможных трактовок столь интенсивной «скрытой модернизации» – нарастающая обеспокоенность Пекина американскими программами в области ПРО (в частности, развертыванием компонентов системы ПРО США в Восточной Азии). Следует отметить, что Китай, чей стратегический потенциал во многом опирается на БРСД, куда в большей степени, чем Россия, видит угрозу в американских противоракетных системах Standard SM-3 морского базирования. Развернутые и проходящие сейчас испытания версии этих противоракет (Block IB и Block IIA) не способны перехватывать МБР, но могут бороться с БРСД. Особую озабоченность в Китае вызывает и развитие в США неядерных высокоточных стратегических систем (программа «Быстрый глобальный удар»).

Однако, несмотря на все вышеизложенное, контрсиловой потенциал китайских СЯС по-прежнему довольно ограничен и носит преимущественно региональный характер. В этом варианте он в первую очередь связан с высокоточными БРСД в неядерном исполнении, а также с перспективными разработками гиперзвуковых ракетно-планирующих систем. На данном этапе СЯС Китая ориентированы на контрценностные действия – ядерные удары по крупным городам противника [Cordesman, Kendall, Colley 2016, pp. 9–10; Kulacki 2015, p. 3].

5 Hui Zhang (2012) The Defensive Nature of China's "Underground Great Wall" // Bulletin of the Atomic Scientists, January 16, 2012 // <https://thebulletin.org/defensive-nature-chinas-underground-great-wall>, дата обращения 30.11.2018.

Ядерные боезаряды Китая

Спекуляции о существовании скрытого компонента СЯС Китая в «Великой подземной стене» регулярно порождают дискуссии о реальных объемах выпуска в КНР ядерных боезарядов, тем более что официальный Пекин никогда не публиковал никаких количественных показателей, лишь утверждая, что его ядерный арсенал «невелик». Так, в апреле 2004 г. МИД КНР распространил заявление о том, что страна никогда не участвовала в гонке ядерных вооружений, произвела наименьшее число ядерных испытаний и обладает «самым малым» арсеналом ЯО среди прочих ядерных держав⁶.

Крайние оценки китайского запаса ЯО, предлагаемые исследователями, различаются почти на порядок. Так, у Ф. Карбера, автора одного из спорных исследований по теме «Великой подземной стены», мы читаем о 3000 боезарядов [Karber 2011, p. 331], что, очевидно, крайне завышено и вызывает вопросы к методологии авторской оценки, сводящейся к сопоставлению стоимости длины подземных коммуникаций со стоимостью ядерного боеприпаса, а также к линейной экстраполяции темпов накопления ЯО в Китае с 1970-х гг. до настоящего времени.

При этом более консервативные оценки экспертов опираются на известные сборочные мощности китайского ядерно-оружейного комплекса (в частности, Сычуаньский институт материалов и технологий, он же «завод 903» – единственное известное предприятие по сборке ядерных боеприпасов) [Ka-

шин 2015, с. 158]. Так, оценка экспертов Федерации американских ученых говорит всего лишь о 260 боезарядах [Kristensen, Norris 2016, p. 206].

Спекуляции вокруг объема китайского ядерного арсенала связаны и с расхождениями в оценке количества оружейных материалов, которыми располагает Пекин. По имеющимся сведениям, КНР остановила наработку урана-235 в 1987 г., а плутония-239 – в 1990 г. Однако мнения о накопленном объеме оружейных материалов сильно различаются.

Стандартными в последние годы считаются оценки, выставляемые международной исследовательской группой International Panel on Fissile Materials (IPFM). Длительное время (с конца 2000-х гг.) считалось, что запасы плутония-239 в Китае составляют $1,8 \pm 0,5$ т при общей наработке $2 \pm 0,5$ т (с учетом затрат на ядерные испытания), а запасы урана-235 – 16 ± 4 т при общей наработке 20 ± 4 т (с учетом испытаний и снабжения ядерным топливом реакторов подводных лодок)⁷. В конце 2017 г. оценка была серьезно исправлена: рассчитанный по ней объем плутония оказался куда выше – $2,9 \pm 0,6$ т, а урана – наоборот, чуть ниже (14 ± 3) т⁸. Колебания близких по времени оценок по оружейному плутонию даже внутри одной расчетной модели, таким образом, достигают почти 50%.

Российские военные специалисты выдвигали свою альтернативу этим цифрам. Так, бывший начальник Главного штаба РВСН генерал-полковник В.И. Есин в своих работах приводил следующую оценку наработки оружейных материалов в Китае: до 10 т плуто-

6 Fact Sheet: China: Nuclear Disarmament and Reduction. Ministry of Foreign Affairs of the People Republic of China (2004) // GlobalSecurity.org, April 27, 2004 // https://www.globalsecurity.org/wmd/library/report/2004/prc_nuclear-disarmament-factsheet_27apr2004.htm, дата обращения 30.11.2018.

7 Global Fissile Material Report 2010, Princeton, NJ: International Panel on Fissile Material.

8 Hui Zhang (2017) China's Fissile Material: Production and Stockpile // International Panel on Fissile Materials, 2017 // <http://fissilematerials.org/library/rr17.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

ния-239 и до 40 т урана-235. По его расчетам, этого теоретически достаточно для выпуска 3600 ядерных боезарядов: 2000 плутониевых и 1600 урановых. Реальный потолок производства В.И. Есин оценивал в 1600–1800 зарядов (исходя из гипотезы об использовании 50% наработанного объема оружейных материалов), при этом непосредственно в войсках, по его мнению, могут быть оперативно развернуты не более 800–900 зарядов⁹.

Нормативы расхода оружейных материалов на выпуск боеприпасов деления и термоядерных боеприпасов рассматривались в открытых работах западных и российских специалистов [Cochran 1995, pp. 96–99; Fetter, Frolov, Miller, Mozley, Prilutsky, Rodionov, Sagdeev 1990], а также в материалах, непосредственно посвященных китайской ядерной проблематике¹⁰. Анализ на их основе даже весьма сдержанных оценок IPFM показывает, что Китай обладает значительным потенциалом в области производства ЯО, выходящим за пределы консервативной оценки в 250–300 боезарядов. Поэтому объем наработки расщепляющихся материалов неправомерно считать критически важным ограничивающим фактором развития ядерных сил КНР.

Проблема точного установления количества ядерных боезарядов в КНР тесно связана с определением факта достижения условного порогового статуса, по преодолению которого Пекин более не сможет аргументировать отказ от участия в переговорах по ядерному разоружению небольшим размером своего арсенала.

Стратегические ядерные силы Китая

Особенности положения Китая состоят в том, что систему ядерного сдерживания ему необходимо выстраивать в отношении двух ядерных сверхдержав (России и США) и региональной ядерной державы (Индии) фактически по круговой схеме. Это накладывает отпечаток на структуру стратегических ядерных сил, в которых исторически прослеживаются два контура: условно внутриконтинентальный (против СССР/России, Индии и региональных баз США в Восточной Азии) и межконтинентальный (против основной территории США).

К середине 1980-х гг. Китай завершил первый этап развития своих СЯС. Боевыми средствами были, соответственно, жидкостные БРСД наземного либо шахтного старта и жидкостные шахтные МБР. Второй этап создания СЯС завершается в данный момент, он связан с переходом на мобильные твердотопливные ракетные системы. Морской компонент ядерных сил сдерживания развивался в отдельном цикле и довольно медленно. Только с середины 2010-х гг. стало можно говорить о том, что Китай получил применимый на практике потенциал ответного ядерного удара, основанный на использовании БРПЛ.

Основными китайскими МБР с 1982 г. остаются ракеты DF-5 шахтного базирования, развернутые в количестве около 20 единиц. Тяжелая жидкостная ракета оснащается моноблочной боевой частью мегатонного класса

9 Есин В. (2012) Третий после США и России // Военно-промышленный курьер. № 17(434) // <https://vpk-news.ru/articles/8838>, дата обращения 30.11.2018.

10 Hui Zhang (2012) The Defensive Nature of China's "Underground Great Wall" // Bulletin of the Atomic Scientists, January 16, 2012 // <https://thebulletin.org/defensive-nature-chinas-underground-great-wall>; Hui Zhang (2018) Why China Stopped Making Fissile Material for Nukes // Bulletin of the Atomic Scientists, March 15, 2018 // <https://thebulletin.org/why-china-stopped-making-fissile-material-nukes11610>, дата обращения 30.11.2018.

и имеет дальность около 13000 км. Боеготовность ракет достаточно низкая – так, перед стартом они требуют заправки топливом, что удлинит время подготовки до 30–60 минут. К середине 2010-х гг. Китай модернизировал половину из этих ракет (DF-5B), что предполагает в том числе установку РГЧ ИН с тремя боевыми блоками среднего класса мощности. Также сообщалось об испытании новой версии DF-5C, предназначенной для несения 10 боевых блоков (предположительно, малого класса мощности). Однако сообщений о постановке таких ракет на боевое дежурство пока не поступало¹¹.

С 2006 г. Китай начал развертывание мобильных твердотопливных МБР¹² DF-31. Исходная версия этой ракеты имеет дальность 7250 км, а модернизированная DF-31A – до 11200–12300 км. Ракеты со стартовым весом не менее 42 т оснащены моноблочными боевыми частями среднего или повышенного класса мощности (от нескольких сотен кт до 1 Мт). По энергомассовым характеристикам DF-31/DF-31A в первом приближении сопоставимы с российскими МБР из состава комплексов РТ-2ПМ «Тополь» и РТ-2ПМ2 «Тополь-М», хотя китайские комплексы уступают российским по ряду параметров, в частности по точности, реализованным мерам преодоления ПРО и проходимости пусковых установок.

Развернуто не менее 35 ракет этих типов. Российские военные эксперты отмечают [Есин 2012, с. 32], что соеди-

нения, вооруженные DF-31, поддерживаются в высокой боеготовности, а это, в частности, может означать несение боевого дежурства с установленными головными частями (что нехарактерно для китайских СЯС).

В августе 2017 г. на параде в Пекине продемонстрировали новую версию DF-31AG, ранее также именовавшуюся DF-31B. Эта ракета предположительно оснащена РГЧ ИН с тремя боевыми блоками среднего класса мощности, а вместо полуприцепа, как у предыдущих версий, размещается на автотягаче повышенной проходимости.

В роли основной МБР устаревшую DF-5 должна будет заменить перспективная DF-41, разработка которой была начата еще в 1980-е гг. Изделие имеет массу около 80 т и предназначено для старта с мобильных пусковых установок: автотягача или железнодорожного комплекса. Энергомассовые характеристики, заявленные для ракеты DF-41, близки к аналогичным параметрам американской МБР Peacekeeper (MX), что подразумевает высокий уровень технологического совершенства. Однако открытым остается вопрос о реальном значении веса полезной нагрузки, забрасываемой на полную дальность (12000 км).

В обоих пусках DF-41, где испытывалась ступень разведения, внешние средства наблюдения фиксировали только две массивные цели¹³. Предположительно, это были массогабаритные имитаторы боевых блоков средне-

11 Gertz B. (2017) China Tests Missile with 10 Warheads // The Washington Free Beacon, January 31, 2017 // <http://freebeacon.com/national-security/china-tests-missile-10-warheads/>, дата обращения 30.11.2018.

12 Здесь следует подчеркнуть различие в классификации, вызванное, в том числе, и особенностями боевого применения. Первая версия DF-31 имеет дальность 7250 км, а по принятой в России и США терминологии баллистические ракеты с дальностью более 5500 км именуются МБР. Однако в самом Китае межконтинентальными считают только ракеты с дальностью более 8000 км, а изделия, попадающие в диапазон 3000–8000 км, называют «ракетами большой дальности» [Lewis, Di 1992].

13 Gertz B. (2015) China Tests New Long-Range Missile with Two Guided Warheads // The Washington Free Beacon, August 18, 2015 // <http://freebeacon.com/national-security/china-tests-new-long-range-missile-with-two-guided-warheads/>; Gertz B. (2016) China Flight Tests New Multiple-Warhead Missile // The Washington Free Beacon, April 19, 2016 // <http://freebeacon.com/national-security/china-flight-tests-multiple-warhead-missile/>, дата обращения 30.11.2018.

го класса мощности, аналогичных тем, что устанавливаются на DF-5B и DF-31A [Kristensen, Norris 2016, p. 208]. Однако, по сообщениям китайских СМИ, DF-41 должна нести 10 боевых блоков. Если речь не идет о преднамеренной дезинформации, то это может свидетельствовать о разработке в Китае боевых блоков малого класса мощности, при этом их уровень технологического совершенства должен не уступать американским (W76) или российским аналогам.

Первая ракетная бригада с DF-41 была поставлена на опытно-боевое дежурство в январе 2017 г. в провинции Хэйлунцзян, непосредственно возле границы с Россией. Выбор этого района развертывания, наблюдаемого и уязвимого, нередко трактуют как политико-психологический жест, который должен продемонстрировать России ненаправленность DF-41 против нее. Напомним, однако, что DF-41 предположительно включена в контур боевых средств, в первую очередь предназначенных для поражения континентальной территории США, что делает этот жест чисто символическим. Для решения задач сдерживания России Китай использует другие ракеты, в том числе упомянутые выше DF-31.

Заметную часть потенциала СЯС КНР составляют БРСД. На этот компонент возложены задачи регионального сдерживания. Следует отметить, что китайские БРСД первыми получили новые качественные возможности по нанесению контрсиловых ударов, включая установку высокоточных корректируемых боевых блоков в неядерном исполнении.

Китайские БРСД предыдущего поколения представлены 7–10 ракетами DF-4 (дальность до 5500 км, оснащены моноблоками мощностью 2–4 Мт), которые постепенно замещаются МБР DF-31. Наиболее многочисленные ки-

тайские БРСД – ракеты DF-21 четырех различных модификаций, размещаемые на мобильных пусковых установках. В частности, Китай развернул не менее 80 БРСД DF-21A/DF-21B с моноблочными ядерными боевыми частями среднего класса мощности и дальностью 1770–2150 км [Kristensen, Norris 2016, p. 206]. Кроме этого, еще не менее 60 ракет типов DF-21C и DF-21D предположительно не оснащаются ядерными боевыми частями. DF-21D предназначена для поражения надводных кораблей и несет управляемый боевой блок с радиолокационной корректировкой на терминальном участке траектории.

В 2017 г. в войска начала поступать новая БРСД DF-26 с дальностью до 4000 км, получившая в американской прессе громкое прозвище «убийца Гуама». Эта ракета может оснащаться ядерными боезарядами, но пока нет надежной информации о том, что это произошло. При этом боевой блок DF-26 предположительно схож с управляемым боевым блоком DF-21D и также может применяться для нанесения ударов по надводным кораблям.

Важным компонентом развития китайских СЯС являются программы создания высокоточных маневрирующих боевых блоков для БРСД. Следующим шагом станет создание гиперзвуковых планирующих крылатых блоков. Проект WU-14 (DF-ZF) предусматривает разработку такого блока сначала для БРСД, а в дальнейшем и для МБР; на данный момент с 2014 г. проведены семь его испытаний.

Морской компонент стратегической триады КНР еще только развивается. Первая лодка-ракетоносец проекта 092 (типа «Ся») была введена в строй еще в 1987 г. Она оснащалась 12 БРПЛ JL-1 с дальностью около 1700 км. Лодка осталась единственной в своем типе, так как оказалась крайне неудачной

по конструкции, неудобной в эксплуатации и так и не вышла на уровень боеготовности, достаточный для регулярного ведения боевого патрулирования. На данный момент считается, что она выведена из состава флота.

С 2007 г. Китай начал передавать флоту новые ракетноносцы проекта 094 (типа «Цзинь»). Они несут 12 БРПЛ JL-2 с дальностью до 7200–8000 км, которые оснащаются моноблочными боевыми частями среднего или повышенного класса мощности. К 2015 г. в строй были введены четыре лодки этого типа; к этому же времени ракетный комплекс JL-2 достиг требуемой оперативной готовности и ракетноносцы начали регулярно выходить на боевое дежурство.

Летом 2016 г. была впервые сфотографирована лодка измененной конструкции, обозначенная как проект 094А. Ее особенностью является увеличенный «горб» ракетного отсека, что связано с размещением нового ракетного комплекса. Наблюдатели расходятся в том, идет ли речь о модификации JL-2С либо о перспективном комплексе JL-3 (который пока находится на ранней стадии разработки).

Авиационный компонент стратегической триады когда-то был главным носителем китайского ЯО, но сейчас эта функция практически полностью утрачена. Так, американские военные отмечают, что китайские ВВС на данный момент, вероятно, вовсе не имеют задач по применению ЯО¹⁴. Самолеты-носители китайских ядерных авиабомб – бомбардировщики Н-6, созданные на основе советских Ту-16 – проходят переоборудование в носители высокоточных крылатых ракет CJ-10 и переориентируются на решение задач неядерного сдерживания. CJ-10 теорети-

чески могут оснащаться ядерными боевыми частями, но на данный момент надежных свидетельств этому нет.

В 2015–2016 гг. в Китае прошла реформа военного управления, завершившаяся переименованием «Второй артиллерии» («Второго артиллерийского корпуса НОАК», концентрировавшего в себе ракетно-ядерный потенциал КНР) в Ракетные войска НОАК с одновременным приданием им статуса одного из пяти видов вооруженных сил. Специалисты отмечают, что реформа не совсем вписывается в прежние доктринальные воззрения, связанные с «минимальным сдерживанием», в т.ч. ставит под вопрос продолжение ведения боевого дежурства ракет со снятыми ядерными боевыми частями и однозначно является шагом на пути к созданию системы боевого дежурства СЯС по аналогии с другими крупными державами [Кашин 2016, с. 84].

Китай и нестратегическое ядерное оружие

Ситуация с нестратегическим ЯО КНР изучена сравнительно слабо. Пекин, впрочем, никогда не подтверждал обладание таким оружием. Западные и отечественные оценки арсеналов китайского нестратегического ЯО с 1970-х гг. в периодически колебались от уровня в несколько сотен боезарядов до отрицания самого факта существования такого класса ядерных вооружений в КНР.

С 1970-х гг. в рамках подготовки к возможному сухопутному конфликту с СССР Китай вел разработку нескольких типов маломощных ядерных боезарядов для авиации и такти-

14 Annual Report to Congress (2017). Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2017, Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, p. 61 // <https://fas.org/man/eprint/dod-china-2017.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

ческих баллистических ракет. Испытания плутониевых зарядов деления с выходом мощности 8–15 кт велись в 1971–1972 гг. на полигоне Лобнор [Kristensen, Norris, McKinzie 2006, pp. 101–102]. Известно также, что в 1980-е гг. в Китае успешно реализовали программу создания нейтронного оружия [Ray 2015]. В частности, к 1988 г. был разработан и испытан нейтронный боезаряд мощностью 3–4 кт (предположительно, для артиллерийского снаряда), однако серийное производство и накопление боеприпасов этого типа в связи с кардинальным изменением военно-политической ситуации не велось [Кашин 2016, с. 82–83].

Обладание тактическим ЯО рассматривалось Пекином как средство сдерживания при возможном вторжении в Китай. В начале 1980-х гг. этой проблеме был посвящен целый ряд учений, закончившихся в июне 1982 г. крупными общевойсковыми маневрами в Нинся-Хуэйском автономном районе. В этой серии учений отрабатывались действия сухопутных войск в условиях применения ЯО малой мощности. Характерно, что американская разведка в 1980-е гг. отмечала «избыточное производство оружейных материалов», выходящее за пределы потребностей стратегических программ, полагая это косвенным подтверждением создания Китаем тактических ядерных систем [Kristensen, Norris, McKinzie 2006, pp. 99–100].

Также неясно, разрабатывались ли и производились ли серийно иные виды нестратегического ЯО, включая ядерные торпеды, морские мины и глубинные бомбы, инженерные фугасы, а также боеголовки для зенитных ракет. Оценки американской военной разведки допускали создание в 1980-х гг. ядерных инженерных фугасов (около 50 единиц) и глубинных бомб, но при этом исключали создание ядерных сна-

рядов для ствольной артиллерии (что входит в противоречие с другими источниками), ядерных ракет «воздух-воздух» и торпед [Kristensen, Norris, McKinzie 2006, pp. 99–100].

В качестве возможных нестратегических носителей ядерных боеголовок на данный момент принято рассматривать оперативно-тактические ракеты DF-11 (с дальностью 300–700 км в зависимости от версии), DF-15 (с дальностью до 900 км) и DF-16 (до 1000 км), а также крылатые ракеты DH-10 (версия CJ-10 наземного старта с дальностью не менее 1500 км). По ряду оценок, общее количество боезарядов для оперативно-тактических баллистических ракет и крылатых ракет может достигать 150 единиц [Cordeman, Kendall, Colley 2016, p. 20]. Однако нет достоверных сведений об их реальном наличии. При этом некоторые источники указывают, что в арсеналах тактической авиации ВВС Китая дополнительно может находиться до 320 ядерных авиабомб нескольких модификаций с максимальным выходом до 20 кт [Есин 2012, с. 30]. Однако их носители, устаревшие истребители-бомбардировщики Q-5А, имевшиеся в количестве около 30 единиц, выводятся из боевого состава [Кашин 2015, с. 156].

Перспективы участия Китая в режимах контроля над вооружениями

Китай не брал на себя обязательств по контролю над вооружениями, аналогичных тем, которые с начала 1970-х гг. принимали США и СССР/Россия, – за исключением присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия в 1992 г. Китайское военно-политическое руководство двойственно относится к потенциальному вхождению

страны в такие обязывающие договоренности.

С одной стороны, официальная позиция КНР сводится к тому, что необходима полная ликвидация ЯО во всем мире. Соответственно, любые шаги в направлении дальнейшего ядерного разоружения встречают позитивную оценку в Пекине. С другой стороны, китайские военные указывают на то, что ведущие ядерные державы могут воспользоваться процессом ядерного разоружения, чтобы законсервировать свое пропорциональное превосходство, ослабив конкурентов. В Китае оценивают свой потенциал ядерного сдерживания как сравнительно хрупкий и потому потенциально подверженный сильному влиянию со стороны внешних ограничителей, в роли которых выступают контрольные режимы. Поэтому, заключают в Пекине, вхождение страны в эти режимы должно вестись рационально и только при условии принятия ядерными сверхдержавами проверяемых встречных обязательств [Kulacki 2015, pp. 4–6].

Китайская сторона неоднократно декларировала готовность публиковать количественные сведения о своих ядерных силах и участвовать в переговорах по разоружению. Однако в качестве предварительных условий Пекин выдвигает ряд довольно серьезных требований, реалистичность выполнения которых на данном этапе вызывает обоснованные сомнения. Так, Китай требует от России и США официально отказаться от права применения ядерного оружия первыми, а также дополнительно сократить свои ядерные арсеналы [Арбатов 2012, с. 54, 63].

Очень трудно воспринимать этот набор требований как рациональную переговорную позицию. Скажем, публикация официальных сведений о китайских ядерных силах не облегчит США или России решение гипотетиче-

ской задачи организации контрсилowego удара по Китаю. Здесь речь следует вести скорее о традиционных особенностях китайской ядерной стратегии, которые сохраняются с самых ранних этапов ее появления и иногда характеризуются исследователями как «сдерживание через неопределенность». Предварительное сокращение ядерных сил сверхдержав в условиях нерешенности проблемы реального числа боезарядов и носителей у КНР лишено практического смысла для Москвы и Вашингтона. Намеренно завышая порог входных требований, Пекин, по сути, ведет жесткую торговлю, предлагая заинтересованным в сотрудничестве с ним странам убедить его весомыми уступками [Арбатов 2012, с. 64]. Все вместе это может свидетельствовать о том, что на данный момент Пекин лишен достаточно сильной самостоятельной мотивации подключаться к международным режимам по контролю за вооружениями.

Выдвижение Китаем таких требований во многом подчеркивает значительный объем противоречий, которые Россия и США накопили в двусторонних отношениях и в реализации на практике действующих контрольных режимов. Так, озабоченность Пекина вызывают и острые вопросы российско-американских отношений – в частности, американская система ПРО и особенно развитие стратегических вооружений в неядерном оснащении (программа «Быстрого глобального удара»). Напомним, что в Китае на доктринальном уровне продекларировано неприменение ЯО в ответ на нападение, осуществленное неядерными средствами.

Помимо ПРО и неядерных стратегических вооружений, само поднятие вопроса о реальных размерах китайского ядерного арсенала может вернуть на повестку дня застарелую рос-

сийско-американскую проблему «возвратного потенциала». Во всяком случае, требование Китая о контролируемых сокращениях ЯО в США и России как предварительном условии вступления в переговоры можно трактовать и так.

При этом сам Китай на случай возобновления в мире гонки вооружений обладает серьезным резервом возможностей. Завершение модернизации СЯС с внедрением на ракеты РГЧ ИН позволяет существенно нарастить потенциал – ровно так же, как это случилось в 1970-е гг. в СССР и США [Арба-*тов, Дворкин* 2013, с. 38].

Перспективы включения Китая в гипотетические трехсторонние переговоры с Россией и США будут зависеть от того, насколько успешным окажется взаимодействие Москвы и Вашингтона на следующем этапе, где должна состояться выработка новых правил на период после окончания действия (либо продления) Пражского договора об ограничении и сокращении наступательных вооружений (подписан в 2010 г.). Чем дольше стороны будут затягивать решение этой проблемы, тем сильнее будут подвергаться эрозии действующие контрольные режимы и тем слабее Пекин будет мотивирован участвовать в многосторонних форматах.

***

Ядерные силы КНР претерпевают очень серьезную эволюцию. Она связана как с изменением организационных форм, так и с совершенствованием имеющихся систем вооружений. Сочетание этих факторов ставит перед китайскими военными задачу поиска и освоения новых форм боевого применения ЯО.

Начавшееся в форме длительной разработки боевых ракетных комплексов нового поколения, совершенство-

вание ядерных сил Китая в настоящий момент, возможно, вступает в стадию приведения доктринальных воззрений в соответствие с новыми военно-техническими возможностями. Особенно это заметно на примере создания целых отраслей, ранее практически исключенных из повестки ядерной стратегии (СПРН и ядерного компонента морского базирования, возможно – системы, обеспечивающей успешное проведение ответно-встречного удара), а также в разрезе интенсификации создания принципиально новых систем стратегических вооружений (таких как гиперзвуковые планирующие крылатые блоки).

Одним из магистральных направлений, безусловно, остается задача обеспечения боевой устойчивости СЯС и их выживания в ответном ударе. С этим направлением связан обостренный интерес китайских экспертов к американским программам ПРО, а также к созданию в США новых типов неядерных ударных вооружений (гиперзвуковых).

Китай и сам развивает систему неядерного сдерживания, подробное рассмотрение которой выходит за рамки нашей статьи, но которая непосредственно коррелирует с совершенствованием ядерных сил.

Ближайшее десятилетие станет ключевым в вопросе о статусе китайских ядерных сил. На данный момент налицо все организационные и военно-технические предпосылки и признаки их зарождающейся трансформации в боевую систему с принципиально новыми возможностями, приближающимися к возможностям ядерных сверхдержав пусть не количественно, но качественно. На этом пути могут сформироваться условия для проведения многосторонних переговоров по ограничению и сокращению ядерных вооружений.

Список литературы

Арбатов А.А. (2012) Перспективы подключения КНР к ограничению ядерных вооружений // Арбатов А.А., Дворкин В.З., Ознобищев С.К. (ред.) Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений. М.: ИМЭМО РАН. С. 52–67.

Арбатов А.А., Дворкин В.З. (2013) Большой стратегический треугольник. М.: Московский центр Карнеги.

Есин В.И. (2012) Ядерная мощь КНР // Арбатов А.А., Дворкин В.З., Ознобищев С.К. (ред.) Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений. М.: ИМЭМО РАН. С. 27–35.

Кашин В. (2015) К вопросу о масштабах производства стратегических вооружений в КНР: международное значение // Сафронова Е.И. (ред.) Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. 20. М.: ИДВ РАН. С. 154–172.

Кашин В.Б. (2016) Развитие ядерных сил Китая: начало глубокой трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 9. № 4. С. 77–94.

Baohui Zhang (2015) China's Assertive Nuclear Posture: State Security in an Anarchic International Order, New York: Routledge.

Cochran T.B. (1995) The Problem of Nuclear Energy Proliferation // Energy and National Security in the 21st Century (ed. Clawson P.L.), Washington, DC: National Defense University Press, pp. 95–114.

Cordesman A., Kendall J., Colley S. (2016) China's Nuclear Forces and Weapons of Mass Destruction, Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.

Fetter S., Frolov V.A., Miller M., Mozley R., Prilutsky O.F., Rodionov S.N., Sagdeev R.Z. (1990) Detecting Nuclear

Warheads // Science & Global Security, vol. 1, no 3–4, pp. 225–253.

Karber P.A. (2011) Strategic Implications of China's Underground Great Wall, Washington, DC: Georgetown University, Asia Arms Control Project.

Kristensen H.M., Norris R.S. (2016) Chinese Nuclear Forces, 2016 // Bulletin of the Atomic Scientists, vol. 72, no 4, pp. 205–211.

Kristensen H.M., Norris R.S., McKinzie M.G. (2006) Chinese Nuclear Forces and U.S. Nuclear War Planning, Washington, DC: Federation of American Scientists, Natural Resources Defense Council.

Kulacki G. (2015) The Chinese Military Updates China's Nuclear Strategy, Cambridge, MA: Union of Concerned Scientists.

Lewis J., Hua Di (1992) China's Ballistic Missile Program // International Security, vol. 17, no 2, pp. 5–40.

Lewis J., Xue Litai (2012) Making China's Nuclear War Plan // Bulletin of the Atomic Scientists, vol. 68, no 5, pp. 45–65.

Li Bin (2001) The Impact of the U.S. NMD on the Chinese Nuclear Modernization, Beijing: Institute of Science and Public Affairs, China Youth College for Political Science.

Ray J. (2015) Red China's "Capitalist Bomb": Inside the Chinese Neutron Bomb Program, Washington, DC: National Defense University Press.

Saalmann L. (2017) Factoring Russia into the U.S.–Chinese Equation on Hypersonic Glide Vehicles // SIPRI Insights on Peace and Security, no 1 // <https://www.sipri.org/publications/2017/sipri-insights-peace-and-security/factoring-russia-us-chinese-equation-hypersonic-glide-vehicles>, дата обращения 29.11.2018.

Wu Riqiang (2013) Certainty of Uncertainty: Nuclear Strategy with Chinese Characteristics // Journal of Strategic Studies, vol. 36, no 4, pp. 579–614.

The Nuclear Forces and Nuclear Strategy of the People's Republic of China

Konstantin V. BOGDANOV

PhD in Engineering, Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences.

Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: cbogdanov@gmail.com

CITATION: Bogdanov K.V. (2018) The Nuclear Forces and Nuclear Strategy of the People's Republic of China. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 81–95 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-81-95

ABSTRACT. *The focus of the Chinese nuclear strategy is still unclear and the actual size of nuclear arsenals of the PRC has never been published officially. According to the official Chinese nuclear policy, the PRC can use nuclear weapons only as means of “effective retaliation” in the credible second strike.*

Despite the official Chinese stance, we have to recognize that the PRC now is the third nuclear power in the world. That follows from the pragmatic assessment of the size of its nuclear arsenals and the variety of nuclear weapons, which China managed to design and deploy. Note that China is the only permanent member of the U.N. Security Council which has been actively improving and expanding its nuclear arsenals after the demise of the bipolar world.

For many years the development of the Chinese nuclear forces had lagged behind the pace of the arms race set by the U.S. and U.S.S.R. The things had changed since the 1990s. Against the background of the superpowers' deep cuts of nuclear weapons the PRC managed the radical modernization of its nuclear forces, and their shape has changed drastically. A full-scale deployment of the improved mobile solid-propellant IRBM, SLBM and ICBM raises the Chinese nuclear forces to a new level. According to some assessments, China may work to achieve strategic parity with the U.S. and Russia.

At the same time, the PRC is almost not bound by obligations of the international arms control regimes, apart of the Non-Proliferation Treaty. Intense modernization of the strategic nuclear forces and lack of obligations are raising an issue of China's involvement in international arms control regimes. It seems reasonable to conduct the pilot trilateral negotiations (China, Russia, and U.S.) on precision-guided hypersonic weapons, boost-glide in particular.

KEY WORDS: *China, nuclear weapons, nuclear strategy, strategic nuclear forces, tactical nuclear weapons, multilateral disarmament negotiations*

References

Arbatov A.A. (2012) The Prospects of Engaging China in Nuclear Arms Limitation. *Perspektivy uchastiya Kitaya v ogranichenii yadernykh vooruzhenij* [Prospects of China's Participation in Nuclear Arms Limitations] (eds. Arbatov A.A., Dvorkin V.Z., Oznobishchev S.K.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 52–67.

Arbatov A.A., Dvorkin V.Z. (2013) *Bol'shoj strategicheskij treugol'nik* [The Great Strategic Triangle], Moscow: Carnegie Moscow Center.

Baohui Zhang (2015) *China's Assertive Nuclear Posture: State Security in an Anarchic International Order*, New York: Routledge.

Cochran T.B. (1995) The Problem of Nuclear Energy Proliferation. *Energy and National Security in the 21st Century* (ed. Clawson P.L.), Washington, DC: National Defense University Press, pp. 95–114.

Cordesman A., Kendall J., Colley S. (2016) *China's Nuclear Forces and Weapons of Mass Destruction*, Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.

Esin V.I. (2012) Yadernaya moshh' KNR [China's Nuclear Capabilities]. *Perspektivy uchastiya Kitaya v ogranichenii yadernykh vooruzhenij* [Prospects of China's Participation in Nuclear Arms Limitations] (eds. Arbatov A.A., Dvorkin V.Z., Oznobishchev S.K.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 27–35.

Fetter S., Frolov V.A., Miller M., Mozley R., Prilutsky O.F., Rodionov S.N., Sagdeev R.Z. (1990) Detecting Nuclear Warheads. *Science & Global Security*, vol. 1, no 3–4, pp. 225–253.

Karber P.A. (2011) *Strategic Implications of China's Underground Great Wall*, Washington, DC: Georgetown University, Asia Arms Control Project.

Kashin V.B. (2015) K voprosu o masshtabakh proizvodstva strategicheskikh vooruzhenij v KNR: mezhdunarodnoe znachenie [On the Scale of Strategic Nuclear Weapons' Production in China: International Context]. *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'*. Vyp. 20 [China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue 20] (ed. Safronova E.I.), Moscow: IDV RAN, pp. 154 – 172.

Kashin V.B. (2016) Razvitie yadernykh sil Kitaya: nachalo glubokoj transformatsii [The Development of Chinese Nuclear Forces: Start of a Deep Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no 4, pp. 77–94.

Kristensen H.M., Norris R.S. (2016) Chinese Nuclear Forces, 2016. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 72, no 4, pp. 205–211.

Kristensen H.M., Norris R.S., McKinzie M.G. (2006) *Chinese Nuclear Forces and U.S. Nuclear War Planning*, Washington, DC: Federation of American Scientists, Natural Resources Defense Council.

Kulacki G. (2015) *The Chinese Military Updates China's Nuclear Strategy*, Cambridge, MA: Union of Concerned Scientists.

Lewis J., Hua Di (1992) China's Ballistic Missile Program. *International Security*, vol. 17, no 2, pp. 5–40.

Lewis J., Xue Litai (2012) Making China's Nuclear War Plan. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 68, no 5, pp. 45–65.

Li Bin (2001) *The Impact of the U.S. NMD on the Chinese Nuclear Modernization*, Beijing: Institute of Science and Public Affairs, China Youth College for Political Science.

Ray J. (2015) *Red China's "Capitalist Bomb": Inside the Chinese Neutron Bomb Program*, Washington, DC: National Defense University Press.

Saalman L. (2017) Factoring Russia into the U.S.–Chinese Equation on Hypersonic Glide Vehicles. *SIPRI Insights on Peace and Security*, no 1. Available at: <https://www.sipri.org/publications/2017/sipri-insights-peace-and-security/factoring-russia-us-chinese-equation-hypersonic-glide-vehicles>, accessed 29.11.2018.

Wu Riqiang (2013) Certainty of Uncertainty: Nuclear Strategy with Chinese Characteristics. *Journal of Strategic Studies*, vol. 36, no 4, pp. 579–614.

В национальном разрезе

Ядерная программа Израиля

Татьяна Анисимовна КАРАСОВА

кандидат исторических наук, руководитель отдела Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН. Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.
E-mail: karasovat@list.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Карасова Т.А. (2018) Ядерная программа Израиля // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 96–108.
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-96-108

АННОТАЦИЯ. Общеизвестно, что Израиль обладает ядерным потенциалом, однако существование ядерной программы никогда не было им подтверждено. Историки, исследовавшие эту тему, долгое время были вынуждены в основном опираться на некоторые немногочисленные правительственные документы США и на устные свидетельства тех, кто обладал непосредственной информацией об израильской ядерной программе, являющейся неотъемлемой частью его долгосрочной стратегии национальной безопасности. Однако недавно рассекреченные военным ведомством США документы конца 1980-х гг. только подтвердили то, что уже было давно известно – наличие у Израиля атомного оружия и фактически негласное признание его ядерной державой¹. Эти документы относительно состояния ядерного арсенала Израиля имеют большое политическое значение, особенно в связи с отношением Израиля к иранской ядерной программе. Обеспечение национальной безопасности было первоочередной задачей Израиля в течение семи десятилетий противостояния угрозам терроризма, использовавшего ракетный арсенал, и даже потенциальным ядерным угро-

зам. Национальная доктрина безопасности израильского государства в широком смысле призвана защищать и обеспечивать его государственные интересы и население страны. Одна из главных черт современной ядерной программы Израиля – это особые отношения между Израилем и США, которые выступают гарантом безопасности еврейского государства. Целью данной статьи является описание и анализ стратегической ядерной концепции в исторической перспективе. Израиль долгое время придерживается политики непрозрачности своей ядерной программы. Единственно, что было заявлено руководством страны – Израиль не будет первым применять ядерное оружие на Ближнем Востоке и Израиль должен оставаться единственной ядерной державой в регионе. В настоящее время последний постулат оспаривается развитием ядерной программы в Иране. Израиль считает Иран своим главным геополитическим противником. Если Иран станет обладателем ядерного оружия, правила игры в регионе изменятся, усилится угроза распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке. Израиль также видит угрозу превращения Ирана в более мощ-

1 Pentagon Recognizes "Officially" that Israel Is a Nuclear Power. Declassified Document (n/y) // Geopolitica.ru // <https://www.geopolitica.ru/en/776-pentagon-recognizes-officially-that-israel-is-a-nuclear-power-declassified-document.html>, дата обращения 30.11.2018.

ную региональную силу. Израильское руководство особенно настойчиво выражало свой протест против достигнутого при президенте Б. Обаме в 2015 г. международного Соглашения по ядерной программе Ирана, так как считало, что если даже Иран действует в соответствии с реальным пониманием своих национальных интересов, он все-таки, возможно, не поддастся дипломатическим усилиям, призванным остановить его ядерную программу. В настоящее время, когда международное давление на Иран усиливается, необходимо уделять особое внимание ядерным возможностям Израиля и тем вызовам миру на Ближнем Востоке, которые проистекают в связи с его ядерной программой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: израильская концепция национальной безопасности, ядерная доктрина, ядерное сдерживание, политика непрозрачности, внешняя политика, стратегия

История возникновения и развития Государства Израиль имеет ряд характерных только для этой страны особенностей, которые во многом определяли уникальность задач, стоявших перед политическим руководством и израильским обществом. В догосударственный период небольшой по численности еврейской общине (ишуву) в Палестине прежде всего необходимо было создать экономические и политические предпосылки для создания своего государства. Стояли задачи: создать из разрозненных иммигрантов единый народ со своим языком, освоить неплодородные земли Палестины, развить рабочий класс и промышленность, подготовить зачатки управленческого и партийного аппарата и создать ядро будущей армии. Все эти процессы шли в условиях несвободы под управлением британского мандата, против которого ишув за обретение своей независимости вел во все большем объ-

еме вооруженную борьбу. Кроме того, само существование еврейской общины вызывало враждебность со стороны арабского населения Палестины, что выражалось в нападениях на евреев и зачастую переходило в вооруженные стычки. Борьба против британских властей и обеспечение безопасности своего населения от нападений со стороны арабов диктовали еще в тот период создание вооруженных отрядов и, по существу, подпольной еврейской армии Хагана.

Общеизвестно, что план ООН по разделу Палестины и создания Государства Израиль не был принят соседними арабскими странами, немедленно начавшими с ним войну (Война за независимость 1948–1949 гг.). Советский Союз, поддержавший создание Израиля, поставлял (через Чехословакию) оружие стране, отстаивавшей только что обретенную независимость. После победы в той войне новая реальность определяла развития страны в условиях враждебности со стороны как соседних, так и всех арабских стран ближневосточного региона, не признавших права на его существование. Это привело к возникновению и развитию самого долгого в истории арабо-израильского, а затем палестино-израильского конфликта, что на доктринальном уровне выразилось в концепции «враждебного окружения» Израиля, требующего развития и поддержания стратегии национальной безопасности как условия выживания государства. Таким образом, вопросы обеспечения безопасности и укрепления обороны с самого начала стояли в центре задач нового государства.

Рассмотрим концептуальную базу израильской стратегии национальной безопасности (КНБИ). Она определялась как система государственных, экономических и иных мер, направленных на сохранение и развитие формирующейся израильской нации. Понятие КНБИ имеет комплексный характер и

при ее анализе необходимо учитывать исторические, политические и географические особенности государства, внутреннюю обстановку, региональную и глобальную ситуацию, роль лидеров, роль внешних государственных акторов и негосударственных игроков [Romm 1993 p. 6]. Национальная безопасность предлагает более широкое определение – «это состояние страны, при котором отсутствуют или обеспечивается надежное устранение внешних и внутренних угроз жизненно важным интересам личности, общества и государства» [Кортунов 2007, с. 20].

Концепция национальной безопасности Израиля формировалась постепенно. С годами она приобретала новые элементы, уточнялась, исправлялась, гибко реагируя на меняющуюся политическую реальность, но при этом сохранялись ее главные составляющие: соотношение самостоятельности и самодостаточности с необходимостью ориентации на внешнюю поддержку, прежде всего со стороны США. Общая стратегия национальной безопасности Израиля была сформулирована на базе основных принципов: качественное превосходство в конвенциональных средствах ведения войны; ядерное сдерживание; особые отношения с ведущими в то время мировыми державами (Францией и США); технологическое и экономическое превосходство над потенциальными противниками.

Обороноспособность занимает в концепции национальной безопасности любого государства центральное место, но только в Израиле долгое время она считалась основным компонен-

том выживания государства. Поэтому в рамках общей стратегии начала разрабатываться израильская «доктрина безопасности» (the security doctrine), которая в точности отвечала комплексным задачам построения сильных вооруженных сил, обеспечения оборонного потенциала стран, а также создания инфраструктурных возможностей отражения атак в масштабе всей страны². Она была разработана на базе учета следующих условий³. Население Израиля уступает по численности странам-соседям, и это означало, что Израиль будет вынужден вести войну с противником, превосходящим его в живой силе. Спор Израиля с соседними государствами состоял не только в проблеме урегулирования границ, но и в том, что противник не принимал самого факта существования еврейского государства. Противники Израиля были готовы вести войну на уничтожение. Принимая во внимание эти обстоятельства, Израиль мог рассчитывать на победу только в случае быстрого выведения из строя системы стратегического управления (военной инфраструктуры) противника. Полностью уничтожить врага на поле боя было практически невозможно⁴.

Главным разработчиком концепции национальной безопасности и военной доктрины Израиля по праву считается первый израильский премьер-министр Давид Бен-Гурион. Исходя из этих условий, Бен-Гурион пришел к выводу, что гарантировать выживание страны в отсутствие внешней поддержки способна только атомная бомба.

Бен-Гурион надеялся, что сам факт наличия ядерной бомбы в Израиле бу-

2 Наиболее отчетливо разработка концепции Д. Бен-Гуриона прослеживается на страницах «Ежегодника Правительства Израиля», где премьер-министр регулярно излагал свои взгляды на актуальные вопросы государственной и общественной жизни. Отправной точкой в этом процессе, растянувшимся вплоть до начала 1960-х гг., следует считать статью Д. Бен-Гуриона «Духовный призыв в Израиле», опубликованную в «Ежегоднике» за 1951–1952 гг. Т. 91 (см.: [Колобов, Балашев, Балыев 2004; Ben-Gurion 1951–1952]).

3 Israeli Missions Around the World – официальный сайт: embassies.gov.il

4 Василенко А. (2014) Военная доктрина Израиля // Warspot.ru. 8 июня 2014 // <https://warspot.ru/484-voennaya-doktrina-izrayila>, дата обращения 30.11.2018.

дет способен убедить правительства враждебных стран отказаться от нападения, что в свою очередь приведет к миру в регионе. Он исходил из того, что поражение в войне может привести к уничтожению еврейского государства⁵.

Разработка ядерной программы началась с того, что в 1949 г. в ходе геологического исследования пустыни Негев были найдены небольшие запасы урана. В 1952 г. правительство Израиля создало Комиссию по атомной энергетике, которую возглавил Эрнст Дэвид Бергман, специалист в области органической химии, считающийся отцом израильской ядерной программы. Бергман принял решительные меры для развертывания не только научной, но и конструкторской работы. В 1952 г. Бен-Гурион назначил его главой вновь созданной Израильской комиссии по атомной энергии (Israel Atomic Energy Commission – IAEA). Бергман возглавлял также министерство исследований в области безопасности и инфраструктуры (Ministry of Defense's Research and Infrastructure Division – EMET), реорганизованное в 1958 г. в Управление по развитию вооружений (Armaments Development Authority – RAFAEL), отвечающее за развитие ядерной программы. Административное управление программой было поручено Бен-Гурионом своему любимцу, будущему премьер-министру Израиля Шимону Пересу.

Отношение США к израильской ядерной программе

Первоначально, еще в 1955 г., в ходе объявленной Эйзенхауэром программы «Атом миру», американцы построили небольшой атомный реактор непо-

далеку от Тель-Авива, в поселении Нахаль Сорек. Затем строительство ядерного реактора велось с помощью французских специалистов, так как в октябре 1957 г. между Израилем и Францией было подписано тайное соглашение о строительстве ядерных реакторов на территории Израиля и о создании завода по выделению плутония. Строительство ядерного реактора началось в глубине пустыни Негев, недалеко от города Димона. Территория строительства обозначалась как корпуса завода мирного назначения.

Однако в 1960 г., в последний год правления администрации Эйзенхауэра, благодаря данным американской разведки в Вашингтоне стало известно, что ядерная программа Израиля выходит за рамки «программы мирного атома». Президент потребовал разъяснений от руководства Израиля, которое пыталось утверждать, что здания предназначены для большого текстильного предприятия. Эйзенхауэр начал настаивать на инспекции, и Бен-Гурион согласился принять комиссию экспертов. Переговоры об организации бесперебойного контроля израильских действий шли очень медленно, и в конце пребывания в Белом доме администрации Эйзенхауэра президент решил передать эту проблему «в наследство» следующей президентской команде Дж. Кеннеди [Мазар 2002, с. 295].

После Карибского кризиса 1962 г., поставившего мир на грань ядерной войны, Кеннеди стал особенно чувствительно относиться к опасности распространения ядерного оружия. Президент однозначно выступил против создания ядерного реактора в Димоне. Свое неприятие планов Изра-

5 Линник С. (2018) Ядерный потенциал Израиля // Военное обозрение. 27 июня 2018 // <https://topwar.ru/143462-yadernyy-potencial-izraylya.html>, дата обращения 30.11.2018.

ля получить атомную бомбу Кеннеди сформулировал как некое «внутреннее глубокое обязательство... сделать все возможное для торможения израильской ядерной программы» [Мазар 2002, с. 135]. В обмен на отказ от атомной бомбы Кеннеди гарантировал обеспечение безопасности и независимости Израиля. Администрация Кеннеди решила установить постоянный контроль за развитием израильских ядерных разработок в виде инспекций специалистов [Шалом 2004, с. 183]. Кеннеди пытался лично предупредить премьер-министра Израиля Д. Бен-Гуриона о необходимости приостановить развитие ядерной программы, которая может привести к гонке вооружений в регионе⁶.

После гибели Кеннеди администрация Джонсона оказывала серьезное давление на правительство Эшкола, чтобы убедить Израиль подписать Договор о нераспространении ядерного оружия – ДНЯО (Non-Proliferation Treaty – NPT). Американская сторона еще при Кеннеди обещала поставить Израилю «Фантомы» – самые новые на то время боевые самолеты, и пыталась связать вопрос об их поставке с необходимостью подписания договора. Израиль всячески старался уйти от нажима администрации Джонсона⁷. Долгое время шли тяжелые переговоры, но позиция Израиля победила: в 1969 г. «Фантомы» были поставлены, а подпись под договором нет⁸.

В период правления администраций Кеннеди и Джонсона, стремившихся затормозить ядерную программу, израильской тактикой в области ядерного оружия стало непризнание его наличия и отсутствие публичных шагов его де-

монстрации [Cohen 1998, p. 207]. Эта политика была формально закреплена при правительствах Леви Эшкола и Линдона Джонсона в марте 1965 г., когда между Израилем и США был подписан «меморандум о понимании», в котором Израиль заверил США, что он первым не применит ядерное оружие в регионе [Cohen 1998, p. 207]. При этом Израиль отказался подписать ДНЯО и принять гарантии Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Израиль – единственное государство, которое не предприняло шагов по оформлению своего статуса государства, располагающего ядерными взрывными устройствами. Однако уже в 1966 г. Израиль овладел всеми тремя составляющими, позволяющими ему располагать ядерными возможностями: производством расщепляющихся материалов, конструкцией взрывного устройства и средствами доставки [Cohen 1998, p. 274].

Стратегия «непрозрачности» ядерного потенциала Израиля

После прихода к власти весьма благоприятной для Израиля республиканской администрации Никсона, с его молчаливого согласия, израильское правительство окончательно перешло к режиму непрозрачности (opacity) своей ядерной программы. По данным рассекреченных документов – в 2016 г. Национальный архив безопасности США рассекретил 50 документов 1960-х гг., – в 1969 г. тогдашний премьер-министр Г. Меир на встрече с президентом США Р. Никсоном заключила устное соглашение о том, что Израиль не будет за-

6 Цитируется из послания Кеннеди Бен-Гуриону от 19 мая 1963 г. (см.: [Cohen 1998, pp. 170–171; Шалом 2004, с. 83].

7 В первый раз этот вопрос обсуждался при личной встрече президента Джонсона и премьер-министра Эшкола в 1968 г. в Вашингтоне.

8 About the Documents. The Battle over the NPT: The Warnke-Rabin Dialogue // Lyndon B. Johnson Library (LBJL), Austin, Tex. National Security Files (NSF) // <https://nsarchive2.gwu.edu/israel/documents/document.htm>, дата обращения 30.11.2018.

являть ни о самом факте наличия ядерного оружия, ни о его испытаниях. Соглашение, по мнению А. Коэна, дало возможность Израилю сохранить свой ядерный статус непризнанным и свободным от публичного обсуждения и вновь подтвердить, что политике не-прозрачности хорошей «альтернативы нет» [Cohen 1998, p. 112].

Это негласное соглашение поддерживалось и возобновлялось всеми последующими администрациями до конца 1990-х гг. В 1998 г. вновь избранный премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху решил не ограничиваться устным соглашением, и в период правления Клинтона на свет появилось первое секретное письмо, подписанное обеими сторонами⁹.

При Р. Рейгане Израиль получил уникальный статус внеатомовского стратегического партнера и США официально объявили себя гарантами безопасности Израиля. С того времени все последующие президенты, включая Д. Трампа, следуют тактике отказа от давления на Израиль по поводу его ядерной программы. В течение более 40 лет все американские президенты и израильские премьер-министры следуют негласной договоренности не обсуждать всем известный секрет – незадекларированный ядерный арсенал Израиля – и не требовать закрытия ядерной программы до тех пор, пока существует угроза существованию Израиля на Ближнем Востоке¹⁰.

Тем не менее информация об израильской бомбе постепенно распространилась по всему миру. Произошел це-

лый ряд утечек сведений о ядерном проекте Израиля, в частности известные признания в 1986 г. Мордехая Вануну, одного из сотрудников, работавшего на атомном объекте в Димоне. Его сведения затем подтвердили французские специалисты, помогавшие в становлении атомного потенциала Израиля¹¹.

Время от времени просачивалась довольно неопределенная информация и об израильских испытаниях. В сентябре 1979 г. американский спутник «Вера 6911» засек типичный эффект от испытаний ядерного оружия недалеко от побережья Южной Африки. Американские специалисты пришли к выводу, что испытание, в нарушение Договора о запрещении ограниченных испытаний ядерного оружия, провел Израиль. До американского Сената доходили сведения, что в Индийском океане также проводились совместные испытания Израиля и ЮАР. Однако Вашингтон предпочел политику умолчания, которая длится и в настоящее время, так как никто из американского руководства не хочет ломать основу израильско-американского взаимопонимания.

Современная ядерная стратегия Израиля

Концепция безопасности Израиля предусматривала достижение качественного военного неядерного превосходства, которое стало возможным благодаря американским поставкам самых современных видов вооружений и гарантированной финансовой помощи (в настоящее время она составляет

9 Ofer Aderet (2016) Declassified: How Israel Misled the U.S. About Its Nuclear Program // Haaretz Daily Newspaper, April 26, 2016 // <https://stmegi.com/posts/34298/sekretnye-materialy-kak-izrail-vvel-ssha-v-zabluzhdenie-otnositelno-svoey-yadernoy-programmy/>, дата обращения 30.11.2018.

10 How Netanyahu Got Trump to Sign Off on Israel's Nuclear Arsenal Amid the Flynn Scandal (2018) // Haaretz Daily Newspaper, June 19, 2018 // <https://www.haaretz.com/israel-news/how-bibi-got-trump-to-sign-off-on-israel-s-nuclear-arsenal-1.6192718>, дата обращения 30.11.2018.

11 Ядерная программа Израиля (2013) // Атомная энергия 2.0. 24 октября 2013 // <http://www.atomic-energy.ru/smi/2013/10/24/44638>, дата обращения 30.11.2018.

3,8 млрд долл. в год). Однако небольшая территория, сильно изрезанные границы и близость инфраструктуры и крупных городов к границам лишало Государство Израиль стратегической глубины. Израиль не имел возможности вести долгую войну, так как это привело бы к необходимости мобилизовать огромный процент населения. В таких условиях экономика государства перестала бы функционировать уже через несколько недель после начала боевых действий¹².

В дальнейшем была разработана израильская ядерная стратегия, в основу которой положена цель – не допустить появления реальной возможности создания ядерного оружия потенциальным противником. При этом не исключается использование средств силового воздействия, даже если будут нарушены нормы международного права¹³.

Два последних компонента ядерной стратегии были подтверждены на практике: в июне 1981 г. израильские самолеты F-16 уничтожили строящийся иракский ядерный реактор в Озире (вблизи г. Багдад), а в сентябре 2007 г. подвергся израильской бомбардировке сирийский ядерный объект в Дайр-эз-Зауре на востоке страны. Тем самым была продемонстрирована решимость Израиля любыми способами блокировать попытки потенциальных противников развивать собственное атомное оружие.

Столь жесткая позиция в отношении возможностей появления ядерного оружия в других странах региона всегда провоцировала вопрос о возможности применения Израилем так называемого ограниченного ядерного удара в каких-либо, по его мнению, «исключительных случаях». Сама по себе эта идея

для мировой политики не нова. Еще в 1948 г. в США, в Калифорнийском технологическом институте появились теоретические работы, анализировавшие ограниченные методы применения ядерного оружия [Clark 1992, p. 147]. Соединенные Штаты Америки – не только единственная страна в мире, которая на практике нанесла «ограниченный» ядерный удар по Японии в 1945 г., но и включила в 1970-е гг. в свою стратегическую военную доктрину положение о возможности в «будущей ядерной войне» применить ограниченный ядерный удар против другого государства-противника (во время холодной войны подразумевалось, что против Советского Союза) [Clark 1982, p. 127]. В ходе многочисленных обсуждений такой возможности в среде американских экспертов дискутировался, например, вопрос о природе сдерживания в ядерную эпоху и о том, насколько действенна сама стратегия сдерживания, если нет реальной угрозы практического применения ядерного оружия. Во всяком случае, по мнению американского специалиста М. Уолцера, готовность к применению и угроза применения – хотя не одно и то же, но очень близкие понятия и без реальной угрозы нет реального сдерживания [Walzer 1977, p. 270]. В 2012 г. были рассекречены документы, касающиеся некой «Директивы PD-59» Дж. Картера, в которой президент подтвердил возможность избранных и ограниченных ядерных опций в качестве части американской стратегической политики¹⁴ [Clark 1982, p. 186].

По свидетельству А. Коэна, израильская стратегия ядерного сдерживания, гипотетически допускала во вре-

12 ЦАХАЛ – официальный сайт: <https://militaryarms.ru/armii-mira/israel/>

13 Есин В.И. (2013) Ядерная политика Израиля // Россия и Америка в XXI веке. № 2 // <http://www.rusus.ru/?act=read&id=372>, дата обращения 30.11.2018.

14 Jimmy Carter's Controversial Nuclear Targeting Directive PD-59 Declassified (2012) // National Security Archive Electronic Briefing Book No. 390. September 14, 2012 // <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb390/>, дата обращения 30.11.2018.

мя войны 1967 г. ограниченное использование атомной бомбы как демонстрацию «самой крайней меры». Затем во время первого, наиболее драматического для израильтян этапа войны 1973 г. эта идея вновь обсуждалась правительством Г. Меир. Министр обороны Моше Даян предложил «демонстрацию» ядерного оружия. Но премьер-министр отклонила эту идею¹⁵.

После войны 1973 г. стало понятно, что военное превосходство Израиля не позволяет арабским странам нанести ему поражение. Эта война была последним примером военного обострения арабо-израильского конфликта. Руководители Египта (1979 г.) и Иордании (1993 г.) сделали выводы о необходимости заключить с Израилем мирные соглашения. Но дальнейшее развитие ситуации на Ближнем Востоке привело к тому, что в начавшемся после 1973 г. этапе уже палестино-израильского конфликта выбор был сделан в пользу террора, партизанской войны, поражений гражданских целей относительно примитивными ракетами. Эти средства ведения борьбы с Израилем были применены и неоднократно продолжают применяться различными организациями, прежде всего ХАМАСом и Хизболлой. В последнее время появились новые средства – современные ракеты значительного радиуса и оружие массового поражения (химическое, биологическое), которые могут, по некоторым оценкам, находиться в арсеналах некоторых мусульманских государств и террористических организаций ближневосточного региона. Однако до середины 1990-х гг. в их распоряжении не было ядерного оружия (исключение составляет Пакистан, но он

сегодня не входит в группу ближайших соседей Израиля по региону и никогда раньше не угрожал существованию Израиля). С развитием ядерной программы Ирана обстановка в регионе еще больше накалилась. Вновь вопрос о возможности «крайних мер» в области ядерного сдерживания встал на повестку дня израильской военной политики. Израильская стратегия допускает, что ядерное оружие может быть применено первым только в случае вооруженного нападения на страну, если под угрозу будет поставлено само существование Израиля как государства.

Политика ядерного сдерживания Израиля и ядерная программа Ирана

По мнению израильского руководства, начавшееся несколько десятилетий назад развитие ядерной программы Ирана, государства с официально поддерживаемой антиизраильской риторикой, представляет серьезную угрозу еврейскому государству¹⁶. По мере эскалации ядерной деятельности Ирана росли опасения мирового сообщества, и в 2006 г. МАГАТЭ заявило о готовности передать иранское ядерное досье в СБ ООН [Марьясов 2017, с. 74–75]. В аргументации израильского руководства появился фактор всеобъемлющей иранской угрозы: обладание Ираном ядерным оружием, с его точки зрения, несло в себе глобальную угрозу.

В конце 2011 г. был опубликован доклад МАГАТЭ, в котором указывалось, что еще до 2003 г. ИРИ реализовывала исследовательские и испытательные программы в области развития

15 Sheizaf Noam (2010) Dayan Sought 'Show' of Israel's Nuclear Capabilities in 1973 War; Meir Opposed // Haaretz Daily Newspaper, October 8, 2010 // <https://www.haaretz.com/1.5122484>, дата обращения 30.11.2018.

16 Kane C. (2011) Israeli Domestic Debate on War with Iran // The Oregonian, December 26, 2011 // https://www.oregonlive.com/opinion/index.ssf/2011/12/israeli_domestic_debate_on_war.html, дата обращения 30.11.2018.

ядерной программы¹⁷. Вывод МАГАТЭ о том, что оно не может гарантировать исключительно мирный характер иранской программы, выводил проблему иранского ядерного потенциала на новый уровень. Он фактически легитимизировал позицию сторонников более решительных шагов против иранского режима. Именно в конце 2011 г. после публикации этого доклада МАГАТЭ и начали распространяться слухи о возможности нанесения Израилем удара по Ирану.

В случае обладания вторым в регионе ядерным потенциалом Израиль неизбежно столкнется с проблемой эффективности стратегии ядерного сдерживания¹⁸. В соответствии со своей концепцией безопасности руководство Израиля заговорило о возможности нанесения превентивного конвенционального военного удара по Ирану. Вопрос о действительной решимости Израиля нанести удар по иранским ядерным арсеналам представляется довольно спорным. Но о такой возможности рассуждали израильские и американские политики. Некоторым свидетельством готовности израильского военного комплекса нанести превентивный удар по Ирану могло служить тайное размещение израильских боевых само-

летов в Азербайджане и даже в Саудовской Аравии [Oren 2015, p. 284].

Политическое руководство Израиля неоднократно утверждало, что в нынешней глобальной ситуации и при неадекватном состоянии международного права нация должна быть готова в любую минуту защитить себя, и, когда затронуты ее жизненно важные интересы, должна иметь право использовать любые средства, которые считает необходимыми для собственного выживания¹⁹. Однако, даже обсуждая возможность военной операции против Ирана, Израиль никогда не упоминал о какой-либо возможности ядерной атаки.

В качестве важнейшего сдерживающего аргумента выступает готовность израильского государства применить свой военный потенциал, включая ядерные возможности. Однако сдерживающий эффект такой убедительности будет снижен именно за счет продолжающейся политики непрозрачности, которая не только скрывает информацию о ядерных возможностях государства, но и четко не определяет тот порог, ту «красную линию», нарушение которой может вынудить израильское правительство применить ядерное оружие²⁰.

17 По их информации, в Иране, в частности, занимались компьютерным моделированием, целью которого могло быть только создание ядерного заряда, и что подобная деятельность велась и по сей день. В докладе отмечалось, что особое беспокойство экспертов вызывала работа иранских физиков-ядерщиков в 2008 и 2009 гг., так как подобные исследования вряд ли могли применяться в какой-либо сфере, кроме создания ядерного взрывного устройства (см.: Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions in the Islamic Republic of Iran. Report by the Director General // GlobalSecurity.org, November 8, 2011 // http://www.globalsecurity.org/wmd/library/report/2011/iran_iaea_gov-2011-65_111108.htm, дата обращения 30.11.2018).

18 Синовец П.А. (2013) Анализ ядерной политики Израиля в контексте «иранского досье» // Институт Ближнего Востока. 13 июня 2013 // <http://www.iimes.ru/?p=5861>, дата обращения 30.11.2018.

19 Выступление Б. Нетаньяху на конференции по проблемам безопасности Института исследований национальной безопасности. Тель-Авив, 29 мая 2012 года // Министерство иностранных дел Израиля. 29 мая 2012 // http://mfa.gov.il/MFARUS/PressRoom/2012/Pages/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B8CPM_Netanyahu_speech_at_INSS_29-5-12%D1%8C%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%80-%D0%91%D0%B8%D0%BD%D1%8C%D1%8F%D0%BC%D0%B8%D0%BD-%D0%9D%D0%B5%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%B3%D1%83---%D0%BE-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%98%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BB%D1%8F.aspx, дата обращения 30.11.2018.

20 Landau E. (2017) Obama's Legacy, a Nuclear Iran? // Middle East Quarterly, vol. 24, no 2 // <http://www.meforum.org/6561/obama-legacy-a-nuclear-iran>, дата обращения 30.11.2018.

В Израиле существуют определенные разногласия в оценках потенциальной угрозы со стороны Ирана. Большинство израильских политиков считают, что такая опасность действительно существует, и опасаются, что время для полной блокировки иранской ядерной программы военными средствами может быть упущено. Но есть и такие, которые убеждают, что израильскому руководству необходимо отказаться от планов военного удара в пользу введения таких жестких санкций, которые подорвут нынешний режим изнутри²¹. Примером международной попытки ядерного сдерживания может служить заключенное в Вене в 2015 г. по инициативе шестерки международных посредников соглашения об урегулировании многолетней проблемы иранского атома. Был принят Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), выполнение которого снимало с Ирана экономические и финансовые санкции со стороны СБ ООН, США и ЕС при условии свертывания его ядерной программы. План вступил в действие 16 января 2016 г. Соглашение по иранской ядерной программе²² создало условия для постепенного возвращения Ирана в ми-

ровую экономику и активизации его региональной политики. Израиль крайне негативно оценил это соглашение, считая, что оно легитимизировало ядерный порог Ирана, подорвав тем самым безопасность еврейского государства²³. Возвращение Ирана на политическую региональную арену после венских договоренностей и активизация его роли в региональных конфликтах, в первую очередь в Сирии, превращает его де-факто в региональную супердержаву, враждебную Израилю. На этом фоне тема противостояния «шиитскому полумесяцу» (Дамаск – Тегеран – Хизболла) стала главной характеристикой региональной политики Израиля²⁴.

После того как президент США Трамп выступил против международного соглашения по Ирану, а затем объявил о выходе Америки из него, угроза израильско-иранского военного противостояния приобретает повышенный уровень неопределенности. Ответной мерой на действия США может стать то, что Иран со своей стороны пойдет на разрыв ядерного соглашения, что в еще большей мере станет поводом для нагнетания напряженности между Израилем и ИРИ²⁵.

21 Kane C. (2011) Israeli Domestic Debate on War with Iran // The Oregonian, December 26, 2011 // https://www.oregonlive.com/opinion/index.ssf/2011/12/israeli_domestic_debate_on_war.html, дата обращения 30.11.2018.

22 Создание атомной энергетики в Иране началось во время правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, когда в середине 1950-х гг. был основан Атомный центр Тегеранского университета. Разработки в области атомной энергии проводились при помощи США, с которыми Иран в 1957 г. подписал Соглашение о мирном использовании ядерной энергии. В соответствии с этим соглашением Вашингтон обязался поставить в Иран ядерные установки, оборудование и подготовить специалистов (см.: Переговоры Ирана и «шестерки» в 2015 году // РИА Новости. 3 апреля 2015 // <http://ria.ru/world/20150403/1056298132.html#ixzz3WE5gCb6Y>, дата обращения 30.11.2018).

23 С точки зрения израильских политиков, смягчив отношения с Тегераном, Вашингтон не учел интересов своего стратегического партнера и даже не попытался нажать на Иран в обмен на соглашение отказаться от антиизраильских действий. В израильском истеблишменте распространялось мнение, что Обама фактически предал своего главного стратегического партнера. Условием соглашения, по мнению Израиля, должно было стать признание Ираном права Израиля на существование, однако США такое предложение отвергли, сказав, что оно не является предметом данных переговоров (см.: Golov A. (2015) The Long Road is the Shortest Road: Iran's Possible Routes to a Bomb // INSS, August 6, 2015, p. 12 // <http://www.inss.org.il/index.aspx?id=4538&articleid=10268>; Landau E. (2017) Obama's Legacy, a Nuclear Iran? // Middle East Quarterly, vol. 24, no 2 // <http://www.meforum.org/6561/obama-legacy-a-nuclear-iran>, дата обращения 30.11.2018).

24 Карасова Т.А. (2017) Новая страница в израильско-американских отношениях. Д. Трамп: ожидания, надежды и опасения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 10. № 2. С. 128–143.

25 США внесли 18 организаций и физлиц в список санкций по иранской ракетной программе. Участвовавшие в последние годы испытания баллистических ракет, несмотря на то что Иран постоянно подчеркивает свое невмешательство во внутренние дела соседних государств, стали одной из причин решения администрации Трампа о выходе из соглашения по Ирану.

Список литературы

Ежегодник СИПРИ-2012: вооружения, разоружение и международная безопасность (2013). М.: ИМЭМО РАН.

Есин В.И. (2013) Оружие последней надежды // Военно-промышленный курьер. № 41(509) // <https://vpk-news.ru/articles/17884>, дата обращения 30.11.2018.

Карасова Т.А. (2015) Израиль и США. Основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). М.: Издательство «Аспект Пресс».

Колобов О.А., Балашев Ю.А., Балув Д.Г. (ред.) (2004) Теория международных отношений: Учебное пособие в 2-х томах. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов. Нижний Новгород: ФМО ННГУ.

Кортунов С.В. (2007) Национальная и международная безопасность: концептуальные основы. М.: ВШЭ.

Мазар О. (2002) В тени сфинкса: Гамаль Абдель Насер и формирование особых отношений между США и Израилем (Бецело шель сфинкс: Гамаль Абдель Насер веитавам хаяхасим ха-меюхадим бейн арцот хабрит леИзраэль). Тель-Авив: Министерство обороны (иврит).

Марьясов А.Г. (2017) Ядерная проблема в отношениях Ирана с Западом // Мамедова Н.М. (ред.) Иран в мировой политике. XXI век. М.: ИВ РАН; Издатель Воробьев А.В. С. 74–79.

Михайлов В.Н. (ред.) (2008) Ядерное оружие и национальная безопасность. М., Саранск: Типография «Красный Октябрь».

Фененко А.В. (2013) Современная международная безопасность: Ядерный фактор. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс».

Шалом З. (2004) Между Димоней и Вашингтоном: борьба за развитие ядерной программы Израиля, 1960–1968 (Бейн Димона леВашингтон: хамаавак

аль питуах хаопция хагаринит шель Исраэль, 1960–1968). Сде Бокер: Университ Бен-Гурион (иврит).

Ялон М. (2008) Армия Обороны Израйля и дух израильского общества // Эпштейн А.Д. (ред.) Еврейское государство в начале XXI века. Антология современной израильской общественно-политической мысли. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры. С 398–415.

Bar-Zohar M. (1979) Ben-Gurion: A Biography by Michael Bar-Zohar, New York: Delacorte Press.

Ben-Gurion D. (1971) Israel: A Personal History, New York: Funk and Wagnalls.

Ben-Gurion D. (1951–1952) The Call of Spirit in Israel // Israel Government Year-Book (IGY), 5712 (1951–1952), pp. vii–xlv.

Ben-Zvi A. (2002) John F. Kennedy and the Apolitics of Arms Sales to Israel, London: Frank Cass.

Clark I. (1982) Limited Nuclear War. Political Theory and War Conventions, Oxford: Martin Robertson & Company Ltd.

Cohen A. (1998) Israel and the Bomb, New York: Columbia University Press.

Freilich Ch. (2018) Israeli National Security. A New Strategy for an Era of Change, New York: Oxford University Press.

Oren M. (2015) Ally: My Journey Across the American-Israeli Divide, New York: Random House.

Romm J.J. (1993) Defining National Security. The Nonmilitary Aspects, New York: Council on Foreign Relations Press.

Ross D. (2015) Doomed to Succeed: the U.S.-Israel Relationship from Truman to Obama, New York: Farrar, Straus and Giroux.

Shlaim A. (2000) The Iron Wall. Israel and the Arab World, London: Penguin Books.

Walzer M. (1977) Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations, New York: Basic Books.

National Peculiarities

Israel's Nuclear Programme

Tat'yana A. KARASOVA

PhD in History, Head of Department for Israel and the Jewish Communities studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation. E-mail: karasovat@list.ru

CITATION: Karasova T.A. (2018) Israel's Nuclear Programme. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 96–108 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-96-108

ABSTRACTS. *Israel is widely believed to possess nuclear weapons, but has never confirmed the existence of its nuclear program. Historians have for a long time largely relied on limited access to U.S. government documents and on the oral histories of those with inside knowledge of Israel's nuclear program. However lately declassified documents demonstrated a semi-official recognition by the US Department of Defense that Israel a de facto acknowledgement by the US as a nuclear power. While the documents confirm what is already known regarding Israel's nuclear arsenal, the political implications are potentially far-reaching, particularly in relation to Israeli's negative attitude to Iran's alleged nuclear program. Israel nuclear program is an essential part of long-term Israeli national security strategy and a security doctrine. National security has been at the forefront of the Israeli experience for seven decades, with threats ranging from terrorism, to vast missile arsenals, and even potential existential nuclear dangers. Israel state's national security doctrine, in its broadest sense intended to protect and promote the state's national security interests. One of the main features of this nuclear program development is the specifically nuclear relationship between Israel and US which acting as official guarantor of Israel security and consider it as the main recipient of American protection. The aim of this article is to describe and analyze nucle-*

ar strategy's concept from a historical perspective—that is, to trace its evolution. Israel has long enforced a policy of opacity with regards to its nuclear program even though its existence is a common knowledge throughout the world. Today Israel considers Iran as the main geopolitical enemy. Iran acquires a nuclear weapon, it would be a “game changer” in the region and spark a nuclear arms race in the Middle East. Israel faces a threat to its national interest in that Iran could become a greater relative regional power. Israel has been particularly outspoken in the opposition to the JCPOA signed in 2015 as it concern was that even if Iran acts rationally according to realist understandings of national interest, it still may not be receptive to diplomatic efforts to stop its nuclear program.

KEY WORDS: *Israel national security concept, nuclear doctrine, nuclear deterrence, policy of opacity, strategy, foreign policy*

References

- Bar-Zohar M. (1979) *Ben-Gurion: A Biography* by Michael Bar-Zohar, New York: Delacorte Press.
- Ben-Gurion D. (1951–1952) *The Call of Spirit in Israel. Israel Government Year-Book (IGY)*, 5712 (1951–1952), pp. vii–xlvi.

Ben-Gurion D. (1971) *Israel: A Personal History*, New York: Funk and Wagnalls.

Ben-Zvi A. (2002) *John F. Kennedy and the Apolitics of Arms Sales to Israel*, London: Frank Cass.

Clark I. (1982) *Limited Nuclear War. Political Theory and War Conventions*, Oxford: Martin Robertson & Company Ltd.

Cohen A. (1998) *Israel and the Bomb*, New York: Columbia University Press.

Esin V.I. (2013) Oruzhie poslednej nadezhdy [The Last Hope Weapon]. *Voenno-promyshlennyj kur'er*, no 41(509). Available at: <https://vpk-news.ru/articles/17884>, accessed 30.11.2018.

Ezhegodnik SIPRI-2012: vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost' [SIPRI Annual 2012: Armament, Disarmament and International Security] (2013), Moscow: Institute of International Economy and Foreign Relations Russian Academy of Sciences.

Fenenko A.V. (2013) *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost': yadernyj faktor* [Modern World Security. Nuclear Factor], Moscow: Aspekt Press.

Freilich Ch. (2018) *Israeli National Security. A New Strategy for an Era of Change*, New York: Oxford University Press.

Karasova T.A. (2015) *Izrail' i SShA: osnovnye etapy stanovleniya strategicheskogo partnerstva (1948–2014)* [Israel and the US: the Main Stages in the Formation of Strategic Partnership, 1948–2014], Moscow: Aspekt Press.

Kolobov O.A., Balashev Yu.A., Baluev D.G. (eds.) (2004) *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij: Uchebnoe posobie v 2-kh tomakh. T. 1. Evolyutsiya kontseptual'nykh podkhodov* [The Theory of Foreign Relations. Educational Book. 2 Vols. V.1. Evolution of Conceptual Approaches], Nizhny Novgorod: FMO NNGU.

Kortunov S.V. (2007) *Natzional'naya i mezhdunarodnaya bezopasnost': kontseptualnij basis* [National and International Security: Conceptual Basis], Moscow: HSE.

Mar'yasov A.G. (2017) *Yadernaya programma v otnosheniyakh mezhdu Iranom i Zapadom* [Nuclear Program in Relations between Iran and the West]. *Iran v mirovoj politike. XXI vek* [Iran in World Politics. XXI Century] (ed. Mamedova N.M.), Moscow: IOS RAS.

Mazar O. (2002) *In the Shadow of the Sphinx: Gamal Abdel Nasser and the Formation of Special Relations between the US and Israel*, Tel-Aviv: Ministry of Defence (Hebrew).

Michajlov V.N. (ed.) (2008) *Yadernoe oruzhie i natsional'naya bezopasnost'* [Nuclear Weapon and National Security], Moscow, Saransk: «Krasnij Oktyabr'».

Oren M. (2015) *Ally: My Journey Across the American-Israeli Divide*, New York: Random House.

Romm J.J. (1993) *Defining National Security. The Nonmilitary Aspects*, New York: Council on Foreign Relations Press.

Ross D. (2015) *Doomed to Succeed: the U.S.-Israel Relationship from Truman to Obama*, New York: Farrar, Straus and Giroux.

Shalom Z. (2004) *Between Dimona and Washington: the Struggle for the Development of Israel's Nuclear Program, 1960–1968*, Sde Boker: Ben-Gurion University (Hebrew).

Shlaim A. (2000) *The Iron Wall. Israel and the Arab World*, London: Penguin Books.

Walzer M. (1977) *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*, New York: Basic Books.

Yaalon M. (2008) *Armiya Oborony Izrailya i dukh israel'skogo obzhchestva* [Israel Defence Army and Israeli Society's Spirit]. *Evrejskoe gosudarstvo v nachale XXI veka. Antologiya sovremennoj izrail'skoj obshchestvenno-politicheskoy mysli* [The Jewish State at the Beginning of the 21st Century: An Anthology of Contemporary Israeli Social and Political Thought] (ed. Epshstein A.), Jerusalem: Gesharim; Moscow: Mosty Kultury.

Аргентина и Бразилия: от военных ядерных программ к национальной атомной энергетике

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований, Институт Латинской Америки РАН. Адрес: 115035, Москва, ул. Б. Ордынка, д. 21/16. E-mail: petr.p.yakovlev@yandex.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлев П.П. (2018) Аргентина и Бразилия: от военных ядерных программ к национальной атомной энергетике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 109–127. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-109-127

АННОТАЦИЯ. Аргентина и Бразилия были в числе первых развивающихся стран, вставших на путь освоения ядерной энергии. В этих крупнейших южноамериканских государствах интерес к атому зародился в недрах военных структур и подогревался аргентино-бразильским соперничеством за лидерство в латиноамериканском регионе, особенно в период нахождения у власти диктаторских режимов. В те годы в обеих странах существовали планы создания собственного атомного оружия, что определяло их негативное отношение к Договору о нераспространении ядерного оружия и планам превращения Латинской Америки в безъядерную зону. С возвращением демократической формы правления проекты создания собственного ядерного оружия были сняты с повестки дня, а отношения между Буэнос-Айресом и Бразилией приобрели характер стратегического сотрудничества, охватившего и сферу мирного атома. На международной арене обе страны выступили противниками оружия массового уничтожения и сторонниками ядерного разоружения. Можно констатировать, что, пройдя долгий путь освоения энергии атома, Аргентина и Бразилия на-

ли свое место в мировой ядерной индустрии. В обеих странах построены исследовательские реакторы и атомные электростанции, созданы предприятия ядерного топливного цикла, проводятся фундаментальные и прикладные исследования в атомной области. Аргентина экспортирует ядерные технологии и оборудование, включая современные реакторы малой мощности, Бразилия стала единственной в мире неядерной страной, строящей атомную подводную лодку. На сегодняшний день производимая атомная энергия занимает скромное место в энергетическом балансе этих южноамериканских стран, что, среди прочего, объясняется наличием там других богатых источников энергии. Но сама логика научно-технологического развития подталкивает Аргентину и Бразилию к более широкому и диверсифицированному использованию атомной энергии в мирных целях, побуждает наращивать усилия на этом направлении, развертывать национальные программы и расширять спектр международного взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Латинская Америка, Аргентина, Бразилия, ядер-

ные программы, роль военных, атомная энергетика, Договор Тлателолко, нераспространение ядерного оружия, мирный атом, международное сотрудничество

Аргентина и Бразилия относятся к числу тех стран мира, где исследования в ядерной области и практическое использование атомной энергии в различных отраслях экономики заняли видное место в стратегиях национального развития и привели к конкретным осязаемым результатам. В настоящее время оба южноамериканских государства входят в число стран мира с развитой и диверсифицированной атомной промышленностью, являются членами Группы ядерных поставщиков, своей международной политикой способствуют снижению рисков распространения ядерного оружия.

При этом и в Аргентине, и в Бразилии национальные ядерные программы были инициированы и контролировались представителями вооруженных сил, поскольку в течение длительного времени политическое руководство находилось в руках военных режимов, приходивших к власти путем государственных переворотов (в Аргентине – в 1955–1958, 1966–1973 и в 1976–1983, в Бразилии – в 1964–1985). Строго говоря, и аргентинский президент Хуан Доминго Перон (1946–1955 и 1973–1974), победивший на вполне демократичных выборах, был выходцем из армейской среды. Это во многом объясняет тот факт, что на самых ответственных этапах формирования политики в атомной области исключительно важную роль играли милитаристски настроенные деятели, которые рассматривали освоение энергии атома не только с экономической, но и с военной точки зрения, строили планы обладания ядерным оружием.

Латиноамериканские страны вступают в атомный век

Интерес к ядерной проблематике в Латинской Америке имеет давнюю историю. Раньше всех к осуществлению программ ядерных исследований приступила Аргентина. В 1950 г. в этой стране была создана Национальная комиссия по атомной энергии (CNEA), на которую возлагалось руководство всеми научными разработками, внедрением их результатов в различных отраслях экономики и подготовкой кадров. Одновременно начались разработки залежей урановых руд и налажено производство уранового концентрата. Уже в 1953 г. в Аргентине были получены радиоизотопы, а в 1955 г. – металлические слитки урана [Comisión Nacional de Energía Atómica].

Систематические исследования и разработки в ядерной области получили мощный импульс в середине 1950-х гг., чему способствовали факторы как внутреннего, так и международного порядка. В первом случае речь шла о политике националистически настроенных правящих кругов, стремившихся к экономическому и военно-техническому лидерству Аргентины в латиноамериканском регионе и имевших планы создания атомной бомбы. Во втором – о ликвидации Советским Союзом ядерной гегемонии США и запуске в эксплуатацию в июне 1954 г. в СССР первой АЭС, показавшей широкие возможности применения атомной энергии для решения крупных народнохозяйственных задач. Существенное значение имело создание в 1957 г. под эгидой ООН Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), одной из основных миссий которого было содействие использованию атома в мирных целях. Все это способствовало активизации усилий ведущих латиноамериканских стран по освоению ядерной энергии.

В 1958 г. в Аргентине был установлен первый в латиноамериканском регионе атомный реактор национального производства, что указывало на несомненные успехи местной промышленности. Достигнутый уровень ядерных исследований позволил в 1968 г. при техническом содействии западногерманского концерна Siemens приступить к строительству АЭС Atucha-I (мощностью 340 МВт), которая была введена в строй в марте 1974 г. и также стала первой в Латинской Америке. Аргентина сделала ставку на тяжеловодные реакторы западногерманской и канадской разработок, создала заметную на мировом фоне школу строительства многоцелевых исследовательских реакторов и начала сооружение стационарного малого модульного ядерного реактора с водой под давлением (PWR – pressurized water reactor).

В Бразилии видную роль в ядерной области с самого начала играли военные (в частности, «отец» бразильского атомного проекта вице-адмирал Алваро Алберто), которые в 1951 г. пролоббировали учреждение Национального совета по исследованиям, а в 1956 г. – Национальной комиссии по ядерной энергии (CNEN). В том же году правительство приняло программу «новой атомной политики», разработанную при решающем участии военных специалистов. В документе, озаглавленном «Направления политики в области атомной энергии», специально указывалось на необходимость (в целях ускорения ядерных исследований) широкого использования научного и технологического опыта «всех дружественных стран», под которыми подразумевались США и другие развитые капиталистические государства [Внешняя политика 1975, с. 82].

Заметим, что коммерческие связи с Соединенными Штатами в ядерной области Бразилия поддерживала с середи-

ны 1940-х гг. Речь идет о серии так называемых «атомных соглашений», обаявавших эту южноамериканскую страну поставлять монацитовые пески – сырье для производства тория, одного из видов топлива для ядерных реакторов. Первое соглашение такого рода было заключено в июле 1945 г., а последнее (четвертое) – в ноябре 1955 г., в результате чего Бразилия фактически превратилась в поставщика на американский рынок ценного стратегического сырья. Бразильские власти (особенно военные круги) были не вполне довольны ролью своей страны как «сырьевого придатка» и пытались использовать «атомные соглашения» для получения доступа к ядерным технологиям, но эти попытки наталкивались на нежелание Вашингтона делиться информацией. Более того, когда в 1954 г. Бразилия закупила три западногерманские ультрацентрифуги для обогащения урана, то американские власти, используя влияние на ФРГ, на несколько лет задержали их отправку покупателю [Nunes 2017].

В целях продвижения вперед в деле освоения ядерных технологий и повышения уровня национальных исследований и разработок в данной области в 1971 г. было создано специальное государственное предприятие, которое в 1974 г. уступило место новой организации – Nuclebrás (Бразильская ядерная компания), располагавшей более широкими полномочиями и ресурсами. В те же годы в военных кругах Бразилии родилась идея строительства атомной подводной лодки (АПЛ), а в штате Пара был создан огромный испытательный полигон площадью свыше 21 тыс. км², на котором находилась шахта глубиной 320 м, предназначенная, как считалось, для подземных ядерных испытаний. По существу, ядерные проекты стали составной частью стратегии формирования в стране оборонно-промышленного комплекса [Яковлев 2014, с. 16–31].

Между тем пример Аргентины, наладившей сотрудничество с концерном Siemens, вызвал беспокойство американских корпораций, опасавшихся, что потенциальный рынок АЭС в Латинской Америке будет перехвачен западноевропейскими конкурентами. Такие соображения побудили компанию Westinghouse Electric (она в 1957 г. построила первую в США гражданскую АЭС) начать переговоры с бразильскими властями о строительстве электростанции на базе технологии «обогащенный уран – легкая вода». Соответствующее соглашение было подписано в 1972 г., в следующем году начались работы в курортном городке Ангра-дус-Рейс (Королевская бухта) по созданию первого энергоблока Angra 1 мощностью 640 МВт (вступил в строй в 1985 г.), который стал ключевым объектом Национального ядерного центра «Адмирал Алваро Алберто» [A Eletrobras Eletronuclear].

Таково, в общих чертах, положение дел в области ядерных исследований и освоения ядерной энергии, которое сложилось в крупнейших южноамериканских странах к середине 1970-х гг. По существу, Аргентина и Бразилия (раньше, чем подавляющее большинство других развивающихся государств) сделали важные шаги по вступлению в атомную эру.

Эффект энергетического кризиса

Мировой энергетический кризис 1973–1974 гг. вызвал серьезные потрясения на международных рынках и оказал глубокое воздействие на экономику и политику Аргентины и Бразилии, являвшихся нетто-импортерами нефти, цена на которую резко возросла. В частности, расходы Бразилии на импорт «черного золота», составившие в 1972 г. 500 млн долл., выросли до

2,7 млрд в 1974 г. и примерно 7 млрд в 1979 г., т.е., увеличились в 14 раз. В свою очередь, в Аргентине рост нефтяных цен был расценен как «национальное бедствие» [Жирнов, Яковлев 1981, с. 38].

Ограниченность и неравномерность распределения энергоресурсов, экспоненциальный рост цен на углеводороды, риски быть отрезанными от внерегиональных поставщиков энергоносителей в случае международных конфликтов поставили перед латиноамериканскими странами проблему поиска и освоения новых источников энергии. В этих условиях, по мнению многих аргентинских и бразильских политиков и экспертов того времени, заметно возростала привлекательность ядерной энергетики [Nunes 2017].

Особенно отчетливо данная тенденция проявилась в политике правящих кругов Аргентины, которая уже в начале 1970-х гг. обладала научно-технической и производственной базой, необходимой для проведения ядерных исследований и практического использования их результатов. В мае 1974 г. в провинции Кордова совместно с канадской корпорацией Atomic Energy of Canada Limited началось строительство второй аргентинской АЭС Embalse с одним энергоблоком мощностью 648 МВт. На станции был установлен тяжеловодный реактор CANDU (Canadian Deuterium Uranium), работающий на природном уране. Новая аргентинская АЭС была введена в эксплуатацию в январе 1984 г.; таким образом, сооружение Embalse растянулось почти на десять лет [Central Nuclear Embalse]. Интересно отметить тот факт, что Аргентина стала единственной страной в мире, принявшей на вооружение две различные модели тяжеловодной реакторной технологии: западногерманскую и канадскую.

Для реализации высокотехнологичных проектов в ядерной, космической,

энергетической, медицинской и других ключевых отраслях аргентинской экономики в начале 1976 г. была учреждена государственная компания INVAP (Investigación Aplicada S.A.), ставшая безусловным национальным лидером в области ядерных технологий. В сфере ее интересов – проектирование и строительство исследовательских реакторов, установок по выпуску радиоизотопов, ядерного топлива и обогащенного урана, создание приборов радиационной защиты. Кроме того, компания занимается модернизацией и реконструкцией реакторов, а также оказанием профильных консалтинговых услуг в Аргентине и за рубежом. Знаковое событие произошло в марте 1977 г., когда INVAP S.A. подписала соглашение о поставке аргентинского исследовательского реактора в Перу. Тем самым, Ар-

гентина первой из латиноамериканских стран приступила к экспорту оборудования для ядерной промышленности [Rivas Molina 2018].

В 1979 г. правивший военный режим принял новый план развития атомной энергетики, предусматривавший строительство к 1997 г. еще четырех АЭС мощностью порядка 600 МВт каждая. На всех станциях планировалось использовать западногерманские и канадские технологии. Другими словами, к началу 1980-х гг. в Аргентине складывалась полноценная ядерная отрасль, включавшая в себя управленческие, исследовательские, опытно-экспериментальные, производственные и генерирующие структуры (см. табл. 1).

Уроки из энергетического кризиса извлек и политический истеблишмент Бразилии. Примером этого может слу-

Таблица 1. Главные компоненты ядерно-энергетического комплекса Аргентины

Организация, компания, предприятие	Сфера деятельности
Национальная комиссия по атомной энергии (Comisión Nacional de Energía Atómica – CNEA)	Создана 31 мая 1950 г., осуществляет руководство всеми направлениями развития ядерной отрасли.
Investigación Aplicada S.A. (INVAP)	Высокотехнологичная компания, занятая проектированием и строительством исследовательских реакторов и поставляющая продукцию в более чем 30 стран мира.
Nucleoeléctrica Argentina S.A. (NA-SA)	Государственная атомная электрогенерирующая компания. Член Всемирной ассоциации организаций, эксплуатирующих атомные электростанции (WANO – World Association of Nuclear Operators).
Атомный технологический комплекс Пильканыеу (Complejo Tecnológico Atómico Pilcaniyeu)	Предприятие по обогащению урана и фабрикации ядерного топлива в провинции Рио-Негро.
Неукенская компания услуг инжиниринга (Empresa Neuquina de Servicios de Ingeniería – ENSI)	Создана в 1989 г., с 1994 г. управляет предприятием по производству тяжелой воды в Арройито, провинция Неукен (La Planta Industrial de Agua Pesada – PIAP).
АЭС Atucha-I (мощность 362 МВт)	Первая в Аргентине и Латинской Америке атомная электростанция, введенная в строй в 1974 г.
АЭС Embalse (мощность 648 МВт)	Вторая аргентинская атомная станция, введенная в строй в 1984 г.
АЭС Atucha-II (мощность 745 МВт)	Третья аргентинская атомная станция, введенная в строй в 2014 г.

Источник: составлено автором на основе аргентинских и международных данных.

жить второй национальный план развития (1974–1979 гг.), в котором впервые предусматривалось комплексное развитие ядерной отрасли. В том числе: наращивание доли ядерной энергии в производстве электроэнергии; расширение хозяйственных сфер применения результатов ядерных исследований; интенсификация разведки залежей радиоактивного сырья; освоение технологий строительства ядерных реакторов и производства обогащенного урана и т.д. В соответствии с положениями национального плана бразильские специалисты разработали программу строительства АЭС, суммарную мощность которых предполагалось довести до 10 тыс. МВт к 1990 г., и предприняли поиски возможного зарубежного партнера.

В наибольшей мере к взаимодействию с Бразилией оказалась готова группа западногерманских фирм, обладавших необходимым опытом, технологиями и финансовыми ресурсами. 26 июня 1975 г. в Бонне министры иностранных дел двух стран Ганс Дитрих Геншер и Антонио Азеведо да Силвейра подписали соглашение о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. Одновременно руководители группы западногерманских и бразильских компаний подписали протоколы по конкретным аспектам совместной деятельности, для обеспечения которой стороны учредили целый ряд смешанных предприятий, мажоритарным партнером в которых выступала бразильская сторона [Nobrega Vandick 1975]. Принципиальное значение имело создание компании NUCLEP (Nuclebrás Equipamentos Pesados S.A.), в задачу которой входило проектирование и производство тяжелых компонентов и узлов для атомных электростанций. Именно NUCLEP сыграла ключевую роль в становлении и развитии бразильской национальной ядерной отрасли.

Ряд новых бразильско-западногерманских соглашений был подписан в марте 1978 г. во время визита в ФРГ президента Бразилии Эрнесто Гайзела. По итогам поездки и в целях создания максимально благоприятных условий для осуществления национальной ядерной программы специальным декретом бразильского правительства все закупки, осуществляемые Nuclebrás и ее дочерними акционерными обществами, а также поставки зарубежных партнеров освобождались от уплаты импортных пошлин.

Давая общую оценку бразильско-западногерманским договоренностям, следует подчеркнуть ряд принципиально важных моментов. Во-первых, военно-политические круги Бразилии рассматривали создание полноценной ядерной индустрии не только как фактор экономического развития и технологической модернизации, но и как необходимое условие достижения «статуса великой державы», о чем неоднократно заявляли бразильские лидеры. Планировалось, что реализация соглашений с ФРГ укрепит современную промышленную базу и сделает Бразилию обладательницей полного ядерного топливного цикла. Во-вторых, националистически настроенные военные рассчитывали контролировать процессы обогащения урана и регенерации отработанного топлива, что должно было предоставить в их распоряжение значительное количество плутония, пригодного для использования в ядерном оружии. (По оценкам, сделанным бразильскими экспертами, реактор мощностью 1 тыс. МВт дает в год около 200 кг плутония, а этого достаточно для создания 20 атомных бомб мощностью, эквивалентной 500 т тринитротолуола каждая). В-третьих, бразильский «атомный проект» был призван стать весомым аргументом в экономи-

ческом и военно-политическом соперничестве с Аргентиной [Motta 2010].

Бразильско-западногерманское сближение вызвало беспокойство в некоторых латиноамериканских странах и резко негативную реакцию Вашингтона, где администрация Джими Картера расценила его как «ядерное безумие» и ужесточило правила передачи Бразилии ядерного топлива и технологий производства и использования энергии атома [Nedal 2012].

Ядерная политика неядерных государств

С развертыванием в Аргентине и Бразилии работ в ядерной сфере и активным участием в этом процессе представителей вооруженных сил проблема использования энергии атома в Латинской Америке из области теории и перспективных государственных программ перешла в осязаемую практическую плоскость, приобрела не только технико-экономическое, но и международно-политическое измерение.

Чрезвычайную остроту приобрел вопрос о предотвращении распространения на латиноамериканский регион оружия массового поражения. Важнейшим шагом в этом направлении явилась подготовка (по инициативе Мексики) Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко), который был открыт для подписания в феврале 1967 г. и вступил в силу 25 апреля 1969 г., когда его подписали 22 государства региона. Для наблюдения за выполнением условий договора страны-участницы учредили специальную Организацию за запрещением ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (ОПАНАЛ) со штаб-квартирой в Мехико. Помимо латиноамериканских государств в ОПАНАЛ на

правах наблюдателей вошли пять ядерных держав: США, СССР, КНР, Великобритания и Франция [Tratado para la Proscripción].

Провозглашая Латинскую Америку зоной, свободной от ядерного оружия, страны этого района мира преследовали две главные цели. Первая – минимизировать опасность, которую могли представлять действия в регионе ядерных держав. Обоснованность таких опасений подтверждали, в частности, события Карибского кризиса 1962 г. и складирование ядерного оружия на базах США в Пуэрто-Рико. Вторая (также весьма актуальная) – не допустить появления государств, обладающих атомным арсеналом, среди самих латиноамериканских стран.

Важно подчеркнуть, что Договор Тлателолко не ограничивался принятием комплекса мер, направленных на обеспечение режима нераспространения ядерного оружия в определенном географическом регионе. По существу, с помощью системы полного, абсолютного и недискриминационного запрещения он создал в населенном районе земного шара первую зону, свободную от ядерных вооружений. Как отмечалось в документах МАГАТЭ, пример Латинской Америки вдохновил на создание еще четырех безъядерных зон: в Южной части Тихого океана (Договор Раротонга 1985 г.), Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор 1995 г.), Африке (Договор Пелиндаба 1996 г.) и Центральной Азии (Семипалатинский договор 2007 г.). В результате две трети стран мира вошли в зоны, свободные от ядерного оружия [Statement to Argentine Council for International Relations 2010].

Аргентина и Бразилия подписали Договор Тлателолко, но долгое время откладывали его вступление в силу. Это обстоятельство, безусловно, несколько снижало эффективность поли-

тико-дипломатических усилий латиноамериканских стран. Но и с такой оговоркой нельзя не отметить, что договор стал важным элементом формировавшейся системы международных нормативных актов, служащих для предупреждения расползания и использования ядерного оружия.

С приходом к власти гражданских демократических режимов (в Аргентине – в 1983 г. и в Бразилии – в 1985 г.) отношение к Договору Тлателолко стало постепенно, но неуклонно меняться в позитивном ключе, что было связано с резким ослаблением политического влияния сторонников возможного использования атома в военных целях, а также со стремлением Буэнос-Айреса и Бразилиа улучшить свой международный имидж. Это позволило министрам иностранных дел двух государств 26 августа 1992 г. в ходе VII Специальной сессии ОПАНАЛ выступить с заявлением о вступлении в силу для их стран всех без исключения положений договора [Information Circular 1992].

Если Договор Тлателолко носил региональный характер, то Договор о нераспространении ядерного оружия (открыт для подписания 1 марта 1968 г.) являлся универсальным документом, который в мировом масштабе перекрывал каналы расползания ядерной угрозы, но одновременно перед всеми странами открывал перспективы использования атомной энергии в мирных целях. Другими словами, участники договора (неядерные государства) сохраняли за собой в полном объеме права на мирное освоение атомных технологий и получали новые возможности применения этих прав.

В отличие от подавляющего большинства латиноамериканских стран, с энтузиазмом поддерживавших Договор о нераспространении и поставивших под ним свои подписи, Аргентина и Бразилия оказались в жесткой оппозиции к

этому важнейшему международному соглашению, считая его дискриминационным и нарушающим правовое равенство государств [Gros Espiell 1980]. Обе южноамериканские страны присоединились к Договору о нераспространении только после ухода с политической сцены военных режимов и восстановления демократической формы правления. Буэнос-Айрес сделал это в 1995 г., а Бразилия – в 1998 г.

В начале 1990-х гг. Аргентина и Бразилия отказались от ядерного соперничества и договорились о взаимодействии в атомной сфере. 18 июля 1991 г. они подписали Гвадалахарское соглашение об использовании атомной энергии исключительно в мирных целях и учредили Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю ядерных материалов (ABACC) [Brazilian-Argentine Agency]. 13 декабря 1991 г. в Вене Аргентиной, Бразилией, ABACC и МАГАТЭ было подписано четырехстороннее соглашение о применении всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ в отношении всех ядерных материалов, находящихся под аргентинской и бразильской юрисдикцией. Как отмечали в совместной статье министры иностранных дел Бразилии и Аргентины Антонио де Агипар Патриота и Эктор Тимерман, «этот шаг кардинально изменил характер наших двусторонних политических отношений. Ядерная тема окончательно перестала быть источником возможных подозрений и, благодаря переговорному процессу и правовой базе, не имеющей аналогов в мире, стала фундаментом доверия и сотрудничества в стратегических отношениях между двумя южноамериканскими странами» [Агипар Патриота, Тимерман]. Иначе говоря, Аргентина и Бразилия оставляли в прошлом планы создания ядерного оружия, для них наступала эпоха мирного атома под эффективным международным контролем.

Смена стратегических приоритетов

Кардинальные политические перемены, имевшие место в Аргентине и Бразилии в середине 1980-х гг., совпали с глубокими изменениями в социально-экономической сфере. Все это не могло не сказаться на развитии атомной отрасли.

С точки зрения экономической целесообразности, сдерживающее воздействие на развертывание работ в ядерной области оказал тот факт, что в Аргентине и, особенно, в Бразилии имеются практически неисчерпаемые гидроэнергетические ресурсы, а также обнаруженные в 1980-е гг. и впоследствии освоенные значительные запасы других энергоносителей (нефть, природный газ, биотопливо и т.д.). В этих условиях строительство АЭС уже не рассматривалось в качестве насущной хозяйственной задачи и перестало быть национальным приоритетом, что ограничивало финансирование и тормозило ввод в строй новых станций. Характерный пример – история второго энергоблока АЭС Atucha. Его сооружение (совместно с концерном Siemens) стартовало в 1981 г., неоднократно приостанавливалось, благодаря чему выработка электроэнергии началась лишь в 2014 г., через 33 года после начала строительства. Следствием явилось то, что удельный вес АЭС в совокупном национальном производстве электроэнергии Аргентины достиг своего высшего значения – 19,8% в 1990 г., а к 2016 г. снизился до 5,6%. В Бразилии максимум был зафиксирован в 2001 г. – 4,3%, а в 2016 г. этот показатель составил 2,9% [The World Nuclear Industry Status Report 2017].

Но были и существенные положительные моменты. Новый энергоблок Atucha-II (мощностью 745 МВт) хотя и представлял собой увеличенную вер-

сию первого реактора, однако характеризовался техническими доработками инновационного плана, повышавшими эффективность и надежность оборудования. Примечателен и тот факт, что за прошедшие годы аргентинские специалисты достаточно далеко продвинулись в плане освоения передовых ядерных технологий. Если при создании Atucha-I лишь немногим более трети ее стоимости пришлось на долю местных компаний (главным образом за счет строительных работ общего характера), то степень локализации Atucha-II превысила 80% и затронула ключевые технологические узлы [Шульга 2014, с. 65].

Наиболее перспективным направлением развития аргентинской атомной отрасли явилось создание национальных многоцелевых исследовательских реакторов, что позволило производить изотопы для их применения в медицине, промышленности и сельском хозяйстве. К середине 2010-х гг. компания INVAP построила полтора десятка реакторов, пять из которых были поставлены под ключ за рубеж: в Перу, Алжир, Египет и Австралию (см. табл. 2).

В частности, в апреле 2007 г. в Австралии началась эксплуатация исследовательского реактора OPAL (Open-pool Australian lightwater reactor) мощностью 20 МВт, который относится к самым современным в мире. Реактор охлаждается легкой водой и работает на низкообогащенном уране, поэтому он безопаснее и дает меньше отходов, чем реакторы, использующие высокообогащенный уран. В числе главных производственных задач OPAL – генерирование нейтронов и облучение материалов с целью получения радиоизотопов и ядерно-легированного кремния [Se Cumplen 10 Años 2017].

Опираясь на накопленный опыт создания многоцелевых исследователь-

Таблица 2. Ядерные исследовательские реакторы, поставленные Аргентиной за рубеж

Страна	Местоположение	Название реактора	Заказчик
Австралия	Сидней	OPAL	Австралийская организация по ядерной науке и технологиям (ANSTO)
Алжир	Алжир	NUR	Правительство Алжира
Египет	Каир	ETRR-2	Управление по атомной энергии Египта (NPPA)
Перу	Лима	RP-0	Перуанский институт ядерной энергии (IPEN)
Перу	Хуарангал	RP-10	Перуанский институт ядерной энергии (IPEN)

Источник: INVAP S.A. // <http://www.invap.com.ar/es/>, дата обращения 30.11.2018

ских реакторов, аргентинские специалисты приступили к разработке конструкции собственных энергетических реакторных установок, рассчитанных на производство электроэнергии, тепла и пресной воды. Прототипом нового семейства аргентинских ядерных реакторов стал модульный легководный реактор мощностью 25 MBt CAREM-25 (Central Argentina de Elementos Modulares), строительство которого началось в 2014 г. вблизи АЭС Atucha. Таким образом, Аргентина дала старт развитию малой атомной энергетики XXI в. В перспективе планируется производство реакторов типа CAREM мощностью 150 и 300 MBt [Argentina Reaches Generator Milestone 2018].

Как отмечал российский эксперт И.И. Шульга, помимо реакторостроения Аргентина нарабатала определенный опыт дореакторного ядерного топливного цикла: добыча и аффинаж урана, конверсия, обогащение, изготовление топлива, производство тяжелой воды. Конечно, по сравнению с мировыми лидерами атомной отрасли аргентинский опыт выглядит весьма скромно, «но важен сам факт наличия в стране собственных технологий и производств, дающих ей потенциальную возможность обеспечить почти полный цикл производства ядерно-

го топлива для различных видов реакторов» [Шульга 2014, с. 66].

В Бразилии развитие атомной отрасли основывается на собственной значительной ресурсной базе. По извлекаемым запасам урана, добыча которого началась в 1980-х гг., страна является безусловным лидером в Латинской Америке и входит в группу самых богатых этим полезным ископаемым государств мира, занимая в глобальной таблице о рангах седьмое место – около 280 тыс. т в 2015 г. [World Uranium Mining Production 2018]. При этом по объему наиболее дешевого урана (с себестоимостью добычи порядка 40 долл. за 1 кг) Бразилия уступает только Канаде, с заметным отрывом опережая все другие добывающие страны.

Однако, несмотря на значительные собственные ресурсы, технологические наработки и наличие отлаженного международного партнерства, строительство совместно с западногерманскими фирмами второго энергоблока АЭС Angra, начатое в 1976 г., неоднократно приостанавливалось и растянулось на четверть века. Только в 2001 г. Angra 2 была введена в эксплуатацию. Примерна такая же судьба постигла и Angra 3: возведение этого энергоблока стартовало в 1984 г., но уже в 1986 г. его «заморозили» и только в 2010 г. на объ-

екте возобновились работы [Nuclear Power in Brazil 2018]. Главными причинами «пробуксовки» атомных проектов были политическая нестабильность, мешавшая последовательной реализации многомиллионных проектов, а также быстрый рост производства сравнительно дешевых энергоресурсов на базе быстро возобновляемого органического сырья.

Вместе с тем ощутимыми успехами оказались отмечены усилия по созданию собственной бразильской центрифужной технологии, разработанной в Технологическом центре Военно-морского флота в Сан-Пауло (CTMSP).

В этом исследовательском центре были построены первые каскады центрифуг, образующих опытно-демонстрационный комплекс [Centro Tecnológico da Marinha 2017]. Впоследствии освоенные технологии использовались в Экспериментальном центре Арамар и на заводе по обогащению урана в Резенди (штат Рио-де-Жанейро), который стал одним из узловых структурных элементов бразильской ядерной отрасли (см. табл. 3).

Факты свидетельствуют, что с отстранением военных от политической власти и восстановлением в Аргентине и Бразилии гражданской формы прав-

Таблица 3. Основные организации, компании и предприятия атомной отрасли Бразилии

Организация, компания, предприятие	Сфера деятельности
Национальная атомная энергетическая комиссия (Comissão Nacional de Energia Nuclear – CNEN)	Государственное ведомство, отвечающее за управление ядерной отраслью. Создано 10 октября 1956 г., находится под контролем Министерства науки и технологий.
Eletrobras Eletronuclear	Создана в 1997 г., занимается строительством и эксплуатацией ядерных энергоблоков.
Industrias Nucleares do Brasil S.A. (INB)	Разработка месторождений урана и технологические топливные переделы для ядерной энергетики.
NUCLEP (Nuclebrás Equipamentos Pesados S.A.)	Созданная в 1975 г. компания проектирует и производит тяжелое оборудование для АЭС.
АЭС Angra 1 (мощность 640 МВт)	Первая бразильская АЭС. Начало эксплуатации – 1985 г.
АЭС Angra 2 (мощность 1360 МВт)	Вторая бразильская АЭС. Начало эксплуатации – 2001 г.
Технологический центр Военно-морского флота (Centro Tecnológico da Marinha de São Paulo – CTMSP)	Центр занимается разработкой ядерных технологий.
Экспериментальный центр Арамар (Centro Experimental Aramar)	Открыт в 1988 г., располагает установкой по обогащению урана и лабораторией изотопов. Находится в ведении ВМФ.
Завод по обогащению ядерного топлива в Резенди (Fábrica de Combustíveis Nucleares)	Производство высокообогащенного урана.
Департамент аэрокосмической науки и технологий (Departamento de Ciência y Tecnología Aeroespacial)	Контролируется ВВС Бразилии и проводит исследования в сфере ядерных технологий.
Военно-технический центр в Гуаратибе (Centro Tecnológico de Exército)	Располагает газографитным реактором, способным производить плутоний. Управляется Институтом специальных проектов бразильской армии.

Источник: составлено автором на основе аргентинских и международных данных.

ления произошли определенные изменения в ядерной стратегии обоих государств. Прежде всего, в правящих кругах утвердилось мнение, что обладание атомным оружием не соответствует национальным интересам Буэнос-Айреса и Бразилиа. Одновременно существующая в этих странах ядерная инфраструктура, наличие производственных и генерирующих мощностей, технологий и специалистов позволяют им (хотя и с перебоями и задержками) двигаться вперед в деле мирного освоения атома.

Вместе с тем, ориентация бразильских властей на мирное использование ядерной энергии не отменила их намерение создать собственный атомный подводный флот. Решение о строительстве АПЛ было принято в 2007 г., а уже в следующем году французская оборонная корпорация DCNS (Direction des Constructions Navales) согласилась передать Бразилии технологии для совместной разработки корпуса субмарины. Первая АПЛ водоизмещением 6 тыс. т, названная в честь вице-адмирала А. Алберто, заложена на специально построенных верфях в городе Итагуаи (штат Рио-де-Жанейро) и должна вступить в строй в 2025 г. Предполагается, что ее оперативной миссией станет охота за другими подводными судами и она не будет вооружена баллистическими ракетами для поражения наземных целей [Programa Nuclear de Marinha].

Новейшие тенденции

Современный этап развития атомной отрасли Аргентины и Бразилии отмечен повышенной международной активностью, укреплением двустороннего сотрудничества, настойчивой диверсификацией внешних связей, целенаправленным поиском новых зарубеж-

ных партнеров и рынков для продвижения собственной высокотехнологичной продукции.

С опорой на прочную договорно-правовую базу на новый уровень выходит аргентино-бразильское взаимодействие. Оно включает в себя проведение совместных фундаментальных и прикладных исследований, обмен научно-технической и производственной информацией, поставки бразильского урана для аргентинских АЭС, передачу опыта в подготовке профессиональных кадров для предприятий атомной отрасли. В декабре 2017 г. аргентинская INVAP и бразильский фонд Парк высоких технологий региона Иперо (Fundação PATRIA) подписали соглашение о сотрудничестве в производстве многоцелевого бразильского реактора (RMB), предназначенного, в первую очередь, для производства радиоизотопов. Одновременно в Аргентине специалисты-ядерщики двух стран уже вели работу над созданием аналогичного аргентинского реактора RA-10 [INVAP Junto 2017].

В феврале 2018 г. в боливийском городе Санта-Крус генеральный управляющий INVAP Висенте Кампенни и генеральный исполнительный директор Боливийского агентства по ядерной энергии (ABEN) Ортенсия Хименес Ривера заключили контракт на строительство в Боливии под ключ трех центров ядерной медицины и радиотерапии. Согласно контракту, INVAP к 2020 г. должна разработать проект, построить, полностью оборудовать и ввести в эксплуатацию указанные центры. Кроме того, аргентинская сторона приняла на себя обязательство подготовить 90 боливийских специалистов и предоставлять необходимые консалтинговые услуги [INVAP Firmó 2018].

Бесспорным достижением явилась победа компании INVAP в международном тендере на поставку в Нидер-

ланды реактора PALLAS мощностью 80 МВт, предназначенного для проведения материаловедческих научных исследований и производства радиоизотопов медицинского назначения и призванного заменить устаревший реактор HFR (High Flux Reactor). Успех аргентинской фирмы на торгах стал тем более значимым, что ее конкурентами в борьбе за контракт выступали известные французские и южнокорейские корпорации [Reactor PALLAS].

В последние 4–5 лет создались условия для налаживания сотрудничества Аргентины и Бразилии в ядерной области с Российской Федерацией. Стремление российских компаний, прежде всего госкорпорации «Росатом», выйти на южноамериканские рынки вполне закономерно. В регионе благодаря продвижению вперед в экономическом развитии растет интерес к атомной энергетике, к использованию ядерных технологий в самых различных хозяйственных отраслях. Это открывает возможности для экспорта в Латинскую Америку высокотехнологичной продукции отечественных предприятий. Наряду с участием в строительстве новых АЭС и модернизации уже существующих энергетических объектов, российские компании, занятые разработкой реакторов малой мощности с улучшенными технико-экономическими характеристиками, могут взаимодействовать, например, с аргентинскими ядерщиками, также имеющими опыт в данной области. В пользу этого говорят сравнительно сжатые сроки и относительно невысокие капитальные затраты на строительство реакторов малой мощности, что крайне важно для латиноамериканских стран.

Точкой отсчета сотрудничества России и Бразилии явилось подписанное 15 сентября 1994 г. межправительственное соглашение о мирном ис-

пользовании атомной энергии (вступило в силу 27 марта 1996 г.) [Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Бразилия 1994]. Оно создавало юридические рамки для практического взаимодействия бизнес-структур двух стран-гигантов, однако открывшиеся возможности долгое время не использовались. По существу, только в середине текущего десятилетия стороны перешли к конкретным делам. В 2014–2015 гг. «Русатом – Международная Сеть» (учреждение, созданное для управления региональными центрами «Росатома») и Федеральный университет Рио-де-Жанейро приступили к реализации двусторонних научных, образовательных и коммерческих проектов. Параллельно «Росатом» и NUCLEP занялись проработкой вопроса о совместном строительстве в Бразилии АЭС с использованием российских технологий [Historial de Cooperaciones].

В конце июня 2015 г. пресс-служба «Русатом – Международная Сеть» сообщила, что в Рио-де-Жанейро корпорация «Росатом» зарегистрировала свое представительство (дочернюю компанию) в латиноамериканском регионе – «Rosatom América Latina». Эта структура призвана координировать деятельность различных подразделений «Росатома» в странах Латинской Америки и предлагать комплексный подход к развитию атомной энергетики [Oficina Regional].

Правовую основу российско-аргентинского взаимодействия на современном этапе заложило Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Аргентинской Республики о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, подписанное в Буэнос-Айресе 12 июля 2014 г. в ходе офи-

циального визита в Аргентину президента России В.В. Путина [Яковлева, Яковлев 2017, с. 35–37]. Отмечая важную роль, которую играет использование ядерной энергии в интересах социально-экономического развития обоих государств, стороны договорились осуществлять сотрудничество по следующим направлениям:

- проведение фундаментальных и прикладных исследований;
- проектирование, сооружение, эксплуатация и вывод из эксплуатации атомных электростанций и исследовательских ядерных реакторов;
- ядерный топливный цикл для атомных электростанций и исследовательских ядерных реакторов;
- обращение с радиоактивными отходами;
- обеспечение ядерной и радиационной безопасности;
- производство радиоизотопов и их применение в промышленности, медицине и сельском хозяйстве;
- обучение и подготовка специалистов в области ядерной физики и атомной энергии.

Важным партнером латиноамериканских стран в ядерной области (и мощным конкурентом России) становится Китай, буквально рвущийся на рынки региона и готовый инвестировать десятки миллиардов долларов с тем, чтобы захватить лидирующие позиции в этой высокотехнологичной отрасли. 17 мая 2017 г. в Пекине в присутствии председателя КНР Си Цзиньпина и президента Аргентины Маурисио Макри было подписано рамочное соглашение между «China National Nuclear Corp.» (CNNC) и «Nucleoelectrica Argentina S.A.» о строительстве четвертой и пятой аргентинских АЭС. Стоимость проекта оценивалась в 14–15 млрд долл., причем 85% финанси-

рования брала на себя CNNC. Предполагалось, что одна из станций мощностью 700 МВт на базе канадского тяжеловодного реактора CANDU-6 будет построена в провинции Буэнос-Айрес, а другая АЭС с китайским легководным реактором третьего поколения «Хуалун-1» и мощностью 1150 МВт – в провинции Рио-Негро [Quinta Central Nuclear Argentina 2017].

С прорывом в Латинскую Америку китайских компаний регион превращается в поле острой конкурентной борьбы между предприятиями государств – лидеров мировой ядерной промышленности. Наряду с традиционными игроками (США, Канада, Германия, Франция) все громче заявляют о себе Россия, КНР и сами крупнейшие южноамериканские страны – Аргентина и Бразилия, накопившие собственный опыт в атомной области.

* * *

Латинская Америка, взятая в целом, относится к потенциально перспективным, но все еще малоосвоенным рынкам ядерных технологий и оборудования. На таком региональном фоне Аргентина и Бразилия выделяются своими достижениями в мирном освоении атома. В частности, Аргентина явилась пионером реального внедрения и использования ядерных технологий, а Atucha-I стала первой АЭС не только в латиноамериканском регионе, но в целом в Южном полушарии. Бразилия освоила полный ядерный топливный цикл, стала единственной в мире неядерной страной, строящей атомную подводную лодку.

В крупнейших южноамериканских государствах интерес к атому зародился в недрах военных структур и подогревался аргентино-бразильским соперничеством за лидерство в регионе, особенно в период нахождения у власти диктаторских режимов. С воз-

вращением демократической формы правления проекты создания собственного ядерного оружия были сняты с повестки дня, а отношения между Буэнос-Айресом и Бразилией приобрели характер стратегического сотрудничества, охватившего и сферу мирного атома. Вполне можно констатировать, что, пройдя долгий путь освоения энергии атома, Аргентина и Бразилия нашли свое место в мировой ядерной индустрии.

До настоящего времени атомная энергетика занимала скромное место в энергобалансе южноамериканских стран, что, среди прочего, объясняется наличием других богатых источников энергии. Но сама логика научно-технологического развития подталкивает Аргентину и Бразилию к более широкому и диверсифицированному использованию атомной энергии в мирных целях, побуждает наращивать усилия на этом направлении, разворачивать национальные программы и расширять спектр международного взаимодействия.

Список литературы

- Агиар Патриота А. де, Тимерман Э. (б/г) Бразилия и Аргентина: ядерное сотрудничество // *Международная жизнь* // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/561>, дата обращения 30.11.2018.
- Внешняя политика стран Латинской Америки (1975). М.: Наука.
- Жирнов О.А., Яковлев П.П. (1981) Атом и политика // *Латинская Америка*. № 1. С. 32–45.
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Бразилия о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии (1994) // МИД РФ. 15 сентября 1994 // <http://docs.cntd.ru/document/901724384>, дата обращения 30.11.2018.
- Шульга И.И. (2014) *Atomica Latina* // *Атомный эксперт*. № 7(28). С. 64–76 // http://atomicexpert-old.com/sites/default/files/ae_7_2014_web_0.pdf, дата обращения 30.11.2018.
- Яковлев П.П. (2014) Новые горизонты оборонно-промышленного комплекса // *Латинская Америка*. № 3. С. 16–31.
- Яковлева Н.М., Яковлев П.П. (2017) *Россия – Аргентина: история и современность*. М.: ИЛА РАН.
- A Eletrobras Eletronuclear (n/y) // <http://www.eletronuclear.gov.br/QuemSomos/Paginas/A-Eletronbras-Eletronuclear.aspx>, дата обращения 30.11.2018.
- Argentina Reaches Generator Milestone for CAREM-25 (2018) // *World Nuclear News*, May 8, 2018 // <http://www.world-nuclear-news.org/NN-Argentina-reaches-generator-milestone-for-CAREM-25-08051801.html>, дата обращения 30.11.2018.
- Brazilian-Argentine Agency for Accounting and Control of Nuclear Materials (n/y) // <http://www.abacc.org/engl/index.asp/>, дата обращения 30.11.2018.
- Central Nuclear Embalse (n/y) // *Nucleoeleétrica Argentina S.A.* // <http://www.nasa.com.ar/centrales-nucleares/embalse/>, дата обращения 30.11.2018.
- Centro Tecnológico da Marinha de São Paulo (CTMSP) – Aramar, um dos Berços da Tecnologia Nuclear do Brasil (2017) // *Ministério da Defesa, Marinha do Brasil*, September 27, 2017 // <https://www.marinha.mil.br/content/centro-tecnologico-da-marinha-de-sao-paulo-ctmsp-aramar-um-dos-bercos-da-tecnologia-nuclear>, дата обращения 30.11.2018.
- Comisión Nacional de Energía Atómica (n/y) // <https://www.argentina.gob.ar/cnea/quienes-somos>, дата обращения 30.11.2018.
- Gros Espiell H. (1980) *The Non-proliferation of Nuclear Weapons in Latin*

America // IAEA Bulletin, vol. 22, no 3–4, pp. 81–86.

Historial de Cooperaciones (n/y) // ROSATOM // <https://rosatom-latinoamerica.com/rosatom-in-country/history-of-cooperation/>, дата обращения 30.11.2018.

Information Circular (1992) // IAEA, September 21, 1992 // <https://www.iaea.org/sites/default/files/infirc410.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

INVAP Firmó un Contrato por una Red de Centros de Medicina Nuclear y Radioterapia en Bolivia (2018) // INVAP, Febrero 16, 2018 // <http://www.invap.com.ar/es/la-empresa/sala-de-prensa/novedades/1588-invap-firmo-un-contrato-por-una-red-de-centros-de-medicina-nuclear-y-radioterapia-en-bolivia.html>, дата обращения 30.11.2018.

INVAP Junto a Fundación PATRIA Firmaron una Nueva Etapa de Ejecución del RMB (2017) // INVAP, Diciembre 22, 2017 // <http://www.invap.com.ar/es/la-empresa/sala-de-prensa/novedades/1576-invap-junto-a-fundacion-patria-firmaron-una-nueva-etapa-de-ejecucion-del-rmb.html>, дата обращения 30.11.2018.

Motta M. (2010) As Peças do Quebra-cabeça: Rex Nazaré y a Política Nuclear Brasileira // Historia Oral, vol. 13, no 2, pp. 125–134.

Nedal D.K. (2012) US Diplomatic Efforts Stalled Brazil's Nuclear Program in 1970s // The Wilson Center, July 26, 2012 // <https://www.wilsoncenter.org/publication/us-diplomatic-efforts-stalled-brazils-nuclear-program-1970s>, дата обращения 30.11.2018.

Nobrega Vandick L. da (1975) A Energia Nuclear y Seus Cavalos de Tróia, Rio de Janeiro: Freitas Bastos.

Nuclear Power in Brazil (2018) // World Nuclear Association // <http://www.world-nuclear.org/information-library/>, дата обращения 30.11.2018.

Nunes H.M. (2017) Brasil Atômico: o Nascimento do Programa Nuclear Bra-

sileiro // Café História, 7 de agosto de 2017 // <https://www.cafehistoria.com.br/o-brasil-atomico/>, дата обращения 30.11.2018.

Oficina Regional (n/y) // ROSATOM // <https://rosatom-latinoamerica.com/regional-office/>, дата обращения 30.11.2018.

Programa Nuclear da Marinha (n/y) // Marinha do Brasil // <https://www.marinha.mil.br/ctmsp/programa-nuclear-da-marinha>, дата обращения 30.11.2018.

Quinta Central Nuclear Argentina (2017) // INVAP, Junio 6, 2017 // <http://www.invap.com.ar/es/la-empresa/sala-de-prensa/1535-quinta-central-nuclear-argentina.html>, дата обращения 30.11.2018.

Reactor PALLAS (n/y) // INVAP // <http://www.invap.com.ar/es/area-nuclear-de-invap/proyectos/reactor-pallas.html>, дата обращения 30.11.2018.

Rivas Molina F. (2018) Invap, Satélites y Reactores Nucleares Desde el Fin del Mundo // El País, July 2, 2018 // https://elpais.com/internacional/2018/07/02/argentina/1530547568_604332.html, дата обращения 30.11.2018.

Se Cumplen 10 Años de la Inauguración del OPAL (2017) // INVAP, Abril 20, 2017 // <http://www.invap.com.ar/es/la-empresa/sala-de-prensa/novedades/1521-se-cumplen-10-anos-de-la-inauguracion-del-opal.html>, дата обращения 30.11.2018.

Statement to Argentine Council for International Relations (2010) // IAEA, March 25, 2010 // <https://www.iaea.org/newscenter/statements/statement-argentine-council-international-relations>, дата обращения 30.11.2018.

The World Nuclear Industry Status Report 2017. A Mycle Schneider Consulting Project (2017) // https://ru.scribd.com/document/358867883/World-Nuclear-Industry-Status-Report-2017-Full-Documents#fullscreen&from_embed, дата обращения 30.11.2018.

Tratado para la Proscripción de las Armas Nucleares en la América Latina y

el Caribe. Tratado de Tlatelolco (n/y) // OPANAL // <http://www.opanal.org/texto-del-tratado-de-tlatelolco/>, дата обращения 30.11.2018.

World Uranium Mining Production (2018) // World Nuclear Associa-

tion // <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>, дата обращения 30.11.2018.

Argentina and Brazil: from Military Nuclear Programs to National Atomic Energy

Petr P. YAKOVLEV

DSc in Economics, Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America of Russian Academy of Sciences. Address: 21/16, B. Ordynka St., Moscow, 115035, Russian Federation. E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru

CITATION: Yakovlev P.P. (2018) Argentina and Brazil: from Military Nuclear Programs to National Atomic Energy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 109–127 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-109-127

ABSTRACT. *Argentina and Brazil were among the first developing countries that have undertaken the development of nuclear energy. In these largest South American States, the interest in atom was born in the depths of the military establishment and was spurred by the Argentine-Brazilian rivalry for leadership in the Latin American region, especially during dictatorial regimes. In those years, in both countries there were plans to develop its own nuclear weapons, determining their negative attitude to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons and to the plans of making Latin America a nuclear-weapons-free zone. With the return to the democratic forms of government the projects to create their own nuclear weapons were withdrawn from the agenda, and the relations between Buenos Aires and Brasilia transformed into strategic cooperation, and engulfed the sphere of peaceful atom. In the international arena, the two countries came to oppose weapons of mass destruction and to support nuclear disarmament. It may be noted that, having passed a long way of mastering the power of*

the atom, Argentina and Brazil have found their own place in the global nuclear industry. Both countries have built research reactors and nuclear power plants, established enterprises of nuclear fuel cycle, conducted fundamental and applied research in the nuclear field. Argentina has exported nuclear technology and equipment, including modern low-power reactors, Brazil became the world's only non-nuclear country building a nuclear submarine. To date, nuclear generation occupies but a modest place in the energy balance of these South American countries which, among other things, is due to other rich sources of energy in their possession. But the very logic of scientific and technological development pushes Argentina and Brazil to broader and more diversified use of atomic energy for peaceful purposes, encourages to increase their efforts in this regard, deploy national programs and expand the range of international interaction.

KEY WORDS: *Latin America, Argentina, Brazil, nuclear programs, the role of the mil-*

itary, nuclear energy, the Treaty of Tlatelolco, nuclear non-proliferation, the peaceful atom, international cooperation

References

- A Eletrobras Eletronuclear (n/y). Available at: <http://www.eletronuclear.gov.br/Quem-Somos/Paginas/A-Eletronuclear.aspx>, accessed 30.11.2018.
- Agiar Patriota A. de, Timerman E. (n/y) *Braziliya i Argentina: yadernoe sotrudnichestvo* [Brazil and Argentina: Nuclear Cooperation]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/561>, accessed 30.11.2018.
- Argentina Reaches Generator Milestone for CAREM-25 (2018). *World Nuclear News*, May 8, 2018. Available at: <http://www.world-nuclear-news.org/NN-Argentina-reaches-generator-milestone-for-CAREM-25-08051801.html>, accessed 30.11.2018.
- Brazilian-Argentine Agency for Accounting and Control of Nuclear Materials (n/y). Available at: <http://www.abacc.org/engl/index.asp/>, accessed 30.11.2018.
- Central Nuclear Embalse (n/y). *Nucleoeléctrica Argentina S.A.* Available at: <http://www.na-sa.com.ar/centrales-nucleares/embalse/>, accessed 30.11.2018.
- Centro Tecnológico da Marinha de São Paulo (CTMSP) – Aramar, um dos Berços da Tecnologia Nuclear do Brasil (2017). *Ministério da Defesa, Marinha do Brasil*, September 27, 2017. Available at: <https://www.marinha.mil.br/content/centro-tecnologico-da-marinha-de-sao-paulo-ctmsp-aramar-um-dos-bercos-da-tecnologia-nuclear>, accessed 30.11.2018.
- Comisión Nacional de Energía Atómica (n/y). Available at: <https://www.argentina.gob.ar/cnea/quienes-somos>, accessed 30.11.2018.
- Gros Espiell H. (1980) *The Non-proliferation of Nuclear Weapons in Latin America*. IAEA *Bulletin*, vol. 22, no 3–4, pp. 81–86.
- Historial de Cooperaciones (n/y). ROSATOM. Available at: <https://rosatom-lat-inamerica.com/rosatom-in-country/history-of-cooperation/>, accessed 30.11.2018.
- Information Circular (1992). IAEA, September 21, 1992. Available at: <https://www.iaea.org/sites/default/files/infcirc410.pdf>, accessed 30.11.2018.
- INVAP Firmó un Contrato por una Red de Centros de Medicina Nuclear y Radioterapia en Bolivia (2018). INVAP, Febrero 16, 2018. Available at: <http://www.invap.com.ar/es/la-empresa/sala-de-prensa/novedades/1588-invap-firmo-un-contrato-por-una-red-de-centros-de-medicina-nuclear-y-radioterapia-en-bolivia.html>, accessed 30.11.2018.
- INVAP junto a Fundación PATRIA Firmaron una Nueva Etapa de Ejecución del RMB (2017). INVAP, Diciembre 22, 2017. Available at: <http://www.invap.com.ar/es/la-empresa/sala-de-prensa/novedades/1576-invap-junto-a-fundacion-patria-firmaron-una-nueva-etapa-de-ejecucion-del-rmb.html>, accessed 30.11.2018.
- Motta M. (2010) As Peças do Quebra-cabeça: Rex Nazaré y a Política Nuclear Brasileira. *Historia Oral*, vol. 13, no 2, pp. 125–134.
- Nedal D.K. (2012) US Diplomatic Efforts Stalled Brazil's Nuclear Program in 1970s. *The Wilson Center*, July 26, 2012. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/publication/us-diplomatic-efforts-stalled-brazils-nuclear-program-1970s>, accessed 30.11.2018.
- Nobrega Vandick L. da (1975) *A Energia Nuclear y Seus Cavalos de Tróia*, Rio de Janeiro: Freitas Bastos.
- Nuclear Power in Brazil (2018). *World Nuclear Association*. Available at: <http://www.world-nuclear.org/information-library/>, accessed 30.11.2018.
- Nunes H.M. (2017) Brasil Atômico: o Nascimento do Programa Nuclear Brasileiro. *Café História*, 7 de agosto de 2017.

Available at: <https://www.cafehistoria.com.br/o-brasil-atomico/>, accessed 30.11.2018.

Oficina Regional (n/y). ROSATOM. Available at: <https://rosatom-latinamerica.com/regional-office/>, accessed 30.11.2018.

Quinta Central Nuclear Argentina (2017). INVAP, Junio 6, 2017. Available at: <http://www.invap.com.ar/es/la-empresa/sala-de-prensa/1535-quinta-central-nuclear-argentina.html>, accessed 30.11.2018.

Programa Nuclear da Marinha (n/y). *Marinha do Brasil*. Available at: <https://www.marinha.mil.br/ctmsp/programa-nuclear-da-marinha>, accessed 30.11.2018.

Reactor PALLAS (n/y). INVAP. Available at: <http://www.invap.com.ar/es/area-nuclear-de-invap/proyectos/reactor-pallas.html>, accessed 30.11.2018.

Rivas Molina F. (2018) Invap, Satélites y Reactores Nucleares Desde el Fin del Mundo. *El País*, July 2, 2018. Available at: https://elpais.com/internacional/2018/07/02/argentina/1530547568_604332.html, accessed 30.11.2018.

Se Cumplen 10 Años de la Inauguración del OPAL (2017). INVAP, Abril 20, 2017. Available at: <http://www.invap.com.ar/es/la-empresa/sala-de-prensa/novedades/1521-se-cumplen-10-anos-de-la-inauguracion-del-opal.html>, accessed 30.11.2018.

Shul'ga I. (2014) Atomica Latina. *Atomnyj ekspert*, no 7(28), pp. 64–76. Available at: http://atomicexpert-old.com/sites/default/files/ae_7_2014_web_0.pdf, accessed 30.11.2018.

Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federatsii i Pravitel'stvom Federativnoj Respubliki Braziliya o sotrudnichestve v oblasti mirnogo ispol'zovaniya atomnoj energii [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Federative Republic of Brazil on Cooperation in the Peaceful Use of Nuclear Energy]. *Ministry of Foreign Affairs of Russia*, September 15, 1994. Available at: [\[cnd.ru/document/901724384\]\(http://cnd.ru/document/901724384\), accessed 30.11.2018.](http://docs.</p></div><div data-bbox=)

Statement to Argentine Council for International Relations (2010). IAEA, March 25, 2010. Available at: <https://www.iaea.org/newscenter/statements/statement-argentine-council-international-relations>, accessed 30.11.2018.

The World Nuclear Industry Status Report 2017. A Mycle Schneider Consulting Project (2017). Available at: https://ru.scribd.com/document/358867883/World-Nuclear-Industry-Status-Report-2017-Full-Document#fullscreen&from_embed, accessed 30.11.2018.

Tratado para la Proscripción de las Armas Nucleares en la América Latina y el Caribe. Tratado de Tlatelolco (n/y). OPANAL. Available at: <http://www.opanal.org/texto-del-tratado-de-tlatelolco/>, accessed 30.11.2018.

Vneshnyaya politika stran Latinskoj Ameriki [Foreign Policy of Latin America] (1975), Moscow: Nauka.

World Uranium Mining Production (2018). *World Nuclear Association*. Available at: <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>, accessed 30.11.2018.

Yakovlev P.P. (2014) Novye gorizonty oboronno-promyshlennogo kompleksa [New Horizons of Defense-industrial Complex]. *Latinskaya Amerika*, no 3, pp. 16–31.

Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. (2017) *Rossiya – Argentina: istoriya i sovremennost'* [Russia – Argentina: History and the Present], Moscow: ILA RAN.

Zhirnov O.A., Yakovlev P.P. (1981) Atom i politika [Atom and Politics]. *Latinskaya Amerika*, no 1, pp. 32–45.

Проблемы Старого света

Ядерное оружие в Европе: вокруг статус-кво

Андрей Владимирович ЗАГОРСКИЙ

кандидат исторических наук, заведующий отделом, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

E-mail: zagorskiandrei@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Загорский А.В. (2018) Ядерное оружие в Европе: вокруг статус-кво // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 128–143. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-128-143

АННОТАЦИЯ. К концу «нулевых» годов в результате глубокого сокращения нестратегического оружия США и России, ликвидации российских и американских ракет средней и меньшей дальности, сокращения арсеналов Великобритании и Франции в Европе сложился новый «ядерный» статус-кво. Его важными составляющими являются также обязательство стран НАТО не размещать ядерное оружие и инфраструктуру для него на территории новых государств-членов, взаимные обязательства России и стран альянса по сдержанности в области обычных вооружений. Дважды за последнее десятилетие в НАТО ставился вопрос о коррекции этого статус-кво. В 2010–2012 гг. обсуждалось предложение ряда членов альянса об одностороннем полном или частичном выводе из Европы оставшихся американских ядерных авиационных бомб. В 2014–2016 гг. в условиях возвращения НАТО к политике сдерживания России в центре дискуссии оказался вопрос о целесообразности возврата к полноценному ядерному сдерживанию, что имело бы следствием увеличение количества нестратегического ядерного оружия и изменение географии его размещения в Евро-

пе, включая возможность его размещения в странах Центрально-Восточной Европы. Однако оба раунда обсуждений закончились вничью и установившийся в Европе после окончания холодной войны статус-кво был сохранен. На фоне украинского кризиса вопрос о полном или частичном выводе американского нестратегического оружия на обозримую перспективу снят с повестки дня. Не обсуждается в настоящее время и вопрос о взаимных согласованных с Россией дальнейших сокращениях нестратегического оружия. Вместе с тем сторонники «укрепления» ядерного сдерживания в Европе не смогли убедить оппонентов в альянсе в необходимости вернуться к стратегии времен холодной войны. Однако еще рано делать вывод о том, что испытания ядерного статус-кво в Европе на прочность позади. На продолжающиеся дискуссии влияет и критическое положение, сложившееся вокруг Договора 1987 г. о РСМД, и продолжающаяся эрозия режима контроля над обычными вооружениями в Европе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нестратегическое ядерное оружие, Европа, США, Россия, НАТО, безопасность, внешняя политика, дипломатия, оборона

В годы холодной войны Европа была перенасыщена ядерным оружием. Хотя ни СССР, ни США не сообщали официальные данные о его количестве, по имеющимся оценкам, счет шел на тысячи только «нестратегических» боезарядов [Woolf 2018, pp. 11–12], не считая ядерные потенциалы Великобритании и Франции, а также ядерное оружие средней дальности СССР и США. В проводившейся США и НАТО политике сдерживания нестратегическому ядерному оружию отводилась особая роль. Оно должно было обеспечить непрерывность эскалации в случае возникновения вооруженного конфликта с СССР. Любой такой конфликт с применением обычных вооруженных сил, в которых Варшавский договор имел превосходство, в этих условиях неизбежно перерастал бы в ядерную войну, а применение на ее ранних этапах нестратегического ядерного оружия с неизбежностью привело бы к глобальному обмену ядерными ударами [Rudolf 2018, pp. 7–8]. Такая стратегия должна была не только сдерживать СССР, но и демонстрировать убедительность ядерных гарантий США их союзникам, которые не раз терзались сомнениями – готов ли будет Вашингтон рисковать самоуничтожением ради Гамбурга, Лондона или Парижа.

В 1990-е и в начале 2000-х гг. с окончанием холодной войны ситуация радикально изменилась. Хотя политику сдерживания, в том числе ядерного, никто не отменял, она все больше отступала на задний план, как и взаимные обязательства стран НАТО по коллективной обороне территории участников альянса. Это позволило в разы сократить количество размещенного в Европе нестратегического ядерного оружия и понизить уровень боеготовности оставшихся ядерных вооружений. На основе договора 1987 г. были ликвидированы ракеты средней и меньшей дальности (РСМД) России и

США. Сократились ядерные арсеналы Великобритании и Франции. К концу «нулевых» годов в Европе сложился новый «ядерный» статус-кво.

Время от времени он ставится на Западе под сомнение. Острыми дискуссиями по вопросам ядерной политики НАТО ознаменовались подготовка новой стратегической концепции альянса, одобренной на саммите в Лиссабоне в 2010 г., и проведение обзора политики сдерживания и обороны, результаты которого были утверждены на саммите НАТО в Чикаго в 2012 г. Дискуссии проходили на фоне, с одной стороны, проводившейся американской администрацией Б. Обамы линии на снижение роли ядерного оружия и призывов ряда государств — членов альянса в одностороннем порядке вывести из Европы оставшиеся американские атомные бомбы, а с другой — настойчивых требований других членов альянса сохранить американское нестратегическое ядерное оружие в Европе. Этот спор завершился в 2012 г. вничью. Американские атомные бомбы остались в Европе и была достигнута договоренность не принимать в отношении них никаких решений без одобрения всеми членами альянса [Woolf 2018, p. 34].

На фоне украинского кризиса целесообразность пересмотра политики ядерного сдерживания в Европе вновь стала предметом дискуссий в альянсе. В ее центре оказался вопрос о необходимости дополнить меры конвенционального сдерживания России, которые были согласованы на саммитах НАТО в Уэльсе (2014), Варшаве (2016) и Брюсселе (2018), соответствующими мерами ядерного сдерживания по аналогии с политикой, проводившейся альянсом в годы холодной войны. Эта дискуссия тоже не привела к пересмотру ядерной политики США и НАТО в Европе. Однако после объявления Вашингтоном в октябре 2018 г. намерения выйти из Догово-

ра 1987 г. о РСМД вопрос о параметрах ядерного сдерживания, скорее всего, вновь встанет в повестку дня альянса.

Сокращение нестратегического оружия США и России

Сокращение нестратегического ядерного оружия¹ США и России осуществлялось на основе односторонних политических заявлений, сделанных президентами Дж. Бушем 28 сентября 1991 г. и М.С. Горбачевым 5 октября 1991 г., подтвержденных и дополненных президентом Б.Н. Ельциным 29 января 1992 г. Эти заявления известны в литературе как «президентские ядерные инициативы», в соответствии с которыми стороны в одностороннем порядке обязались вывести из боевого состава, существенно сократить и ликвидировать боезаряды и понизить боеготовность нестратегического ядерного оружия [Woolf 2018, pp. 12–14].

США обязались вывести на свою территорию, демонтировать и уничтожить все нестратегические ядерные боезаряды для средств доставки наземного базирования (артиллерийских снарядов и боевых частей тактических ракет); снять с вооружения надводных боевых кораблей и подводных лодок все тактические ядерные средства, глубинные бомбы морской авиации, складировать их на территории США и уничтожить примерно половину; сократить в два раза (с 1 400 до 700 единиц) количество ядерных бомб свободного падения в Европе.

Встречные обязательства России предполагали вывод из боевого состава

и ликвидацию всех ядерных боезарядов, предназначенных для средств наземного базирования (боевых частей ракет, артиллерийских боеприпасов, ядерных мин); снятие, складирование и ликвидацию половины боеголовок зенитных ракет, трети боезарядов для тактических носителей морского базирования и половины – для тактической морской авиации наземного базирования; снятие, складирование и ликвидацию половины авиационных боеприпасов. Имелось в виду, что по итогам реализации заявленных мер все не подлежащие ликвидации нестратегические ядерные боеприпасы США и России будут выведены из боевого состава и размещены на складах централизованного хранения, что существенно понижало уровень их боеготовности.

Поскольку ни США, ни Россия не обнародовали официальные данные о количестве нестратегических ядерных зарядов, которым они располагали до и после сокращений, оценки масштабов последних существенно различаются. Очевидно, можно считать авторитетной оценку, данную несколько лет назад А.И. Антоновым (в то время – заместитель министра обороны России): в ходе односторонних сокращений Россией и США были изъяты из вооруженных сил примерно 14 тыс. ядерных боезарядов, в результате чего их общее количество сократилось на 75–80% [Антонов 2012, с. 74]. В 1990-е гг. Москва и Вашингтон информировали друг друга о ходе сокращений, а с 1997 г. обмен информацией проводился и в рамках Совместного постоянного совета Россия–НАТО [Pomper, Potter Sokov 2009, p. 6].

1 Среди специалистов продолжают дискуссии относительно корректности этого определения, поскольку речь идет о системах с различными задачами и дальностью (тактической, оперативно-тактической и даже оперативно-стратегической), как наступательных, так и оборонительных. Однако термин прочно закрепился в современной литературе. Встречающийся иногда термин «тактическое ядерное оружие» используется как синоним. Под нестратегическим ядерным оружием принято понимать ядерные боезаряды и средства их доставки, не подпадающие под положения российско-американских договоров о сокращении стратегических наступательных вооружений и о ликвидации РСМД [Rudolf 2018, p. 7; Woolf 2018, pp. 7–10].

Правда, в 1999 г. в связи с приостановкой участия России в работе Совета в условиях косовского кризиса прекратился и обмен информацией по нестратегическому ядерному оружию. Он так и не возобновился после возвращения России в Совет [Zagorski 2011, p. 14].

Несмотря на отсутствие официальных данных, оценки российских и зарубежных экспертов совпадают. Российская Федерация после произведенных сокращений имеет в общей сложности примерно 2 000 ядерных боезарядов для различных нестратегических систем, не считая ожидающих демонтажа боеприпасов [Arbatov 2017, pp. 57–58; Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 351]. США же сократили почти все имевшиеся у них к концу холодной войны нестратегические ядерные боезаряды. После отказа Вашингтона в 2010 г. от крылатых ракет морского базирования в ядерном оснащении у США остался всего один вид нестратегического оружия – авиационные бомбы свободного падения B61. Их общее количество оценивается примерно в 300 единиц, из которых около 150 размещены в Европе на шести авиабазах в пяти странах: Италии, Германии, Турции, Бельгии и Нидерландах [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 343].

И Россия, и США проводят плановую модернизацию своего нестратегического арсенала. В 2022 г. в США начнется процесс замены тактических бомб B61 новыми управляемыми бомбами свободного падения B61-12. Продолжается модернизация российской нестратегической ядерной авиации, подводного флота. Считается, что новая российская многоцелевая атомная подводная лодка «Ясень» оснащена новыми крылатыми ракетами морского базирования большой дальности «Калибр», которые существуют как в ядерном, так и в обычном оснащении [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 344, 351]. При этом общее количество нестратегических

боезарядов двух стран не увеличивается. Больше всего вопросов встанет в связи с заменой российских баллистических ракет малой дальности «Точка» новыми ракетными комплексами «Искандер-М». Х. Кристенсен полагает, что к российским баллистическим ракетам малой дальности наземного базирования «приписаны» около 150 ядерных боеголовок, в том числе более 90 – к ракетным комплексам «Искандер» [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 347]. Если эта оценка соответствовала бы действительности, это означало бы, что Россия либо не полностью выполнила свои односторонние обязательства 1991–1992 гг. (все ядерные боезаряды для средств наземного базирования должны были быть уничтожены), либо больше не придерживается их. Такие утверждения опровергаются российскими официальными лицами. Выступая на Конференции по разоружению 28 февраля 2018 г., министр иностранных дел С.В. Лавров заявил, что «Россия не имеет развернутого тактического ядерного оружия, не проводит отработку его применения. Мы сосредоточили имеющиеся боеприпасы на центральных базах хранения на своей национальной территории» [Лавров 2018].

После обнародования инициатив 1991–1992 гг. Россия и США не раз возвращались к вопросу о том, чтобы зафиксировать новый статус-кво в юридически обязывающей форме. В начале 1990-х гг. Москва предлагала Вашингтону оформить односторонние обязательства в договорном порядке [Zagorski 2011, p. 10]. В 1997 г., согласовывая основные параметры Договора СНВ-3, президенты России и США – теперь уже по инициативе Вашингтона – поручили экспертам рассмотреть возможные меры, касающиеся нестратегического оружия [Антонов 2012, с. 71; Woolf 2018, p. 3]. Однако этот договор так и не был согласован.

Но эта тема не ушла полностью с повестки дня. После неудачной попытки включить нестратегическое ядерное оружие в подписанный в 2010 г. российско-американский Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений администрация Обамы приняла решение добиваться их включения в следующий договор [NPR 2010, р. 47]. Такое же требование было включено в резолюцию Сената при ратификации Договора 2010 г. [111th Congress 2010]. Но с тех пор новые переговоры между Россией и США так и не начались.

В обсуждении этой темы в годы холодной войны и после ее завершения Россия и США поменялись местами. Начиная с 1970-х гг. Москва неоднократно, но безуспешно добивалась включения американских ядерных средств передового базирования в повестку дня двусторонних переговоров. Вашингтон уходил от этого, ссылаясь на то, что эти средства предназначены для компенсации превосходства Варшавского договора над силами НАТО в области обычных вооруженных сил [Лукаев 2009, с. 131]. Принятие же США односторонних обязательств по сокращению и ликвидации нестратегического оружия в начале 1990-х гг. во многом было облегчено подписанием в 1990 г. Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

В условиях нынешнего общего превосходства сил НАТО в области обычных вооружений теперь уже Россия рассматривает свои нестратегические силы в качестве компенсации этого превосходства [Антонов 2012, с. 75; Арбатов 2010, с. 257] и не проявляет спешки в их включении в переговорный процесс, увязывая решение данного вопроса с необходимостью достичь договоренности не только по более широким проблемам стратегической стабильности, но и по обычным вооруженным силам в Европе [Антонов 2012, с. 77].

Ядерные силы Великобритании и Франции

Параллельно с сокращением российского и американского нестратегического оружия в Европе сокращались ядерные арсеналы Великобритании и Франции.

В 1992 г. правительство *Великобритании* приняло решение в рамках общего сокращения арсеналов стран НАТО сократить более чем наполовину количество авиационных ядерных бомб. Позднее оно скорректировало это решение в пользу полного отказа от авиационной составляющей ядерных сил и в 1998 г. сняло авиационные бомбы с вооружения [Ежегодник СИПРИ-1998 1999, с. 423]. С тех пор силы ядерного сдерживания страны состоят исключительно из военно-морской составляющей. Это – по-прежнему четыре подводные лодки с атомными ракетами на борту (ПЛАРБ) класса «Вангард», вооруженные баллистическими ракетами «Трайидент II». Общего количества этих ракет достаточно для вооружения трех из четырех подводных лодок, выходящих на боевое патрулирование. С 2010 г. они имеют на борту вместо шестнадцати только восемь ракет и не более 40 боевых частей (хотя каждая ракета может нести до двенадцати боевых частей [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 354].

Общий запас ядерных боезарядов Великобритании оценивается в 215, а количество оперативно развернутых боезарядов, которые могут быть установлены на БРПЛ, – в 120 единиц [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 353–354]. Для сравнения: в 1998 г. с учетом авиационных ядерных бомб общий запас боезарядов составлял 360 единиц [Ежегодник СИПРИ-1998 1999, с. 423]. В утвержденном в 2015 г. обзоре британской политики в области стратегической обороны и безопасности были подтверждены принятые в 2010 г. планы дальнейшего со-

кращения ядерного арсенала страны. К середине 2020-х гг. общее количество ядерных боезарядов с учетом неразвернутых должно быть сокращено с 215 до 180 единиц [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 353], то есть вдвое по сравнению с уровнем 1990-х гг.

Франция после окончания холодной войны также провела сокращение своих ядерных арсеналов. Париж полностью отказался от баллистических ракет наземного базирования, включая ракеты средней и малой дальности. В 1996 г. все восемнадцать ракет шахтного базирования были сняты с вооружения [Ежегодник СИПРИ-1998 1999, с. 425]. Однако французские ядерные силы, в отличие от британских, сохранили не только морскую (четыре ПЛАРБ), но и авиационную составляющую. Помимо самолетов наземного базирования «Мираж 2000N» и поступающих на вооружение с 2009 г. «Рафаль F3» Франция сохранила и модернизирует палубную авиацию, базирующуюся на авианосце «Шарль де Голль». Общий запас ядерных боезарядов Франции в настоящее время оценивается примерно в 300 единиц [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 356–357], что в полтора раза меньше, чем в 1990-е гг.

И Лондон, и Париж планируют модернизацию своих ядерных сил без увеличения количества ядерных боезарядов, а Великобритания – с дальнейшим сокращением их количества. Речь идет о замене обеими странами в 2030-е гг. стратегических подводных лодок на ПЛАРБ нового поколения. Франция завершает замену самолетов «Мираж» «Рафальми», в плановом порядке заменяет палубную авиацию [Ежегодник СИПРИ-2017 2018, с. 354–358]. Прогнозируя ядерную политику Великобритании и Франции, можно исходить по крайней мере из отсутствия у них намерений увеличивать запасы своего ядерного оружия.

Москва давно и неоднократно предлагала включить британский и фран-

цузский потенциалы в переговорный процесс по ограничению и сокращению ядерных вооружений. Предлагалось охватить их силы как в рамках переговоров по стратегическим наступательным вооружениям, так и при обсуждении нестратегического оружия, настаивая на том, что без учета британского и французского потенциалов невозможны серьезные договоренности в этой области [Антонов 2012, с. 76, 78–79]. При классификации ядерных сил этих двух стран в России, как правило, их разделяют на стратегические (с дальностью более 5 500 км.) и нестратегические, отталкиваясь от определения стратегических сил, принятого в российско-американских договорах. В соответствии с этим критерием под определение стратегических вооружений подпадает весь арсенал Великобритании и большая часть – Франции [Пикаев 2009, с. 131–132].

Однако понятное в контексте российско-американских договоров определение стратегических ядерных сил не является универсальным. Дилемма, которую предстоит решить на определенном этапе в будущем, заключается в том, что и Великобритания, и Франция склонны рассматривать свои ядерные силы сдерживания как стратегические, независимо от их дальности. Вместе с тем как силы, не охваченные российско-американскими договорами о СНВ и РСМД, они *все* могут рассматриваться как нестратегические (см. определение нестратегических ядерных сил выше). В любом случае в настоящее время и в обозримом будущем, на которое распространяются планы Лондона и Парижа по модернизации, и Великобритания, и Франция явно предпочитают самостоятельно определять количественные параметры своих сил сдерживания, в том числе их сокращения, не включая их в переговорный процесс.

Дискуссии последнего десятилетия

Анализ современного обсуждения странами НАТО возможных изменений ядерного статус-кво, сложившегося в Европе после окончания холодной войны, следует предварить важным дополнением. Этот статус-кво сформировался не только в результате глубоких сокращений нестратегических ядерных сил США и России, а также ядерных арсеналов Великобритании и Франции. Его неотъемлемыми составными частями являются, во-первых, *обязательство стран НАТО по Основопологающему акту о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО 1997 г.*, в котором они подтвердили, что «не имеют намерений, планов или причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов и не имеют необходимости изменять любой из аспектов построения ядерных сил НАТО или ядерную политику НАТО, а также не предвидят необходимости делать это в будущем». В Основопологающем акте говорится также, что альянс «не имеет намерений, планов или причин создавать места хранения ядерного оружия» на территории этих стран – «ни путем строительства новых объектов хранения ядерного оружия, ни путем приспособления старых объектов хранения» [Основопологающий акт о взаимных отношениях 1997].

Во-вторых, неотъемлемой частью этого статус-кво являлся российско-американский *Договор о ликвидации РСМД*, имеющий прямое отношение к интересам европейских стран в области безопасности и к планированию ядерной политики НАТО.

В-третьих, важное значение для сохранения нынешнего статус-кво имеет соблюдение Россией и странами альянса их взаимных обязательств относи-

тельно военной сдержанности в том, что касается *обычных вооруженных сил*, и, в частности, обязательство НАТО воздерживаться от дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил [Основопологающий акт о взаимных отношениях 1997]. Россия взяла аналогичное обязательство в отношении Псковской и Калининградской областей.

Нарушение любого из этих элементов статус-кво – размещение ядерных сил США, строительство или приспособление объектов хранения ядерного оружия в каком-либо новом государстве – члене альянса, распад режима договора об РСМД, размещение на постоянной основе существенных боевых сил в чувствительных регионах – неизбежно будет вести к эрозии сложившегося ядерного статус-кво, и без того подвергающегося испытанию на прочность на фоне украинского кризиса, и может обернуть вспять начатый в 1990-е гг. процесс сокращения ядерного оружия в Европе.

Первая дискуссия в странах НАТО относительно пересмотра количественных параметров сложившегося ядерного статус-кво в Европе развернулась в 2010–2012 гг. в период подготовки новой стратегической концепции альянса и проведения обзора политики сдерживания и обороны.

В условиях проведения администрацией Обамы линии на снижение роли ядерного оружия ряд государств альянса, в первую очередь Германия в 2009 г., поставили вопрос об *одностороннем* выводе из Европы остающихся здесь ядерных авиационных бомб США [Meier, Lunn 2014, p. 19; Rudolf 2018, p. 8; Woolf 2016, p. 6]. Во время подготовки лиссабонского саммита НАТО, на котором планировалось утвердить новую стратегическую концепцию альянса, пять государств – Бельгия, Германия, Люксембург, Нидерланды и Нор-

вегия выступили с призывом полностью вывести складированные в Европе остатки американского ядерного оружия [Kříž 2015, pp. 121–122; Woolf 2018, p. 34]. В условиях, которые, несмотря на конфликт в Грузии 2008 г., рассматривались как стабильные с точки зрения обстановки в области европейской безопасности, эта инициатива была встречена положительно многими европейскими странами. Администрация Обамы готова была рассмотреть вариант вывода всех или сокращения количества ядерных боезарядов из Европы, если такое решение не нанесет ущерба единству альянса [Schulte, Hilde, Zysk, Kulesa, Durkalec 2015, p. 9; Woolf 2018, p. 34].

Это предложение стало предметом острых споров в НАТО. Критически отнеслись к предложениям «пятерки» Франция, Турция, ряд других членов альянса [Kříž 2015, pp. 121–122]. Против *одностороннего* вывода или сокращения американского ядерного оружия в Европе высказался ряд государств Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Такая перспектива практически у всех стран ЦВЕ вызвала озабоченность на фоне существенного сокращения американских войск в Европе. В апреле 2012 г. страны Вишеградской группы (Венгрия, Польша, Словакия, Чешская Республика) выступили с заявлением, в котором высказались в пользу сохранения американского ядерного оружия на континенте как неотъемлемого элемента стратегии НАТО [Durkalec 2012, p. 11; Slovakia 2015, p. 4].

Противники вывода или сокращения американских ядерных авиационных бомб из Европы увязали решение вопроса об их судьбе с инициированием переговоров об одновремен-

ном сокращении российского арсенала или, по меньшей мере, о согласовании мер транспарентности в отношении нестратегического оружия в Европе. Идея переговорного решения вопроса получила широкую поддержку не только в альянсе. Еще в апреле 2010 г. министры иностранных дел Польши и Швеции выступили с предложением договориться с Россией о том, чтобы не размещать нестратегическое ядерное оружие в непосредственной близости от границ стран – членов ЕС, в особенности – на Кольском полуострове и в Калининградской области [Zagorski 2011, p. 9]².

Мотивы государств, поддержавших предложение увязать полный или частичный вывод американских нестратегических ядерных вооружений из Европы с проведением переговоров с Россией, были разными. Какие-то страны полагали, что это позволит преодолеть разногласия в альянсе. Другие считали, что Москва не согласится с такой постановкой вопроса, поскольку ее в целом устраивал сложившийся статус-кво [PISM Database 2015]. Как бы то ни было, данный подход возобладал в ходе дискуссии 2010–2012 гг. Он и лег в основу соглашения, принятого на саммите НАТО в Чикаго в 2012 г., которым подтверждалась готовность альянса к сокращению ядерного оружия США в Европе при условии встречных шагов со стороны Российской Федерации.

Созданный в мае 2012 г. Специальный комитет по вопросам контроля над вооружениями, разоружения и нераспространения должен был конкретизировать это решение. Обсуждение в Специальном комитете сосредоточилось на разработке мер транспарентности для согласования с Россией. Одна-

2 Заведомо невыполнимое предложение, если учесть, что на Кольском полуострове расположены основные базы российского Северного флота.

ко работа комитета показала неготовность самой НАТО согласиться даже с относительно простыми мерами в области обмена информацией и взаимных посещений. В итоге перечень из более чем дюжины мер, предложенных США и Нидерландами и поддержанных Бельгией, Венгрией, Исландией, Люксембургом, Словенией и Чехией, к декабрю 2013 г. сократился до двух: обмена односторонними и (или) совместными заявлениями о ядерных доктринах и проведения на взаимной основе брифингов о нестратегическом ядерном оружии США и России в Европе [Meier, Lunn 2014, pp. 19–22].

Тем не менее принятое в Чикаго в 2012 г. решение позволило преодолеть возникшие в альянсе разногласия и сформировать общую позицию, не снимая окончательно вопрос о полном выводе или сокращении в будущем американского ядерного оружия в Европе [Durkalec, Zagorski 2014, p. 7]. Примечательно в этой связи, что с совместным предложением о необходимости согласования с Россией мер транспарентности в области нестратегических сил в 2011 г. выступили как сторонники вывода американского ядерного оружия из Европы (Германия, Нидерланды, Норвегия), так и противники такого решения (Польша, поддержанная Венгрией и Чешской Республикой) [Czech Republic 2015, pp. 4–5; Hungary 2015, pp. 4–5]. Это решение было интерпретировано как *подтверждение сложившегося в 1990-е гг. статус-кво* как в странах НАТО [Kulesa 2012, p. 5; Rudolf 2018, p. 8], так и в России [Антонов 2012, с. 75].

Однако достигнутый консенсус о возможности дальнейшего взаимного сокращения нестратегического ядерного оружия в Европе на основе соответствующих договоренностей с Россией продержался недолго. **На фоне украинского кризиса акценты в дискуссии внутри альянса сместились в сторону**

обсуждения целесообразности укрепления потенциала ядерного сдерживания в Европе.

Украинский кризис породил сомнения в эффективности и убедительности проводимой альянсом политики сдерживания. Современные споры на эту тему напоминают дискуссии времен холодной войны относительно «автоматизма» введения в действие американских ядерных гарантий безопасности. На каждом этапе этих дискуссий сомнения в готовности США пожертвовать Вашингтоном или Нью-Йорком ради Лондона или Парижа снимались размещением в Европе американского нестратегического ядерного оружия, которое должно было служить залогом того, что вооруженный конфликт нельзя будет ограничить какими-то географическими рамками и он неизбежно перерастет во всеобщую ядерную войну.

В европейских странах сегодня опять задают вопрос о том, готов ли будет Вашингтон защищать, к примеру, страны Балтии, если действия альянса будут сдерживаться угрозой ядерной эскалации конфликта. В мае 2015 г. чешский генерал П. Павел, вскоре после этого занявший пост председателя Военного комитета НАТО, так сформулировал эту дилемму: «Россия могла бы оккупировать страны Балтии за два дня, а НАТО за это время не смогла бы принять ответные меры. Тогда перед НАТО встал бы вопрос, начинать ли войну с Россией, возможно ядерную, из-за оккупации Балтии» (цит. по: [Durkalec 2015, p. 26]). Размещенные в Европе ядерные авиационные бомбы США (в том числе при условии их предстоящей модернизации) считаются неэффективным и неубедительным ответом на гипотетическую готовность России нанести ограниченный ядерный удар, поскольку нет никакой гарантии того, что несущие их современные самолеты стран НАТО смогут преодолеть российские системы противо-

воздушной обороны. В этом случае альтернативой принятию свершившегося факта был бы только самоубийственный глобальный обмен ядерными ударами США и России, то есть – провал политики сдерживания, чего больше всего опасаются многие члены альянса [Durkalec 2015, pp. 25–26; Rudolf 2018, p. 12].

Российское руководство справедливо отвергает упреки в свой адрес и подчеркивает, что никто в Москве не собирается нападать на страны Балтии. Тем более с учетом того обстоятельства, что они являются членами НАТО, и война с ними означала бы развязывание войны с альянсом с высоким риском ее перерастания в ядерное противостояние. Однако простые заявления не успокаивают и не убеждают соседей России [Ознобищев 2016, с. 827]. Они просчитывают наихудшие из возможных сценариев развития ситуации, исходя из оценки не декларированных намерений России, а ее военных возможностей, и ищут адекватные способы хеджировать даже гипотетические риски.

В результате ядерный статус-кво в Европе вновь был поставлен под сомнение, но уже не сторонниками вывода ядерного оружия США из Европы, а теми, кто считает, что принятых НАТО в 2014–2016 гг. решений по размещению на восточном фланге альянса четырех многонациональных батальонов и формированию сил и инфраструктуры для их усиления недостаточно для поддержания убедительности гарантий безопасности союзников и что необходим пересмотр нынешней ядерной политики альянса в сторону увеличения количества нестратегического ядерного оружия и изменения географии его размещения в Европе [Durkalec 2015, p. 28; Durkalec 2016, p. 2]. Ряд польских политиков, включая первого посткоммунистического президента страны Л. Валенсу, призывали разместить ядерное оружие НАТО (то есть – США) в

Польше. В Конгрессе США обсуждался вопрос о целесообразности перебазирования ядерных бомб в страны ЦВЕ и (или) размещения в Европе американских ядерных ракет наземного базирования [Durkalec 2015, p. 27; Poland 2015, p. 6; Woolf 2018, p. 35]. Первое решение привело бы к развалу режима, установленного Основопологающим актом Россия–НАТО, тогда как второе (в зависимости от того, где были бы развернуты американские ракеты), как минимум – окончательному развалу режима, установленного Договором об РСМД.

Хотя официальные представители стран – членов альянса избегают публичных высказываний на этот счет [PISM Database 2015], вопросы ядерной стратегии, судя по всему, обсуждались в альянсе за закрытыми дверями в 2014–2016 гг. Косвенным свидетельством этого можно считать тот факт, что в короткий период с февраля 2015 по июнь 2016 г. состоялись три заседания Группы ядерного планирования НАТО на уровне министров обороны [Durkalec 2016, p. 2]. Итоги этой дискуссии были подведены на варшавском саммите альянса в 2016 г. [Durkalec 2016; Woolf 2018, pp. 16–17].

На саммите не было принято решение о размещении в Европе дополнительного ядерного оружия, но была согласована новая, расширенная по сравнению с документами чикагского саммита 2012 г. формулировка, подчеркивающая значимость различных компонентов ядерного сдерживания, в том числе нестратегических: «До тех пор, пока существует ядерное оружие, НАТО будет оставаться ядерной союзнической организацией. Стратегические силы Североатлантического союза, особенно Соединенных Штатов Америки, являются высшей гарантией безопасности стран НАТО. Независимые стратегические ядерные силы Соединенного Королевства и Франции игра-

ют собственную роль в сдерживании и вносят вклад в общую безопасность Североатлантического союза. Отдельные центры принятия решений этих стран НАТО вносят вклад в сдерживание, поскольку это усложняет расчеты потенциальных противников. Построение сил ядерного сдерживания НАТО также предусматривает отчасти развертывание в передовом районе в Европе ядерного оружия США и представление сил и средств и инфраструктуры соответствующими государствами-членами» [Заявление по итогам встречи 2016, п. 53]. И далее: «Любое применение ядерного оружия против НАТО фундаментальным образом изменит характер конфликта. Обстоятельства, при которых НАТО пришлось бы применить ядерное оружие, крайне маловероятны. Однако, если возникнет угроза основополагающей безопасности какого-либо государства – члена организации, НАТО обладает силами и средствами, а также преисполнена решимости заставить противника пойти на такие затраты, которые будут неприемлемы и намного перевесят преимущества, которых противник мог бы надеяться добиться» [Заявление 2016, п. 54]. Эта формулировка летом 2018 г. была включена и в заявление, принятое альянсом по итогам брюссельского саммита [Заявление по итогам встречи 2018, пп. 35, 36].

Включая размещенное в Европе ядерное оружие в свою политику сдерживания, альянс в то же время **не принимал решений, которые вели бы к повышению роли этого оружия**. С начала украинского кризиса официальные представители НАТО подчеркивали, что уровень боеготовности ядерного оружия в Европе не был изменен, а соответствующие учения проводились в ранее намеченном плановом порядке [Durkalec 2015, р. 20]. В альянсе не принимались решения о пересмотре ни ко-

личественных параметров размещения в Европе нестратегического ядерного оружия в сторону наращивания его арсеналов, ни географии его размещения.

Заключение

Дискуссии последнего десятилетия о роли ядерного оружия в проводимой НАТО политике сдерживания не привели к изменению сложившегося на основе решений 1990-х гг. статус-кво. На фоне украинского кризиса вопрос о полном или частичном выводе американского нестратегического оружия, обсуждавшийся шесть-восемь лет назад, на обозримую перспективу снят с повестки дня [Durkalec 2016, р. 2]. Не обсуждается в настоящее время и вопрос о взаимных согласованных с Россией дальнейших сокращениях нестратегического оружия. Не отказываясь от этой цели в принципе, и в Варшаве в 2016 г., и в Брюсселе в 2018 г. альянс констатировал, что в настоящее время для таких сокращений нет условий [Заявление по итогам встречи 2018, п. 42].

Вместе с тем сторонники «укрепления» ядерного сдерживания в Европе не смогли убедить своих оппонентов в альянсе в необходимости вернуться к прежней модели политики сдерживания времен холодной войны, которая во многом опиралась на размещение значительного количества нестратегического ядерного оружия в Европе.

Этот результат можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, в годы холодной войны целесообразность размещения на континенте американского нестратегического ядерного оружия обосновывалась необходимостью компенсировать превосходство СССР и стран Варшавского договора в обычных вооружениях. Сегодня картина прямо противоположная: превосходство в обычных вооружениях на сто-

роне НАТО, что позволяет альянсу проводить политику «минимального» ядерного сдерживания, не предполагающую наращивание количества и диверсификацию видов нестратегического ядерного оружия.

Во-вторых, если риски эскалации возможных опасных военных инцидентов на море и в воздухе вследствие значительной активизации военной деятельности России и НАТО в районах их непосредственного соприкосновения считаются сегодня приемлемыми, то понижение «порога» применения ядерного оружия, неизбежное в случае увеличения количества нестратегических вооружений и их размещения вблизи от границ России, существенно повысило бы эти риски и сделало бы их неприемлемыми. В этом никто в НАТО не заинтересован.

Однако испытания ядерного статус-кво в Европе на прочность не закончились. В ближайшее время дискуссия в альянсе возобновится как минимум в связи с объявленным намерением США выйти из Договора об РСМД. Другим поводом для ее возобновления может стать размещение на постоянной основе в «чувствительных» зонах, к примеру в Балтийском регионе, существенных обычных боевых сил России и (или) НАТО.

Список литературы

Антонов А.И. (2012) Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: РОССПЭН; ПИР-Центр.

Арбатов А. (2010) Уравнение безопасности. М.: РОДП «Яблоко».

Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность (1999). М.: Наука.

Ежегодник СИПРИ 2017. Вооружения, разоружение и международная безопасность (2018). М.: ИМЭМО РАН.

Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 11–12 июля 2018 года (2018) // НАТО. 11 июля 2018 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=ru, дата обращения 30.11.2018.

Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Варшаве 8–9 июля 2016 (2016) // НАТО. 9 июля 2016 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru, дата обращения 30.11.2018.

Лавров С.В. (2018) Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Конференции по разоружению, Женева, 28 февраля 2018 года // МИД РФ. 358-28-02-2018 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3102270, дата обращения 30.11.2018.

Ознобищев С. (2016) Россия и НАТО: от украинского кризиса к новому взаимодействию // Ежегодник СИПРИ-2015. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН. С. 823–834.

Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора (1997) // МИД РФ. 27 мая 1997 // http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/-/asset_publisher/rp0fiUBmANaH/content/id/608584, дата обращения 30.11.2018.

Пикаев А. (2009) Нестратегические ядерные вооружения // Арбатов А., Дворкин В. (ред.) Ядерное пространство: новые технологии, вооружения и договоры. М.: РОССПЭН. С. 129–157.

111th Congress (2010). 2nd Session, Senate, Exec. Rept. 111-6. Treaty with Russia on Measures for Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (The New START Treaty) // <https://www.congress.gov/congressional-report/111th-congress/executive-report/6>, дата обращения 30.11.2018.

Arbatov A. (2017) Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty: Thirty Years Later // Revitalizing Nuclear arms Control and Non-proliferation, Moscow: National Institute of Corporate Reform, pp. 50–68.

Czech Republic (2015) // The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM // http://www.pism.pl/files/?id_plik=19767, дата обращения 30.11.2018.

Durkalec J. (2012) The Future of NATO's Defence and Deterrence Posture: V4 Perspectives // The Future of NATO's Deterrence and Defence Posture: Views from Central Europe. Report of the Polish Institute of International Affairs in Partnership with the Nuclear Security Project. December 2012 (ed. Kulesa Ł.), Warsaw: PISM, pp. 7–14.

Durkalec J. (2015) Nuclear-Backed “Little Green Men”: Nuclear Messaging in the Ukraine Crisis, Warsaw: PISM.

Durkalec J. (2016) NATO Adaptation to Russia's Nuclear Challenge // PISM Bulletin, no 59, September 16, 2016 // <http://www.pism.pl/publications/bulletin/no-59-909>, дата обращения 30.11.2018.

Durkalec J., Zagorski A. (2014) Options for Transparency and Confidence-Building Measures Related to Non-Strategic Nuclear Weapons in Europe: Cost-Benefit Matrix. PISM–IMEMO RAN Workshop Report, July 2014, Warsaw // https://www.pism.pl/files/?id_plik=17781, дата обращения 30.11.2018.

Hungary (2015) // The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM // http://www.pism.pl/files/?id_plik=19769, дата обращения 30.11.2018.

Kříž Z. (2015) Disaster or Success? Evaluation of Worst Case Scenario // New-comers No More? Contemporary NATO and the Future of the Enlargement from the Perspective of “Post-Cold War” Members (eds. Czulda R., Madej M.), Warsaw, Prague, Brussels: International Relations Research Institute, Jagello 2000 – NATO Information Center in Prague; Atlantic Treaty Association, pp. 117–129.

Kulesa Ł. (2012) The Future of NATO's Deterrence and Defence Posture: Views from Central Europe, Warsaw: PISM, pp. 5–6.

Meier O., Lunn S. (2014) Trapped: NATO, Russia, and the Problem of Tactical Nuclear Weapons // Arms Control Today, vol. 44, no 1, pp. 18–24.

Nuclear Posture Review 2010 (NPR) (2010) // U.S. Department of Defense, April 2010 // https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/NPR_FACT_SHEET_April_2010.pdf, дата обращения 30.11.2018.

PISM Database (2015) // The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues // <http://www.pism.pl/publications/PISM-raports/The-Central-and-Eastern-European-resource-collection-on-nuclear-issues>, дата обращения 30.11.2018.

Poland (2015) // The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM // http://www.pism.pl/files/?id_plik=19772, дата обращения 30.11.2018.

Pomper M.A., Potter W., Sokov N. (2009) Reducing and Regulating Tactical (Nonstrategic) Nuclear Weapons in Europe, Monterey: The James Martin Center for Nonproliferation Studies.

Rudolf P. (2018) US Nuclear Deterrence Policy and Its Problems. SWP Research Paper 2018/RP // https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2018RP10_rdf.pdf, дата обращения 30.11.2018.

Schulte P., Hilde P.S., Zysk K., Kulesa Ł., Durkalec J. (2015) The Warsaw Workshop:

Prospects for Information Sharing and Confidence Building on Non-Strategic Nuclear Weapons in Europe. Post-Conference Report, Warsaw: The Polish Institute of International Affairs.

Slovakia (2015) // The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues, Warsaw: PISM // http://www.pism.pl/files/?id_plik=19774, дата обращения 30.11.2018.

Woolf A.F. (2018) Nonstrategic Nuclear Weapons. Congressional Research Service Report // <https://fas.org/srg/crs/nuke/RL32572.pdf>, дата обращения 30.11.2018.

Zagorski A. (2011) Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control, Hamburg: IFSH.

Problems of the Old World

Nuclear Weapons in Europe: around the Status Quo

Andrei V. ZAGORSKI

PhD in History, Head of Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: zagorskiandrei@gmail.com

CITATION: Zagorski A.V. (2018) Nuclear Weapons in Europe: around the Status Quo. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 128–143 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-128-143

ABSTRACT. *By the end of the last decade, a new “nuclear” status quo was asserted in Europe as a result of deep reductions of non-strategic weapons of Russia and the US, the elimination of Russian and American intermediate- and shorter-range missiles, and the reduction of the arsenals by Great Britain and France. The commitment of NATO states not to station nuclear weapons on the territory of new members and the mutual commitments of Russia and the members of the alliance to exercise restraint in stationing of conventional forces are important elements of this status quo. Twice during the past decade, different options of amending this status quo were on the NATO's agenda. In 2010–2012, proposals were put forward to unilaterally completely or partially withdraw the remaining American nuclear bombs from Europe. In 2014–2016, in the context of NATO's returning to*

the policy of deterring Russia, debates concentrated on the expedience of returning to a fully-fledged nuclear deterrence that would imply an increase in the stockpile of non-strategic weapons and a different geography of their deployment in Europe, including the option of deploying them in the East-Central European countries. However, both rounds of the debates resulted in a draw. The nuclear status quo established in Europe after the end of the Cold war was preserved. Against the background of the Ukraine crisis, the option of a full or partial withdrawal of American non-strategic weapons is off the agenda for a foreseeable future. The option of mutual negotiated further reductions of Russian and American non-strategic weapons is currently not considered either. At the same time, the proponents of strengthening nuclear deterrence in Europe failed to convince their opponents within the

alliance of the expedience of returning to the Cold war time strategy. It is premature to conclude, however, that the testing of the nuclear status quo is over. Ongoing debates are further affected by the critical status of the 1987 INF Treaty and the continued erosion of the conventional arms control regime in Europe.

KEY WORDS: *non-strategic nuclear weapons, Europe, the US, Russia, NATO, diplomacy, security, defense, foreign policy*

References

- 111th Congress (2010). 2nd Session, Senate, Exec. Rept. 111-6. *Treaty with Russia on Measures for Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (The New START Treaty)*. Available at: <https://www.congress.gov/congressional-report/111th-congress/executive-report/6>, accessed 30.11.2018.
- Antonov A.I. (2012) *Kontrol' nad vooruzheniyami: istoriya sostoyanie, perspektivy* [Arms Control: History, Status, Prospects], Moscow: ROSSPEN; PIR-Center.
- Arbatov A. (2010) *Uravnenie bezopasnosti* [Security Equation], Moscow: RODP «Yabloko».
- Arbatov A. (2017) *Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty: Thirty Years Later. Revitalizing Nuclear arms Control and Non-proliferation*, Moscow: National Institute of Corporate Reform, pp. 50–68.
- Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11–12 July 2018 (2018). NATO, July 11, 2018. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selected-Locale=en, accessed 30.11.2018.
- Czech Republic (2015). *The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues*, Warsaw: PISM. Available at: http://www.pism.pl/files/?id_plik=19767, accessed 30.11.2018.
- Durkalec J. (2012) The Future of NATO's Defence and Deterrence Posture: V4 Perspectives. *The Future of NATO's Deterrence and Defence Posture: Views from Central Europe. Report of the Polish Institute of International Affairs in Partnership with the Nuclear Security Project. December 2012* (ed. Kulesa Ł.), Warsaw: PISM, pp. 7–14.
- Durkalec J. (2015) *Nuclear-Backed "Little Green Men": Nuclear Messaging in the Ukraine Crisis*, Warsaw: PISM.
- Durkalec J. (2016) NATO Adaptation to Russia's Nuclear Challenge. *PISM Bulletin*, no 59, September 16, 2016. Available at: <http://www.pism.pl/publications/bulletin/no-59-909>, accessed 30.11.2018.
- Durkalec J., Zagorski A. (2014) *Options for Transparency and Confidence-Building Measures Related to Non-Strategic Nuclear Weapons in Europe: Cost-Benefit Matrix*. PISM-IMEMO RAN Workshop Report, July 2014, Warsaw. Available at: https://www.pism.pl/files/?id_plik=17781, accessed 30.11.2018.
- Ezhegodnik SIPRI 1998. *Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI Yearbook 1998. Armaments, Disarmament and International Security] (1999), Moscow: Nauka.
- Ezhegodnik SIPRI 2017. *Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI Yearbook 2017. Armaments, Disarmament and International Security] (2018), Moscow: IMEMO RAN.
- Founding Act. Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security between NATO and the Russian Federation Signed in Paris, France (1997). NATO, May 29, 1997. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25468.htm, accessed 30.11.2018.
- Hungary (2015). *The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues*, Warsaw: PISM. Available at: http://www.pism.pl/files/?id_plik=19769, accessed 30.11.2018.
- Kříž Z. (2015) Disaster or Success? Evaluation of Worst Case Scenario.

Newcomers No More? Contemporary NATO and the Future of the Enlargement from the Perspective of "Post-Cold War" Members (eds. Czulda R., Madej M.), Warsaw, Prague, Brussels: International Relations Research Institute, Jagello 2000 – NATO Information Center in Prague; Atlantic Treaty Association, pp. 117–129.

Kulesa Ł. (2012) *The Future of NATO's Deterrence and Defence Posture: Views from Central Europe*, Warsaw: PISM, pp. 5–6.

Lavrov S.V. (2018) Foreign Minister Sergey Lavrov's Statement at the Conference on Disarmament, Geneva, February 28, 2018. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 358-28-02-2018. Available at: http://www.mid.ru/en/web/guest/mnogostoronnij-razoruzenceskij-mehanizm-oon/-/asset_publisher/8pTEicZSMOut/content/id/3102270, accessed 30.11.2018.

Meier O., Lunn S. (2014) Trapped: NATO, Russia, and the Problem of Tactical Nuclear Weapons. *Arms Control Today*, vol. 44, no 1, pp. 18–24.

Nuclear Posture Review 2010 (NPR) (2010). *U.S. Department of Defense*, April 2010. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/NPR_FACT_SHEET_April_2010.pdf, accessed 30.11.2018.

Oznobishchev S. (2016) Rossiya i NATO: ot ukrainskogo krizisa k novomu vzaimodejstviyu [Russia and NATO: from the Ukrainian Crisis to the Renewed Interaction]. *Ezhegodnik SIPRI-2015. Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'* [SIPRI Yearbook 2015. Armaments, Disarmament and International Security], Moscow: IMEMO RAN, pp. 823–834.

Pikaev A. (2009) Nestrategicheskie yadernye vooruzheniya [Nonstrategic Nuclear Weapons]. *Yadernoe rasprostranenie: novye tekhnologii, vooruzheniya i dogovory* [Nuclear Proliferation: New Technologies, Weapons and Treaties] (eds. Arbatov A., Dvorkin V.), Moscow: ROSSPEN, pp. 104–128.

PISM Database (2015). *The Central and Eastern European Resource Col-*

lection on Nuclear Issues. Available at: <http://www.pism.pl/publications/PISM-raports/The-Central-and-Eastern-European-resource-collection-on-nuclear-issues>, accessed 30.11.2018.

Poland (2015). *The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues*, Warsaw: PISM. Available at: http://www.pism.pl/files/?id_plik=19772, accessed 30.11.2018.

Pomper M.A., Potter W., Sokov N. (2009) *Reducing and Regulating Tactical (Nonstrategic) Nuclear Weapons in Europe*, Monterey: The James Martin Center for Nonproliferation Studies.

Rudolf P. (2018) *US Nuclear Deterrence Policy and Its Problems*. SWP Research Paper 2018/RP. Available at: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2018RP10_rdf.pdf, accessed 30.11.2018.

Schulte P., Hilde P.S., Zysk K., Kulesa Ł., Durkalec J. (2015) *The Warsaw Workshop: Prospects for Information Sharing and Confidence Building on Non-Strategic Nuclear Weapons in Europe*. Post-Conference Report, Warsaw: The Polish Institute of International Affairs.

Slovakia (2015). *The Central and Eastern European Resource Collection on Nuclear Issues*, Warsaw: PISM. Available at: http://www.pism.pl/files/?id_plik=19774, accessed 30.11.2018.

Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the Meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016 (2016). *NATO*, July 9, 2016. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selected-Locale=en, accessed 30.11.2018.

Woolf A.F. (2018) *Nonstrategic Nuclear Weapons*. Congressional Research Service Report. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/RL32572.pdf>, accessed 30.11.2018.

Zagorski A. (2011) *Russia's Tactical Nuclear Weapons: Posture, Politics and Arms Control*, Hamburg: IFSH.

Страницы прошлого

Роль Франции в реализации израильской ядерной программы в контексте современного дискурса по данному вопросу

Дмитрий Александрович МАРЬЯСИС

кандидат экономических наук, заместитель декана экономического факультета, Институт экономики, математики и информационных технологий Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82. E-mail: dmaryasis@yandex.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Марьясис Д.А. (2018) Роль Франции в реализации израильской ядерной программы в контексте современного дискурса по данному вопросу // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 144–160. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-144-160

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов, связанных с развитием израильской ядерной программы. В первой ее части рассмотрена и классифицирована основная литература и источники по данной проблематике. Во второй приведен авторский анализ причин, по которым только что обретшее независимость Государство Израиль решило реализовать беспрецедентный по масштабам и уровню риска проект. Третья часть статьи посвящена исследованию роли Франции в становлении и развитии израильской ядерной программы. В работе показано, что всю информацию об израильской ядерной программе можно разделить на пять групп: личные документы людей, так или иначе имевших отношение к формированию концепции ядерной программы страны и ее реализации; израильские и иностранные официальные документы, касающиеся исследуемой тематики, включая сте-

нограммы встреч и выступлений; статьи, заметки, блоги в интернете на различных языках; упоминания об израильской ядерной программе в монографиях, посвященных другой тематике; монографии, посвященные непосредственно вопросам, связанным с развитием израильской ядерной программы. К причинам, побудившим Израиль начать собственный проект по созданию ядерного оружия, следует отнести травму Холокоста, иррациональную боязнь тотального уничтожения еврейского народа и вытекающую отсюда необходимость обеспечить безопасность единственного еврейского государства. В работе показана ключевая роль Франции, и в особенности военного истеблишмента Четвертой республики, в возникновении израильской ядерной программы; рассмотрены мотивы, побудившие французскую элиту оказать действенную помощь молодому государству в реализации столь амбициозного проекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Израиль, ядерная программа, Франция, группы материалов, реактор, оборона, безопасность внешняя политика*

Одной из наиболее существенных проблем современной глобальной системы безопасности является распространение ядерного оружия. Формально самым проблемным государством с этой точки зрения является Северная Корея. Власти этой страны не скрывают своих целей и активно работают в направлении совершенствования средств доставки ядерных боеголовок¹. Сами боеголовки у северокорейцев уже есть. Основная проблема, связанная с наличием ядерного оружия у этого государства, – это непредсказуемость его правящего режима. На практике непредсказуемость может быть реализована двумя способами: во-первых, корейцы могут использовать свой ядерный арсенал против тех стран, которые они считают своими врагами; а во-вторых, они могут продавать свои знания и технологии всем, кому это может быть по карману, включая негосударственных игроков (читай: террористические организации).

В начале 2000-х гг. много шума наделала ядерная программа Ирана. Однако в 2015 г. между исламской республикой и группой переговорщиков (куда входила и Россия) было заключено соглашение, которое по замыслу должно гарантировать мирный характер ядерной программы Ирана. Для большинства стран ситуация вроде бы нормализовалась. Вместе с тем на Ближнем Востоке есть одна страна, которая по-прежнему высказывает серьезные опасения по этому вопросу. Эта страна – Израиль. Опасения израильтян понятны – власти Ирана не устают призы-

вать к уничтожению «сионистского образования» (или малого сатаны – это лексика, которой пользуются применительно к еврейскому государству власти исламской республики). Израильские эксперты полагают, что даже если Иран будет скрупулезно выполнять достигнутое соглашение, то к моменту истечения сроков наложенных договором ограничений (10–15 лет в зависимости от конкретного ограничения) страна будет в состоянии быстро создать собственную ядерную бомбу.

В Израиле, по-видимому, знают, о чем говорят. У страны есть опыт создания собственного ядерного арсенала в условиях негативного к этому отношения мирового сообщества. Данная статья посвящена рассмотрению одного из интереснейших сюжетов, связанных с развитием ядерной программы Израиля, а именно роли Франции в этом процессе. Структурно работа состоит из трех частей. В первой части статьи проведена систематизация источников и материалов по ядерной программе еврейского государства. Во второй – дано объяснение основных мотивов, которые заставили Израиль в первые годы после получения независимости втянуться в такой рискованный и дорогостоящий проект, как создание ядерного оружия. И, наконец, в третьей части рассказывается о франко-израильском сотрудничестве в этой сфере.

Обзор источников и литературы

Всю информацию об израильском ядерном проекте можно разделить на несколько групп. К первой группе материалов относятся личные документы

¹ Хотя в апреле 2018 г. Северная Корея отказалась от продолжения испытаний своего ядерного оружия, от самой ядерной программы она не отказалась.

людей, так или иначе имевших отношение к формированию концепции ядерной программы страны и ее реализации. В дневниках, личной переписке и проч. участники данного процесса так или иначе касались этой темы. Однако, ввиду ее чрезвычайной секретности, прямого упоминания ядерного реактора или, тем более, какой-то части проекта, имеющей отношение к вооружениям, встретить в этих документах невозможно. Вместе с тем исследователи без особого труда выделили в подобных материалах те части текста, которые касаются ядерной тематики. Так как значительная часть личных архивов многих участников израильской ядерной программы стала достоянием общественности, то цитаты из этих документов активно используются в соответствующей литературе, в частности мемуарной и биографической.

Вторую группу материалов представляют израильские и иностранные официальные документы, касающиеся исследуемой тематики, включая стенограммы встреч и выступлений. Эти документы позволяют понять, во-первых, как вовлеченные в этот сверхсекретный проект официальные лица информировали более широкие общественные круги внутри Израиля о развитии национальной ядерной программы, и во-вторых, как строились взаимоотношения Израиля с иностранными государствами по данному вопросу, в частности, как была сформулирована известная израильская официальная позиция по наличию у этой страны ядерного оружия, которая в русском переводе звучит приблизительно так: «Израиль не будет первой страной, представившей ядерное оружие на Ближнем Востоке». К настоящему моменту

значительная часть этой группы материалов рассекречена и, соответственно, использована в различных публикациях по данному вопросу. Однако ряд документов еще закрыт для доступа исследователей. Поэтому пока остается шанс, что появление в открытом доступе новых документов позволит взглянуть на ситуацию с развитием израильской ядерной программы под иным углом.

Третью группу материалов по рассматриваемой тематике составляют многочисленные статьи, заметки, блоги на просторах интернета на различных языках. Они с той или иной степенью подробности и достоверности излагают историю создания и развития ядерной программы Израиля. В рамках данной работы нет возможности, да и смысла, подробно анализировать этот источник информации ввиду большого числа подобных публикаций². Следует лишь отметить, что они вполне могут служить справочным материалом для тех, кто интересуется этой тематикой.

Четвертой группой материалов являются упоминания об израильской ядерной программе в монографиях, посвященных другой тематике, в частности исследованию различных аспектов истории Израиля, включая и книги на русском языке. Так, например, в монографиях Т.А. Карасовой [Карасова 2015] и А. Эпштейна [Эпштейн 2014], посвященных истории развития отношений между Израилем и США, теме взаимоотношений двух государств по вопросам развития в еврейской стране ядерной энергетики уделено определенное (но относительно небольшое) место. Вряд ли эта группа материалов является существенной для исследовательской работы по данной тематике.

2 Удачным примером такого материала на русском языке является статья известного российского военного специалиста Виктора Есина [Есин 2013].

Однако совсем ее игнорировать нельзя, так как, во-первых, там можно найти авторские подходы к рассмотрению вопросов, связанных с израильской ядерной программой, а во-вторых, в таких работах иногда высвечиваются детали, которые представляют определенный интерес, но не всегда попадают в тексты, рассказывающие об израильской ядерной программе в целом.

И наконец, к пятой группе материалов, на рассмотрении которой стоит остановиться подробнее, относятся монографии, посвященные непосредственно вопросам, связанным с развитием израильской ядерной программы. В статье мы более подробно остановимся на пяти последних по времени появления (и, пожалуй, самых значительных) книгах об израильской ядерной программе, написанных на английском языке, а также назовем еще несколько заслуживающих внимания работ, включая ивритоязычные, с тем чтобы у читателя сложилось более или менее полное представление о библиографии по данной теме.

Начать обзор, как представляется, следует с рассмотрения двух книг известного израильского специалиста по данному вопросу Авнера Коэна. Он, пожалуй, является сегодня наиболее авторитетным и наиболее активно пишущим экспертом по вопросам израильской ядерной программы. Существенно также и то, что профессор Коэн занимает резко критическую позицию в отношении израильской стратегии двусмысленности и непризнания факта наличия у страны ядерного арсенала.

Итак, первой монографией Коэна, принесшей ему известность, стала вышедшая в 1998 г. книга “Israel and the Bomb” («Израиль и бомба») [Cohen 1998]. Подробная рецензия на это действительно фундаментальное исследование приведена в журнале «Ядерный

контроль» [Тимербаев 1999]. Поэтому здесь нет смысла специально останавливаться на описании этой книги. Отметим лишь словами рецензента, что «книга отличается ... своей чрезвычайно обстоятельной архивной и мемуарной основой. Автору удалось поработать как в американских, так и в израильских архивах, ознакомиться с малоизвестными широкому кругу исследователей воспоминаниями (как правило, на иврите) тех, кто был у истоков атомной программы, проинтервьюировать многих израильских ученых и администраторов, а также американских специалистов. Авнер Коэн продемонстрировал недюжинные способности аналитика, которые позволили ему прийти к нестереотипным, нетрадиционным выводам и рекомендациям относительно возможного дальнейшего подхода израильского истеблишмента к атомной проблеме» [Тимербаев 1999, с. 85].

Вторая монография Коэна, о которой следует рассказать в данной работе, называется “The Worst-Kept Secret: Israel’s Bargain with the Bomb” («Плохо скрываемая тайна: израильская сделка с бомбой») [Cohen 2010]. В этой книге автор продолжает развивать свою мысль о необходимости Израилю признать уже наконец наличие у себя ядерного оружия. Он подробно исследует израильский феномен «двойственности» (так можно перевести с иврита термин *amimut*) – его возникновение, развитие и состояние этой доктрины в начале нынешнего столетия. Он анализирует психологию израильтян, пытаясь разобраться как в причинах возникновения самой идеи создания собственной ядерной программы (об этом далее), так и консервации устаревшей, по его мнению, идеологии (Коэн согласен с тем, что несколько десятилетий назад она могла быть вполне оправданной), которая в XXI в. на фоне фундаментальных изменений в израильском

обществе, произошедших в 1990-е гг., выглядит если не жалко, то смешно (чего стоят придирки цензуры к текстам книг по ядерной программе Израиля, когда компетентные органы заставляют менять фразеологию (вместо «ядерное оружие» писать «ядерная опция»), не меняя смысл, – о том же во вступительном слове к своей книге пишет другой автор, Михаэль Карпин [Karpin 2006]. Можно соглашаться или нет с позицией Коэна, но в любом случае, как отмечает рецензент «Нью-Йорк таймс», его монография – это вдумчивый выверенный и глубокий труд [Bronner 2010].

Следующей монографией, о которой следует сказать несколько слов, является книга израильского журналиста Михаэля Карпина “The Bomb in the Basement: How Israel Went Nuclear and What That Means for the World” («Бомба в подвале: как Израиль стал ядерной державой, и что это значит для мира») [Karpin 2006]. Эта работа – классический пример журналистского расследования. Автор постарался создать максимально объемную картину через человеческие истории. В книге много героев, чьи воспоминания, интервью, письма, записи официальных встреч помогают читателю понять не только фактуру, но и атмосферу, психологический фон всего происходившего в контексте израильского ядерного проекта. Через исследуемую тематику Карпин постарался показать израильское общество на этапе формирования нового государства в целом, разобрать лидерские модели того времени, систему взаимоотношений внутри правящей элиты. Много места в книге уделено рассмотрению вопросов, связанных с тем, насколько успешная реализация ядерной программы Израиля в реальности изменила ситуацию в сфере безопасности еврейского государства. При чтении книги создается впечатление, что автор честно подошел к ее написанию,

постарался провести серьезное исследование/расследование. После прочтения возникает больше вопросов, чем ответов, хотя многое становится понятно.

Еще одной книгой, на которой стоит остановиться подробнее, является вышедшая в 2016 г. монография американского инженера, специалиста по объектам ядерной инфраструктуры Роджера Мэттсона “Stealing the Atom Bomb: How Denial and Deception Armed Israel” («Украсть атомную бомбу: как отрицание и обман вооружили Израиль») [Mattson 2016]. Эта работа посвящена расследованию одного эпизода – пропажи нескольких сот килограммов обогащенного урана с соответствующего американского объекта. Случилось это в конце 1960-х гг. — приблизительно в то же время, когда Израиль, судя по всему, уже был на пороге получения собственного ядерного оружия. Интересно, что проведенное по итогам происшествия расследование так и не смогло установить, куда этот уран делся. На основании новых рассекреченных документов и других «улик» Мэттсон делает вывод о том, что драгоценный груз предназначался для Израиля. Квалификация автора сомнений не вызывает. Важно, что он знает ситуацию изнутри, был свидетелем и участником многих событий, о которых идет речь в книге. Вряд ли его можно назвать предвзятым. Вопросов к американскому правительству у Мэттсона не намного меньше, чем к израильскому. Данный труд, безусловно, не всеобъемлющее исследование, как предыдущие рассмотренные работы, но существенная иллюстрация тех процессов, о которых в них шла речь. Отметим также, что, по видимому, это последний по времени серьезный труд, имеющий отношение к израильской ядерной программе.

Вышедшая в 2003 г. монография Йоэля Коэна “The Whistleblower of Dimo-

на: Israel, Vanunu, and the Bomb” («Осведомитель о Димоне: Израиль, Вануну и бомба») [Cohen 2003] по сути своей является биографией израильского инженера Мордехая Вануну, работавшего в ядерном центре в Димоне и в 1986 г. рассказавшего британским СМИ о том, что в действительности там происходило. Но представляется, что книга все же относится к пятой группе материалов, так как рассматривает жизнь этого человека именно через призму израильской ядерной программы, да и заглавным ее героем г-н Вануну стал только ввиду своих «разоблачений» процессов в ядерном центре Димоны.

На иврите в 2004 г. вышла книга известного израильского специалиста по вопросам безопасности Заки Шалома, название которой на русский язык можно перевести как «Между Димонной и Вашингтоном: борьба за развитие израильской ядерной опции в 1960–1968 гг.» [Shalom 2004]. Тематика ее очевидна из названия. Автор максимально пристально и дотошно, используя все возможные доступные материалы в США и Израиле, исследует специфику двусторонних отношений по проблеме реализации в Израиле ядерной программы и завесы секретности вокруг этого процесса. Монография вызвала разные отзывы в Израиле, но она, безусловно, является существенным дополнением к нашему представлению о ситуации, которая складывалась в тот период в интересующей нас сфере.

К корпусу литературы по израильской ядерной программе также относятся следующие вышедшие в XX в. монографии: “Israel’s Nuclear Dilemma”

(«Ядерная дилемма Израйля») Яира Эврона (1994)³ – рассмотрение дилемм, возникших перед еврейским государством ввиду реализации национального ядерного проекта; “The Samson Option: Israel’s Nuclear Arsenal and American Foreign Policy” («Вариант “Самсон”: Израильский ядерный арсенал и американская внешняя политика») Сеймура Херша (1991)⁴ – взгляд известного американского журналиста и правозащитника на то, как развивалась израильская программа создания ядерного оружия и почему США предпочитали 30 лет не замечать этого факта; “Deterrence without the Bomb: Politics of Israeli Strategy” («Сдерживание без бомбы: политика израильской стратегии») Янива Авнера (1987)⁵; “Les Deux Bombes” («Две бомбы» – фр.) французского журналиста Пьера Пеана (1982)⁶ – исследование роли Франции в развитии израильской и иракской ядерных программ; “Israeli Nuclear Deterrence: A Strategy for the 1980’s” («Израильское ядерное сдерживание. Стратегия на 1980-е») Шая Фельдмана (1982)⁷.

Существует еще одна публикация по интересующей нас теме, но ввиду давности ее издания – 1971 г. – сложно сообщить о ней что-то более или менее определенное. Известно, что это книга бывшего главы бейрутского Института палестинских исследований Фудата Джабара “Israel and Nuclear Weapons: Present Option and Future Strategies” («Израиль и ядерное оружие: Настоящая ситуация и будущие стратегии»)⁸. Можно только предположить, что это попытка привлечь внимание арабской общественности к проблеме разви-

3 Evron Y. (1994) Israel’s Nuclear Dilemma, Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.

4 Hersh S. (1991) The Samson Option: Israel’s Nuclear Arsenal and American Foreign Policy, New York: Random House.

5 Avner Y. (1987) Deterrence without the Bomb: Politics of Israeli Strategy, Lexington: Lexington Books.

6 Péan P. (1982) Les Deux Bombes, Paris: Fayard.

7 Feldman S. (1982) Israeli Nuclear Deterrence: A Strategy for the 1980s, New York: Columbia University Press.

8 Jabber F. (1971) Israel and Nuclear Weapons: Present Option and Future Strategies, London: Chatto & Windus.

тия израильской программы создания ядерного оружия. Интересно, что вышла она еще до войны 1973 г. (так называемой войны Судного дня). Не исключено, что данная работа, какой бы она ни была с точки зрения качества исследования, является первым аналитическим трудом по исследуемой тематике.

Таким образом, на основании аналитического обзора материалов по вопросу развития израильской ядерной программы можно сделать вывод, что абсолютное большинство источников (если не все), к которым есть доступ у исследователей, введены в научный оборот; рассмотрены основные аспекты данной проблематики. Много внимания уделяется вопросам взаимодействия по ядерной программе между Израилем и США в ключевые для этой программы годы. Создается впечатление, что уже почти все сказано. Только рассекречивание новых документов, вполне вероятно, даст возможность посмотреть на израильскую ядерную программу под другим углом.

Следующие части нашей статьи являются результатом авторского анализа некоторых указанных в данном разделе источников. Эта часть позволяет тем, кто только недавно начал интересоваться указанной тематикой, а также тем, кому она не настолько интересна, чтобы серьезно углубляться в ее исследование, получить представление о современном научном дискурсе по вопросу израильского ядерного проекта.

Зачем Израилю ядерное оружие

Несмотря на то, что основной задачей данной статьи является освещение роли Франции в создании израильской ядерной энергетики, без понимания того, зачем Израиль вообще затеял этот крайне опасный и рискованный проект, решение поставленной задачи

не будет полным. Этот раздел призван продемонстрировать авторское видение данного вопроса.

В 1930–1940-е гг. еврейская община Палестины стала свидетелем беспрецедентной демонстрации отношения стран Европы к своим соплеменникам, проживающим на этом континенте. И дело не только в нацистах Германии, но и в руководстве других стран, которые не были готовы принимать еврейских беженцев до начала массового уничтожения, а позже не очень старались помочь узникам лагерей смерти. Даже после войны, когда европейское общество содрогнулось, оценив масштабы трагедии, Великобритания продолжила политику недопущения еврейских беженцев в Палестину.

Многие палестинские евреи испытывали смесь страха, ненависти, гнева и желания отомстить. Но главное, они поняли теперь уже окончательно, что, кроме как на самих себя, надеяться практически не на кого. Еврейское государство должно стать очагом возрождения еврейского народа. В тот момент не многие верили, что у только что образовавшегося государства это получится. Само выживание Израиля было под большим вопросом.

Один из отцов-основателей страны Давид Бен-Гурион, по-видимому, отдавал себе отчет в том, что все возможные союзники молодого государства, в случае, когда их интересы будут противоречить интересам Израиля, безусловно, будут действовать исходя из собственных национальных интересов, а не из израильских. Нужно было придумать, как вселить в израильское общество уверенность, что Государство Израиль не позволит сделать с евреями то, что позволили с ними сделать руководители стран Европы. Критическое положение, в котором оказалось в 1948 г. только созданное Государство Израиль ввиду нападения на него пяти

арабских армий (война 1948–1949 гг., вошедшая в израильскую историографию под названием «Война за независимость»), только усугубило необходимость принятия мер такого рода. Наглядной демонстрацией таких возможностей было создание сильной армии – национальный проект, первые результаты осуществления которого дали о себе знать очень быстро (уже в 1956 г. Израиль показал, что его армия является силой, с которой следует считаться). Но снять тревогу за свою судьбу, присутствовавшую тогда в еврейской среде, это позволило лишь частично.

Размышления на все эти темы привели Старика (как называли Бен-Гуриона соратники) к мысли о создании решающей силы, само наличие которой вселяло бы страх во врагов и не позволяло бы им угрожать существованию еврейского государства. На эту роль лучше всего подходило совсем недавно продемонстрированное американцами ядерное оружие. Замахнуться на такой проект мог только очень самоуверенный политик. Ведь даже в ХХI в. лишь достаточно крупные страны с мощными ресурсами обладают ядерным оружием, а тогда всего две страны обладали таким арсеналом – США и СССР. Но Бен-Гурион со свойственной ему решительностью и целеустремленностью занялся осуществлением своей «сумасшедшей» идеи. К концу 1960-х гг. программа была реализована! И это в стране, которая первое десятилетие своего существования с трудом справлялась с решением базовых проблем – обеспечением населения продовольствием и крышей над головой.

Представляется, что у ядерного проекта, помимо самого факта его успешного завершения, был еще один положительный результат (не важно, как оценивать сейчас саму суть программы, но то, что молодое государство смогло его реализовать, – это очевид-

но позитивный факт) – такой мегапроект не только способствовал развитию различных управленческих навыков у формирующейся правящей элиты Израиля, но и подстегнул развитие в стране науки и технологий. Вряд ли автор идеи думал об этом, но с сегодняшних позиций этот эффект очевиден.

Из имеющейся по данной проблематике литературы можно сделать вывод, что в момент создания ядерного оружия Израилю была необходима двойственность и завеса тайны, чтобы ни соседи, ни западные партнеры не смогли предотвратить реализацию плана. И эта стратегия была оправдана. Мы видим, что наличие ядерного арсенала действительно служило стратегическим сдерживающим фактором для арабских лидеров. Так, как показывает Карпин, Садат не собирался развивать свои успехи на Синае в 1973 г. с самого начала, так как понимал, что имеет дело с ядерной державой, которая в случае экзистенциальной угрозы своему существованию будет готова применить имеющееся оружие. Представляется, что и сегодня любой, кто воспринимает Израиль как своего врага, принимает в расчет наличие у этой страны ядерного арсенала, что делает его более осмыслительным.

Поднятый ранее вопрос о том, зачем Израилю сейчас придерживать стратегии пятидесятилетней давности, остается открытым. Автор этих строк склоняется к мысли, что наряду с трансформацией большинства концепций и стратегий Израилю следует и реформировать свою ядерную стратегию.

Другой вопрос, который требует ответа: стимулировала ли ядерная программа Израиля гонку ядерных вооружений на Ближнем Востоке? Мне представляется, что нет. И Ливия, и Ирак, и Сирия, и, предположительно, Иран формировали свои программы безотносительно Израиля, хотя его пример, скорей

всего, вселял в них уверенность в возможном успехе собственных проектов.

И в завершение этого раздела следует поднять еще один вопрос: имеет ли право Израиль, создавший свой ядерный арсенал вопреки позиции мирового сообщества, активно вмешиваться в ядерные программы других стран?⁹ С одной стороны, очевидным кажется ответ «нет». С другой, Израиль на протяжении всех семидесяти лет своей независимости демонстрирует стабильность общественного уклада и системы управления. Более того, эта система безусловно демократическая. К тому же ни один из лидеров за это время не позволял себе сомневаться в целесообразности нахождения на политической карте мира таких государств, как Иордания, Ливия, Ливан и пр., хотя многие из них в нынешнем формате, по крайней мере, являются результатом искусственного деления колоний, предпринятого Великобританией и Францией. Эти же страны открыто призывают или призывали к уничтожению еврейского государства. А их общества и элитные группы зачастую крайне нестабильны. И ответственного поведения от этих элит в случае сложной ситуации не всегда приходится ожидать. Поэтому, будь у них ядерное оружие, невозможно предположить, какие бы последствия это имело для региона.

Франция и ядерная программа Израиля

Представляется, что к настоящему моменту абсолютное большинство рассекретенных документов по роли Франции в формировании и развитии ядерной программы Израиля проанализировано в указанной в предыдущем разделе

литературе. В этой связи предлагаемый вниманию читателя текст являет собой сжатое авторское изложение событий, созданное на основе анализа имеющихся источников информации.

По мнению автора этих строк, существуют три основные причины, по которым Франция оказывала содействие Израилю в разработке и осуществлении ядерной программы.

Первая из них – наследие Второй мировой войны. Послевоенная французская элита, да и вся страна, разделилась на два лагеря – «чистые» французы и коллаборационисты. Другими словами, в тот период жители этой европейской страны определяли друг друга по отношению к немецкой оккупации – сопротивление или сотрудничество. Для многих граждан Четвертой республики и ее элитных групп факт сотрудничества французов с нацистским режимом считался позорной страницей в современной истории отечества. Более того, многие участники Сопротивления были узниками концентрационных лагерей и не только прекрасно знали, что происходило с евреями (в частности с гражданами Франции), но и сами подвергались жестокому обращению. В этой связи ряд представителей «чистой» элиты испытывали стыд перед евреями, который трансформировался в своего рода симпатию к евреям Израиля и готовность оказать им поддержку, если таковая понадобится.

Второй причиной является наличие во Франции значительной еврейской общины. Она безусловно была ослаблена трагедией Холокоста. Однако марокканские и алжирские евреи, пусть и не в той степени, как после их массового выезда из этих стран ввиду обретения ими независимости, и тогда играли определенную роль в общественной

9 В 1981 г. израильские ВВС уничтожили иракский ядерный реактор, а в 2007 г. – сирийский.

и деловой жизни Четвертой республики. Известно, что некоторые французские промышленники и предприниматели еврейского происхождения оказывали поддержку израильским эмиссарам в получении необходимых контактов и организации нужных встреч.

Третьей причиной явилось то, что Франция, стремившаяся доказать в первую очередь самой себе, что она по-прежнему мировая держава, решила создать собственное ядерное вооружение, став, таким образом, второй страной в Западной Европе и единственной на континентальной ее части обладательницей ядерного арсенала. Как оказалось, в процессе реализации этой программы израильские ученые имели возможность содействовать французским коллегам в решении некоторых стоящих перед ними проблем.

Нельзя, конечно, отрицать и роль личности в истории. Идеолог и создатель французской ядерной бомбы, известный химик, работавший еще с Марией Кюри, а потом принявший участие в Манхэттенском проекте, Бертран Голдшмидт имел еврейское происхождение. Это, безусловно, автоматически не означает поддержку им Израиля и всех начинаний этой страны. Однако, как кажется, вкупе со всеми перечисленными выше причинами фактор происхождения Голдшмидта сыграл не последнюю роль в том, что он принял активное участие в реализации израильского ядерного проекта.

На самом деле существовала еще одна причина скорей тактического свойства, которая стимулировала французскую элиту 1950-х гг. содействовать столь экстраординарным устремлени-

ям лидеров еврейского государства. К этому времени Израиль оказал Франции две услуги. Во-первых, израильские спецслужбы предоставляли своим французским коллегам информацию о действовавшем тогда в Алжире подполье, нацеленном на освобождение этой страны от Франции. Во-вторых, Израиль выступил союзником Франции и Великобритании в провалившейся в итоге Синайской кампании, целью которой было не дать возможность египетскому лидеру Г.А. Насеру национализировать Суэцкий канал. Израиль свою часть плана выполнил полностью¹⁰. Сотрудничество такого рода позволило элитам обеих стран выйти на тот уровень взаимопонимания, когда можно обсуждать самые сложные и нестандартные задачи.

Итак, на начальном этапе взаимоотношений (середина 1950-х гг.) израильские эмиссары во главе с генеральным директором¹¹ министерства обороны Израиля Шимоном Пересом¹² лишь давали французам понять об амбициозных планах молодого еврейского государства обзавестись собственным ядерным оружием. Желавшие того же для своей страны французские военные и политики с пониманием относились к этой идее.

В августе 1956 г. Перес посчитал, что двусторонние отношения находятся на уровне, достаточном для начала серьезных переговоров по ядерной программе. С этой целью в Париж отправили специального переговорщика. Интересно, что дипломатические ведомства обеих стран были исключены из этого процесса. Координация велась между представителями военного истеблиш-

10 О Синайской кампании существует ряд книг, см., в частности: [Golani 1998; Dayan 1991].

11 Высшая профессиональная должность в израильских министерствах, тогда как министр – это всегда политическая фигура.

12 Шимон Перес – легендарная для Израиля фигура. За свою долгую жизнь и политическую карьеру он добился очень многого. Но даже на этом фоне его роль в создании израильской ядерной программы, в частности в обеспечении участия в ней Франции, стоит особняком.

мента. Официальная версия причины такого решения заключается в опасении возможных утечек через дипломатические каналы в случае, если министерства иностранных дел будут принимать участие в переговорах. На начальном же этапе требовалась максимальная секретность, которую могли обеспечить только военные и доверенные лица из научно-технической сферы. При анализе событий того времени такой подход представляется вполне оправданным. Однако, как видно из опубликованных материалов, он способствовал росту напряженности между соответствующими элитными группами, что периодически усложняло работу по проекту.

Уже в сентябре того же года французский Комиссариат по атомной энергии¹³ согласился продать Израилю ядерный реактор с максимальной мощностью в 10 мегаватт. Речь шла о реакторе типа EL-2, который работал на чистом уране, управлялся тяжелой водой, а охлаждался сжатым газом. Он был годен как для гражданских, так и для военных целей. Однако прежде чем решение стало реальностью, оно должно было быть одобрено правительством Франции. Скорее всего, получить одобрение было бы невозможно, если бы не удача в виде необходимости для Франции и Британии использовать Израиль в качестве повода для военного конфликта с насеровским Египтом (см. [Golani 1998; Dayan 1991]). Более того, в период переговоров по Синайской кампании Израиль получил устное заверение от французского руководства в том, что Франция поставит ему помимо реактора еще и уран.

Как известно, Синайская кампания закончилась для Британии и Франции провалом. Их основная цель достигну-

та не была, а разразившийся скандал оказался серьезным. Но Израиль, как уже отмечалось, со своей ролью в кампании справился. И руководство страны напомнило французским коллегам о данном ими обещании. Интенсивные переговоры по этому вопросу велись еще восемь месяцев и обросли рядом подробностей. Создается впечатление, что занятые решением своих внутренних проблем французы были застигнуты врасплох напором израильтян – они согласились поставить еврейскому государству, помимо реактора (мощность которого, по некоторым данным, была увеличена) и урана, еще и дополнительное оборудование, позволяющее, по мнению ряда источников, решать чисто военные задачи.

В сентябре 1957 г. стало очевидно, что дружественное Израилю французское правительство может в скором времени пасть. Нужно было успеть подписать соглашение по поставкам необходимого оборудования. Израильтяне в Париже работали в этом направлении очень интенсивно. Политиков удалось убедить достаточно быстро. Однако без визы главы Комиссариата по атомной энергии Франсиса Перрена подписание состояться не могло. Перрена же интересовали в первую очередь перспективы развития отечественного ядерного проекта. Израильтяне смогли убедить его в том, что израильские коллеги могут быть полезными в решении проблем, стоящих в этой сфере перед Францией. Перрен дал добро. Глава правительства соглашение подписал. Вскоре после этого, действительно, и глава кабинета министров Франции, и его члены в полном составе подали в отставку.

В итоге Израиль получил от Франции: реактор мощностью 24 мегаватт (некоторые утверждают, что его

13 С 2010 г. – Комиссариат по атомной и альтернативным видам энергии.

мощность составила целых 150 мегаватт); согласие поставлять обогащенный уран; завод по извлечению плутония; согласие предоставить израильским ученым возможность пройти стажировку на французских ядерных объектах. Израиль официально декларировал сугубо гражданские цели своей программы. Скорее всего, обе стороны понимали, что это фикция. Данное соглашение беспрецедентно. Ни одна страна никогда не передавала другой набор оборудования и материалов для реализации ядерной программы, включающей возможности создания атомной бомбы. По некоторым данным, стоило это соглашение Израилю порядка \$40 млн в ценах того времени.

К концу 1957 г. проект начал набирать обороты. Первые израильские ученые после череды согласований приступили к работе во французском ядерном центре в Сакле (в 20 км от Парижа). А в Израиль стали прибывать первые французские научные советники и технические специалисты. В Димоне – небольшом городке в северном Негеве (пустыня в южной части Израиля) – начались инфраструктурные работы: большая территория в пустыне была огорожена, к ней подведены дороги, электричество. Масштаб работ для молодого государства был столь значительным, что цемента не хватало на гражданское строительство.

Больше всего и израильтян, и французов волновала проблема секретности. Израильскому руководству нужно было придумать, как скрыть масштаб работ, в частности строящийся огромный купол. К тому же нужно было объяснить, с чем связан десант французов в столицу Негева Беер-Шеву. А их там стало появляться все больше – они арендовали квартиры, ходили в магазины, бары, кафе. Во Франции же десятки инженеров, технологов и других специалистов оставляли свои семьи, чтобы совершить

путешествие в неизвестном направлении. Да и сложно было пройти мимо, не заметив ряд строившихся по заказу Израиля объектов ядерной инфраструктуры, которые потом по дорогам и рекам Франции совершали свое путешествие к морю, чтобы отправиться в восточное средиземноморье. Избежать вопросов в обеих странах было практически невозможно. Во французском Комиссариате по атомной энергии было создано специальное подразделение по обеспечению секретности франко-израильского проекта. В Израиле же с этой целью организовали специальную службу с невинным названием «Бюро научных связей». Обе структуры работали исправно, и первые несколько лет утечек, судя по всему, не было.

Отметим, что на начальном этапе работ израильтяне практически не имели опыта организации масштабных проектов. Вследствие этого даже скорость строительства реактора определялась французскими специалистами. Поэтому крайне важно было обеспечить нормальное функционирование проекта с французской стороны, так как именно от этого зависело дальнейшее его развитие. И тут израильтянам повезло. Первые несколько лет осуществления проекта французским министром атомной энергетики, отвечающим в частности за работу соответствующего Комиссариата, был симпатизировавший идеям сионизма Жак Сустель. Говорят, что он относился к строящемуся в Димоне реактору так, будто все происходило на территории его родной страны. Мне, правда, представляется более логичным объяснение, связанное с ролью израильских спецслужб в борьбе их французских коллег с алжирским подпольем. Как уже отмечалось ранее, израильтяне передавали французам важную разведывательную информацию о деятельности этой организации. Для Сустеля,

активного сторонника сохранения Алжира в составе Франции, судя по всему, такой своеобразный бартер – израильская информация по Алжиру в обмен на участие Франции в создании израильской ядерной энергетики – был вполне приемлемым.

В любом случае, такое отношение к вопросу министра атомной энергетики Франции позволяло Пересу и его коллегам напрямую обращаться к Суستهлю, если возникали бюрократические препоны или другие задержки в реализации проекта ввиду сложности стыковки многочисленных занятых в нем французских компаний, производивших различные части реактора и сопутствующих ему заводов и другое оборудование. И министр решал возникавшие проблемы.

Пришедший к власти во Франции в 1958 г. генерал де Голль распорядился разорвать связи с Израилем. Однако его чиновники на более низком уровне как минимум два года по сути саботировали это распоряжение и продолжали выполнять подписанное предыдущим правительством соглашение о поставках ядерного реактора и соответствующего оборудования в Израиль. Сам по себе этот факт удивителен. Как могло получиться, что члены команды одного из самых авторитарных лидеров послевоенной Западной Европы, причем именно привыкшие к субординации военные, ослушались прямого распоряжения своего патрона?

Однозначно на этот вопрос ответить сложно. Но этот установленный факт требует хоть какого-то объяснения. Эксперты выделяют две основные причины произошедшего. Во-первых, занятый в первые годы своего правления сугубо внутренними вопросами Де Голль не имел возможности и желания проследить за ходом выполнения своего распоряжения по Израилю. А члены его команды, такие как

Суستهль, видели в сотрудничестве с еврейским государством существенную пользу и ради этого готовы были ослушаться своего лидера. Во-вторых, как ни странно, израильтяне могли помочь французским коллегам в развитии их собственной программы, о чем Де Голль мог быть осведомлен и поэтому до поры до времени закрывал глаза на происходящее. Тут требуются некоторые объяснения.

Одной из сложных проблем научного свойства, с которой всегда сталкиваются ученые, работающие над реализацией атомной программы, является контроль за ядерной реакцией с тем, чтобы расщепление и выход энергии происходил в запланированное время и с запланированной силой. Для этого необходимо решить две задачи: во-первых, нужно подобрать правильное количество расщепляющегося материала (критическую массу), чтобы запустить цепную реакцию, результирующую взрывом. И во-вторых, нужно научиться контролировать темп бомбардировки нейтронов внутри ядер изотопов с целью регулирования выхода энергии, выделяющейся при разрушении ядер.

Для расчета критической массы французам как раз и понадобилась помощь израильтян. Проведение таких расчетов требовало очень точной симуляции, которую в те годы можно было сделать только при помощи суперкомпьютеров. Такие машины имелись у США. Но Соединенные Штаты не были в восторге от попыток Франции создать собственное ядерное оружие и поэтому не стремились предоставить им свои вычислительные мощности. Удивительно, но у Израиля необходимые мощности были. В 1955 г. инженерами-электронщиками из Института им. Х. Вейцмана был разработан компьютер WEIZAC. Он был создан на основе разработок фон

Ноймана из Принстонского университета США. Однако компьютер обладал некоторыми уникальными характеристиками и стал одним из первых электронных компьютеров с сохраняемой программой [Марьясис 2015, с. 60]. И израильтяне этот компьютер французским коллегам предоставили. В дальнейшем результаты проделанных вычислений помогли Франции решить указанные проблемы. Существенно также и то, что французы поделились и этими своими достижениями с израильскими учеными (отметим, что при решении этой задачи Израиль получил поддержку от ряда специалистов и из других стран мира).

Однако в апреле 1960 г. (уже после проведенных Францией испытаний своей ядерной бомбы) Де Голль все же обратил внимание на продолжавшееся вопреки его распоряжению франко-израильское сотрудничество. На этот раз президент Пятой республики решил довести дело до конца. Были отданы необходимые распоряжения по всей вертикали власти. Важнейшим условием, чтобы Франция продолжила выполнять свои обязательства по контракту, Де Голль назвал открытие объектов израильской ядерной инфраструктуры для международных наблюдателей. Израиль на это пойти не мог.

Для израильской ядерной программы это был критический момент. С одной стороны, строительство скелета ядерного реактора в Димоне уже было закончено. С другой, фабрики по извлечению плутония еще построить не успели, а без плутония реализовать военную составляющую атомной программы не представлялось возможным. Однако оказалось, что эмбарго на сотрудничество с Израилем чувствовалось только на дипломатическом уровне. После того как шумиха улеглась, французские компании и эксперты продолжили выполнять свои обязательства по заключен-

ному с Израилем контракту. Тут не обошлось без фактора личности, а именно Бертрана Голдшмидта, о котором говорилось ранее. Он и некоторые его единомышленники смогли предотвратить остановку реализации проекта. В результате переговоров с участием Переса был найден компромисс: французское государство официально прекращает деятельность по проекту, но договоры, заключенные с частными французскими компаниями, остаются в силе. Таким образом удалось сохранить самые существенные для Израиля части проекта. Еще три года французские специалисты продолжали работать в Израиле, пока не завершили все то, что обязаны были сделать по контракту. При этом часть работ, которые изначально должны были производить именно они, теперь, ввиду новой ситуации, была передана для исполнения израильским подрядчикам.

Так закончилась не только глава в истории развития израильской ядерной программы, но и целая, пусть и короткая, эпоха во франко-израильских отношениях, когда страны в реальности были стратегическими партнерами.

Итак, в статье показано что стремление молодого еврейского государства создать собственное ядерное оружие было вызвано набором рациональных и иррациональных факторов. Сегодня существует значительное количество разнообразных работ по данной проблематике, основные из которых рассмотрены в статье.

Именно 1950-е гг. явились тем окном возможностей, в котором только и можно было Израилю начать реализацию своих амбициозных планов. Этому есть две причины: во-первых, в тот момент в молодом государстве партия власти и ее лидер пользовались значительными свободами и были в меньшей степени подотчетны институтам гражд-

данского общества, чем сейчас, что позволило Бен-Гуриону и его соратникам реализовывать свои планы без оглядки на них. А во-вторых, мир учился жить с ядерным оружием – система сдерживания его распространения только формировалась. Многие были еще непонятны. Это позволило Израилю, по крайней мере на начальном этапе реализации ядерной программы, что называется, пройти под радаром.

Франция сыграла ключевую роль в создании израильской ядерной программы. Во многом это стало возможным благодаря той части истеблишмента Четвертой (а затем и Пятой) республики, которая чувствовала свою историческую вину перед французскими евреями и симпатизировала Израилю. Но это не было актом чистого альтруизма. Израиль оказывал Четвертой республике услуги разведывательного и военно-политического характера и содействовал в решении французскими учеными сложных проблем, возникших на пути реализации Францией собственной ядерной программы.

Вряд ли сегодня обе страны готовы вернуть тут уровень отношений, который наблюдался в указанный период. Этому есть много причин. Однако сегодня Израилю опять есть что предложить Франции – инновационные идеи. Именно экономика инноваций может стать платформой для выхода франко-израильского сотрудничества на новый уровень. Но это уже тема для другой статьи.

Список литературы

- Есин В.И. (2013) Оружие последней надежды // Военно-промышленный курьер. № 41(509) // <https://vpk-news.ru/articles/17884>, дата обращения 30.11.2018.
- Карасова Т.А. (2015) Израиль и США: основные этапы становления стратегического партнерства, 1948–2014. М.: Аспект Пресс.
- Марьясис Д.А. (2015) Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. М.: ИВ РАН.
- Тимербаев Р. (1999) Израиль и бомба. Авнер Коэн // Ядерный контроль. № 4. С. 85–88.
- Эпштейн А. (2014) Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. М.: Мосты культуры и Институт Ближнего Востока.
- Bronner E. (2010) Vague, Opaque and Ambiguous: Israel's Hush-Hush Nuclear Policy // New York Times, October 13, 2010 // <https://www.nytimes.com/2010/10/14/books/14book.html>, дата обращения 30.11.2018.
- Cohen A. (1998) Israel and the Bomb, New York: Columbia University Press.
- Cohen A. (2010) The Worst-Kept Secret: Israel's Bargain with the Bomb, New York: Columbia University Press.
- Cohen Y. (2003) The Whistleblower of Dimona: Israel, Vanunu, and the Bomb, New York: Holmes & Meier Publishers.
- Dayan M. (1991) Diary of the Sinai Campaign, A Da Capo Press.
- Golani M. (1998) Israel in Search of War: The Sinai Campaign 1955–1956, Brighton, UK: Sussex Academic Press.
- Karpin M. (2006) The Bomb in the Basement: How Israel Went Nuclear and What That Means for the World, New York: Simon and Schuster.
- Mattson R. (2016) Stealing the Atom Bomb: How Denial and Deception Armed Israel, Create Space Independent Publishing Platform.
- Shalom Z. (2004) Bein Dimona le-Vashington: haMa'avak Al Pituach haOp'cia haGar'init Shel Israel, 1960–1968, Sdeh Boker: Ben-Gurion University of Negev Press.

The Pages of the Past

France, Implementation of the Israeli Nuclear Program and the Discussion on this Issue

Dmitry A. MAR'JASIS

PhD in Economics, Deputy Dean of the Faculty of Economic Sciences, Institute of Economics, Mathematics and Information Technology, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Address: 82, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation. E-mail: dmaryasis@yandex.ru

CITATION: Mar'jasis D.A. (2018) France, Implementation of the Israeli Nuclear Program and the Discussion on this Issue. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 144–160 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-144-160

ABSTRACT. *This paper is devoted to the consideration of some aspects related to the development of the Israeli nuclear program. In the first part of it, the main literature and sources on this subject are considered and classified. The second part of the work presents an author's analysis of the reasons why the newly independent state of Israel decided to implement an unprecedented project in terms of its scale and level of risk. The third part of the article is devoted to the study of France's role in the formation and development of the Israeli nuclear program. The paper shows that all information about the Israeli nuclear program can be divided into five groups: personal documents of people who somehow related to the formation of the concept of the country's nuclear program and its implementation; Israeli and foreign official documents relating to the subject matter under study, including transcripts of meetings and speeches; articles, notes, blogs on the Internet in various languages; mentions of the Israeli nuclear program in monographs devoted to a different subject; monographs devoted directly to issues related to the development of*

the Israeli nuclear program. To the reasons that prompted Israel to launch its own project on creating nuclear weapons, it should be attributed: the trauma of the Holocaust, the irrational fear of total destruction of the Jewish people and the consequent need to ensure the security of the only Jewish state. The paper shows the key role of France, and especially the military establishment of the Fourth Republic, in the emergence of the Israeli nuclear program; the motives that prompted the French elite to render effective assistance to the young state in implementing such an ambitious project are examined as well.

KEY WORDS: Israel, nuclear program, France, group of materials, reactor, defense, foreign police, security

References

Bronner E. (2010) Vague, Opaque and Ambiguous: Israel's Hush-Hush Nuclear Policy. *New York Times*, October 13, 2010. Available at: <https://www.nytimes.com>

com/2010/10/14/books/14book.html, accessed 30.11.2018.

Cohen A. (1998) *Israel and the Bomb*, New York: Columbia University Press.

Cohen A. (2010) *The Worst-Kept Secret: Israel's Bargain with the Bomb*, New York: Columbia University Press.

Cohen Y. (2003) *The Whistleblower of Dimona: Israel, Vanunu, and the Bomb*, New York: Holmes & Meier Publishers.

Dayan M. (1991) *Diary of the Sinai Campaign*, A Da Capo Press.

Epshtejn A. (2014) *Blizhajshie soyuzniki? Podlinnaya istoriya amerikano-izrail'skikh otnoshenij* [The Closest Allies? The Genuine History of US-Israeli Relations], Moscow: Mosty kul'tury i Institut Blizhnego Vostoka.

Esin V.I. (2013) *Oruzhie poslednej nadezhdy* [The Last Hope Weapon]. *Voenno-promyshlennyj kur'er*, no 41(509). Available at: <https://vpk-news.ru/articles/17884>, accessed 30.11.2018.

Golani M. (1998) *Israel in Search of War: The Sinai Campaign 1955–1956*, Brighton, UK: Sussex Academic Press.

Karasova T.A. (2015) *Izrail' i SSHA: osnovnye etapy stanovleniya strategicheskogo*

partnerstva, 1948–2014 [Israel and the US: the Main Stages in the Formation of Strategic Partnership, 1948–2014], Moscow: Aspekt Press.

Karpin M. (2006) *The Bomb in the Basement: How Israel Went Nuclear and What That Means for the World*, New York: Simon and Schuster.

Mar'jasis D.A. (2015) *Opyt postroeniya ekonomiki innovatsij. Primer Izrailya* [Innovation Economy Building Experience. The Case of Israel], Moscow: IV RAN.

Mattson R. (2016) *Stealing the Atom Bomb: How Denial and Deception Armed Israel*, Create Space Independent Publishing Platform.

Shalom Z. (2004) *Bein Dimona le-Vashington: haMaavak Al Pituach haOp'cia haGar'init Shel Israel, 1960–1968* [Between Dimona and Washington: The Fight For Israeli Nuclear Option, 1960–1968], Sdeh Boker, Ben-Gurion University of Negev Press.

Timerbaev R. (1999) *Izrail' i bomba*. Avner Cohen [Israel and the Bomb by Avner Cohen]. *Yadernyj kontrol'*, no 4, pp. 85–88.

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

1 8 0 0 6

>